

ДНК ФРЭНСИС

Последний
барьер

ДИК ФРЭНСИС

Последний барьер

ТАШКЕНТ
«УЗБЕКИСТАН»
2015

УДК: 821.111-3.1
ББК 84(4 Ингл)
Ф93

Прозв. аил.
писателі

ISBN 978-9943-28-293-3

Alisher Navoiy

ИПТД «УЗБЕКИСТАН», 2015

2016/2

-- 92

O'zbekiston MK

Глава 1

Граф Октябрь появился на выдавшем виды бледно-голубом «холдене», а следом в жизнь мою вползли непрощенные гости — опасность и смерть.

Когда машина въехала в ворота, я шел к дому через небольшой загон, и ее приближение не вызвало у меня никакого интереса. Очередной агент по продаже, кто же еще? Голубая машина мягко остановилась между мной и дверью моего дома.

Из «холдена» вылез шатен лет сорока пяти, среднего роста, широкоплечий, с крупной, правильной формы головой и гладко причесанными волосами. На нем были серые брюки, рубашка из тонкой шерсти, строгий темный галстук, в руках — неизменный портфель. Я вздохнул, перелез через изгородь и пошел к нему — сказать, что всучить свой товар ему здесь не удастся.

— Где я могу видеть мистера Дэниэла Рока? — спросил он. Даже мое нетренированное ухо уловило, что это — англичанин, и сама по себе пришла мысль о дорогих частных школах. Держался он солидно и с достоинством, а не как торговцы и коммерсанты, которые с ходу начинают нахваливать свой товар. Я взглянул на него повнимательнее и решил не говорить, что меня нет дома. Чем черт не шутит! Возможно, это хороший клиент.

— Дэниэл Рок, — без особой радости объявил я, — это я.

Веки его дернулись от удивления.

— О-о, — только и произнес он.

К такой реакции я давно привык. На хозяина процветающего конного завода я никак не тяну — сам знаю. Во-первых, я слишком молодо выгляжу, хотя и не чувствую себя молодым. Моя сестричка Белинда говорит, что не часто встретишь бизнесмена, которого можно принять за итальянского крестьянина. Умница моя сестричка. Просто волосы у меня — черные, глаза — карие, а кожа — желтоватая и быстро загорает. К тому же в тот день на мне были самые мои старые, самые затасканные джинсы, нечищенные ездовые сапоги — и больше ничего.

Какое-то время мой посетитель смотрел по сторонам. Аккуратные загоны с выкрашенными белой краской изгородями, впереди Г-образный конюшенный двор, справа — обшитые кедром стойла для жеребят. Первое впечатление, что дело здесь поставлено хорошо и солидно, не было обманчивым. Я работал не жалея сил и мог с чистой совестью просить за своих лошадей хорошие деньги.

Гость повернулся налево и посмотрел на синезеленую лагуну, дальний конец которой обрамляли прекрасные скалистые горы с покрытыми снегом вершинами. Вокруг каждой вершины — венчик перистых облаков. Дивная, величественная картина, когда видишь ее впервые.

А для меня это давно стало каменным мешком.

— Поразительная красота, — восхитился он. Потом круто повернулся ко мне, чуть помедлил и начал: — Я... видите ли... В Перлуме я услышал, что у вас... у вас работает конюх, англичанин... и что он якобы хочет вернуться домой. — Он сделал паузу, потом продолжил: — Не удивляйтесь, но при некоторых обстоятельствах, и если он, конечно, согласится, я бы с удовольствием оплатил бы ему проезд и предоставил работу на другом конце... — Он опять умолк.

Интересно, неужели конюхи в Англии стали таким дефицитом, что их приходится вербовать в Австралии?

— Может быть, пройдем в дом, — предложил я, — и вы мне все объясните?

Мы вошли в гостиную, и за спиной я услышал его восторженное восклицание. Эта комната поражала всех, кто в нее заходил. Почти всю дальнюю стену занимало окно, и оно словно окаймляло самую эффектную часть лагуны и гор, приближало их; мне же казалось, что они сомкнулись еще теснее обычного. Я сел к ним спиной в старую качалку из гнутой древесины и жестом предложил гостю занять кресло напротив.

— Итак, мистер... — я помедлил.

— Октябрь, — с готовностью подсказал он. — Только не мистер. Граф.

Я с любопытством взглянул на него. В моем представлении граф должен выглядеть как-то иначе. Скорее он похож на хваткого президента компании, выехавшего в отпуск. Впрочем, никто ведь не мешает графу быть президентом компании! Вполне возможно, что иногда им приходится становиться президентами против своей воли.

Он едва заметно улыбнулся.

— Наверное, следует начать с того, что в Австралию меня привели дела — у меня интересы в Сиднее, приезд же в ваши края — это последний этап частной поездки по местам, где готовят и растят скаковых лошадей. Я один из руководителей национального английского Жокей-клуба по стипль-чезу и скачкам с препятствиями, и, естественно, мне крайне интересно знать, как готовят лошадей в Австралии... Так вот, когда я обедал в Перлуме (это ближайший город, километрах в двадцати пяти отсюда), я разговорился с каким-то человеком. Он по акценту узнал во мне англичани-

на и сказал, что в этих краях обитает лишь один мой соотечественник — он работает у вас конюхом и настолько глуп, что хочет вернуться обратно.

— Верно, — согласился я. — Это Симмонс.

— Артур Симмонс, — кивнул он. — Что он за человек?

— Очень хороший конюх, — сказал я. — Но желание вернуться в Англию возникает у него, только когда он пьян. А пьяным он бывает только в Перлуме. Здесь — никогда.

— Понятно, — сказал он. — Так, может быть, он поедет, если предоставить ему такую возможность?

— Не знаю. Смотря зачем он вам нужен.

— За последние пару лет у нас участились случаи применения допинга на скачках, — решительно заговорил он, — и мы приняли серьезные меры. Люди привлекались к судебной ответственности, попадали в тюрьму, в конюшнях была введена строгая дисциплина, у лошадей регулярно брали на анализ слюну и мочу. Для борьбы с допингом на выигрыш мы стали выборочно проверять первую четверку лошадей. Мы проверяли всех проигравших фаворитов, чтобы выявить допинг на проигрыш, особенно если проигрыш этот выглядел подозрительным. Почти все результаты анализов после введения новых правил оказались отрицательными.

— Прекрасно, — сказал я без особого энтузиазма.

— Ничуть. Кто-то изобрел средство, выявить которое наши врачи-ветеринары не могут.

— Но разве такое возможно? — вежливо поинтересовался я. Время проходило впустую, а дел было по горло.

Он понял, что его проблемы меня заботят мало.

— Таких нераскрытых случаев было десять, лошади средних возможностей пришли к финишу

первыми. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять — этих лошадей чем-то стимулировали, но результаты анализов не показали абсолютно ничего. — Он помолчал. — Допинг — почти всегда дело рук персонала. Другими словами, конюхи имеют к этому отношение всегда, пусть незначительное, — например, могут сказать кому-то, в каком деннике стоит нужная лошадь.

Я понимающе кивнул. В Австралии тоже жулья хватает.

— Два других стюарда национального Жокей-клуба и я уже не раз думали о том, как бы проследить за введением допинга изнутри, через персонал, то есть...

— Чтобы какой-нибудь конюх шпионил для вас? — подсказал я.

Он чуть поморщился.

— Вы, австралийцы, не любите ходить вокруг да около, — пробормотал он. — Да, в общем-то мысль была именно такая. Впрочем, дальше разговоров дело не пошло, потому что здесь много трудностей, и, откровенно говоря, у нас нет никакой гарантии. Вполне возможно, что конюх, к которому мы обратились бы, уже давно работает для... другой стороны.

Я усмехнулся.

— А с Симмонсом такая гарантия есть?

— Да. К тому же он англичанин и в мир скачек войдет совершенно незамеченным. Мне пришло это в голову сегодня во время обеда. Поэтому я спросил дорогу и поехал прямо к вам — посмотреть, что он за человек.

— Пожалуйста, вы можете поговорить с ним, — сказал я, поднимаясь. — Но думаю, это бесполезное дело.

— Мы хорошо ему заплатим, — не понял меня он.

— Я не о том. Предложение ваше он, может, и примет. Просто эта работа ему не по плечу — он с ней не справится.

Мы вышли в залитый солнцем двор.

— Подождите, сейчас я его позову, — сказал я, завернул за угол дома и, приложив пальцы к зубам, резко свистнул. В окне небольшого домика на другом конце двора показалась голова, и я крикнул:

— Позови Артура!

Голова кивнула, исчезла, и вскоре Артур Симмонс засеменял ко мне — не первой молодости, низкорослый, кривоногий, весь облик его говорил, что человек этот — сама простота. Я отвел его к графу Октоберу и оставил их наедине. Вскоре я вернулся. Издалека я видел, как Октобер вытащил из бумажника какой-то банкнот и протянул его Симмонсу. Артур, конечно, не согласится, хоть он и англичанин. Он уже много лет живет здесь, прижился, стал таким же австралийцем, как и все мы. Нет, в Англию его никаким пирогом не заманишь, а по пьянке человек может сказать любую глупость.

— Вы были правы, — сказал мне Октобер. — Человек он, видно, прекрасный, но для такой работы не годится. Я даже не стал ему ничего предлагать.

— А не слишком ли много вы ждете от простого конюха, пусть даже самого толкового? Разве он сумеет сделать то, перед чем спасовали такие люди, как вы?

— Согласен. Это и есть одна из трудностей, о которых я говорил. Но мы сейчас хватаемся за любую соломинку. И готовы испробовать любое средство. Любое. Положение очень серьезное, уверяю вас.

Мы подошли к его машине, и он открыл дверцу.

— Спасибо вам, мистер Рок. Надеюсь, я отнял у вас не очень много времени? — Он улыбнулся, однако я видел, что он немного смущен и расстроен.

Я покачал головой и улыбнулся в ответ, а он включил двигатель, развернулся и поехал к воротам. Я забыл о нем раньше, чем он успел скрыться из виду.

Забыл. Однако нам суждено было встретиться снова.

Он вернулся на следующий день, перед заходом солнца. Когда я увидел его, он терпеливо сидел в своей голубой машине и курил — конечно, уже выяснил, что в доме никого нет.

Я шел из конюшни — вечером там всегда полно работы — и отметил про себя, что он снова застал меня в самом неприглядном виде.

Увидев меня, он вылез из машины и затоптал сигарету.

— Добрый вечер, мистер Рок. — Он протянул руку, и я пожал ее.

На сей раз он не торопился начать разговор. Ни капли смущения в его облике не было. Наоборот, сейчас любой бы понял, что человек этот привык верховодить, и я вдруг увидел в нем ту силу, которая заставляет несговорчивых директоров голосовать на заседании правления за внесенное им предложение.

И я сразу понял, что он приехал по мою душу.

Я с легким сомнением взглянул на него, потом жестом пригласил в дом, и мы вошли в гостиную.

— Что-нибудь выпьете? — предложил я. — Виски?

— Спасибо. — Он взял стакан.

— Если не возражаете, — сказал я, — я пойду переоденусь. — «И подумаю», — добавил я про себя.

Я принял душ, надел хорошие брюки, носки, домашние туфли, белую поплиновую рубашку и темно-синий шелковый галстук. Я аккуратно причесал перед зеркалом влажные волосы и вычистил грязь из-под ногтей. Деловой разговор желательно вести на равных, тем более с графом, настроенным столь решительно.

Я вошел в гостиную, и он поднялся, одним едва заметным взглядом оценив происшедшую со мной перемену.

— Наверное, — сказал он, — вы догадались, зачем я приехал.

— Возможно.

— Чтобы предложить вам работу, которую вчера предлагал Симмонсу, — объявил он без обиняков, но и без лишней спешки.

— Я так и подумал, — ответил я. Потом чуть отхлебнул из стакана. — Увы, принять ваше предложение не могу.

Мы стояли и смотрели друг на друга. Я знал, что Дэниэл Рок, стоящий перед ним, здорово отличается от вчерашнего. Более солидный. Наверное, более похожий на человека, которого он ожидал увидеть здесь вчера. Известное дело, по одежке встречают.

— Я многое узнал о вас, — медленно произнес он. — Вчера, возвращаясь от вас, я вдруг подумал: как жаль, что вы не Артур Симмонс. Вы бы прекрасно подошли для этой работы. Вчера вы выглядели... извините меня... как раз то, что нам надо. — В голосе послышались виноватые нотки.

— А сейчас нет?

— Вы сами знаете, что нет. Вы, наверное, специально и переоделись. Не сомневаюсь, что если бы предстали передо мной в таком виде вчера, мне бы и в голову не пришло предложить вам что-нибудь подобное. Но когда вы шли через загон по-

лугольный, в драных джинсах, похожий на цыгана, я действительно принял вас за наемного работника... Ради бога, извините.

Я чуть усмехнулся.

— Такое случается часто, я не обращаю на это внимания.

— Внешне вас не отличишь от настоящего конюха, да и акцента почти никакого. Вы бы нам подошли по всем статьям. О такой удачной кандидатуре я и не мечтал.

— В смысле физических данных, — сухо заметил я.

— Во всех смыслах. Я ведь сказал, что многое узнал о вас. Вчера по дороге в Перлуму я решил... навести о вас справки, если можно так выразиться, узнать, что вы в действительности за человек... выяснить, не может ли вас хоть как-то заинтересовать предлагаемая нами работа. — Он немного выпил и выжидательно смолк.

— Мне это совершенно ни к чему, — сказал я. — Работы у меня и здесь хватает. — Это еще слабо сказано — работы хватало с головой.

— Двадцать тысяч фунтов вас бы устроили? — спросил он словно между делом.

Кратким ответом на этот вопрос было бы «да». Вместо этого я, секунду помедлив, спросил:

— Австралийских или английских?

Уголки его рта чуть опустились, глаза сузились. Мой вопрос показался ему забавным.

— Английских, разумеется, — не без иронии ответил он.

Я молчал. Просто смотрел на него. Словно прочитав мои мысли, он опустил в кресло, удобно скрестил ноги и сказал:

— Хотите расскажу, как вы распорядитесь этой суммой? Вы заплатите за учебу в медицинском колледже, о котором мечтает ваша сестра Белин-

да. Ваша младшая сестричка Хелен хочет пойти учиться в школу живописи — вы дадите ей эту возможность. Вы отложите деньги для того, чтобы ваш тринадцатилетний брат смог стать адвокатом, — если он, когда повзрослеет, не раздумает. Вы сможете взять еще нескольких работников, иначе заботы о том, как прокормить, одеть и выучить брата и сестер, быстро доведут вас до могилы.

Наверное, можно было бы не удивляться, что он все разнюхал основательно, но зачем совать нос в мои личные дела? Я разозлился.

— Я тоже должен дать образование двум дочерям и сыну, — продолжал он, — поэтому знаю, во что это обходится. Моя старшая дочь уже в университете, а близнецы — мальчик и девочка — совсем недавно окончили школу.

Я продолжал молчать, и он заговорил снова.

— Вы родились в Англии, но еще ребенком попали в Австралию. Ваш отец Хауэрд Рок был адвокатом, хорошим адвокатом. Когда вам было восемнадцать лет, ваши родители погибли в океанской катастрофе. На ваши плечи легли заботы о себе, сестрах и брате, и вы стали зарабатывать на жизнь разведением и продажей лошадей. Я знаю, что вы собирались пойти по стопам отца, но деньги, отложенные родителями на вашу учебу, вы пустили на создание собственного дела. Можно сказать, вы преуспеваете. Лошади, которых вы продаете, пользуются репутацией дисциплинированных и хорошо обученных животных. К своей работе вы относитесь серьезно и в своей среде пользуетесь уважением.

Он с улыбкой взглянул на меня. Я стоял не шевелясь. Кажется, это было еще не все.

— Директор вашей бывшей школы в Джилонге, — продолжал он, — говорит, что у вас хорошая голова и вы способны на большее. Директор ваше-

го банка говорит, что вы почти ничего не тратите на себя. Ваш доктор говорит, что вы не были в отпуске вот уже девять лет, если не считать месяца, который пролежали в больнице со сломанной ногой. Ваш пастор говорит, что вы никогда не ходите в церковь, и это его очень печалит. — Он неторопливо отпил из стакана.

Похоже, перед графами, если им что-нибудь нужно, открываются все двери.

— И наконец, — добавил он с легкой ухмылкой, — бармен из «Золотой долины» в Перлуме говорит, что не побоялся бы оставить вас со своей сестрой, хоть вы и красавчик.

— И какие вы сделали выводы? — спросил я, уже вполне успокоившись и держа себя в руках.

— Что вы зануда, работяга и педант, — с удовольствием выложил он.

Я с облегчением рассмеялся и сел в кресло.

— Вы совершенно правы, — согласился я.

— С другой стороны, все говорят, что если вы беретесь за что-то, то обязательно доводите дело до конца, что вам нипочем тяжелая физическая работа. А о лошадях вы знаете столько, что вполне можете работать конюхом с завязанными глазами и стоя на голове.

— Весь ваш план никуда не годится, — со вздохом произнес я. — С этой работой не справлюсь ни я, ни Артур Симмонс, вообще никто. Она просто невыполнима. Сколько в Англии скаковых конюшен? Сотни! Вы можете жить в них месяцы и ни о чем не слышать, хоть махинации вокруг вас будут идти полным ходом.

— Не думаю. — Он покачал головой. — Бесчестных конюхов у нас на диво мало, гораздо меньше, чем кажется вам, да и многим другим. И если пройдет слух, что какой-то конюх падок на даровые деньги, к нему потянутся мошенники

всех сортов, как к неохраняемой золотой жиле. Нашему человеку потребуется сделать одно: намекнуть, что с ним можно иметь дело. Его завалят предложениями, можно не сомневаться.

— Но теми ли, которые вам нужны? Не уверен.

— Во всяком случае, мне кажется, этим путем можно докопаться до истины. Честно говоря, положение таково, что мы готовы ухватиться, за любую возможность. Мы уже все испробовали. Безрезультатно. Хотя всех, кто имел какое-либо отношение к «порченным» лошадям, подвергали тщательным допросам. Полиция заявила, что помочь ничем не может. Раз мы не знаем, какой именно допинг применяется, мы не можем дать полиции никаких сведений. Мы наняли фирму частных агентов, но и они ничего не добились. Прямые действия не дали результатов, косвенные — того хуже. Я готов поспорить на двадцать тысяч фунтов, что вам удастся добиться большего. Итак, согласны?

— Не знаю, — ответил я и тут же мысленно обругал себя за слабость. Я должен был ответить: «Нет, разумеется, нет».

Он заметил мою оплошность, подался всем корпусом вперед и заговорил быстро, вкладывая в каждое слово страстную убежденность.

— Я хочу, чтобы вы поняли, как сильно я и мои коллеги обеспокоены этими нераскрытыми случаями применения допинга. Я сам владелец нескольких скаковых лошадей — их в основном готовят для стипль-чеза, — в моем роду из поколения в поколение очень любили скачки и делали для их развития все возможное... Трудно даже выразить словами, какую роль в жизни таких, как я, играет конный спорт... И вот уже второй раз за три года его процветание находится под серьезной угрозой. Во время первой большой волны допинга печать

и телевидение не поскупились на злые шутки, и мы не можем позволить, чтобы это повторилось. Пока нам удастся усыплять бдительность репортеров, потому что случаи эти происходят не так уж часто — первый произошел больше года назад, — и если у кого-то возникают вопросы, мы просто отвечаем, что результаты анализа отрицательные. Но мы обязаны раскрыть эту новую форму допинга сейчас, пока она не получила широкого применения. Иначе над скачками нависнет смертельная угроза. Представьте себе — число лошадей, победивших под воздействием допинга, все растет, зрители теряют веру, разочаровываются... Стипль-чез получит такой удар, от которого не скоро удастся оправиться, если вообще удастся. Речь не только о приятном времяпрепровождении. Скачки — это ведь целая индустрия, в ней заняты тысячи людей... Далеко не последнюю роль играют и владельцы конных заводов, такие, как вы. И если почитатели конного спорта откажутся финансировать скачки, это может привести к катастрофе.

— Но неужели в самой Англии нельзя найти человека, который смог бы собрать нужные вам сведения? — возразил я. — Человека, который знает мир ваших скачек вдоль и поперек. Я-то о них не знаю абсолютно ничего! Я распрощался с Англией, когда мне было девять лет. Какой от меня толк? Нет, это исключено.

«Вот так лучше», — похвалил я себя. Главное — держаться потверже.

Он посмотрел в свой стакан и заговорил, словно с неохотой.

— Видите ли... мы пробовали найти такого человека в Англии... Спортивный журналист, специалист по скачкам. Очень хорошее чутье. К тому же мы чувствовали, что на него можно положиться. Одним словом, он занялся поисками. Увы, он по-

тратил на них несколько недель, и все впустую. А потом бедняга погиб в автомобильной катастрофе.

— Но можно попробовать еще кого-нибудь... — не уступал я.

— Он погиб в июне, в соревнованиях по стипль-чезу как раз был летний перерыв. Новый сезон начался в августе, и только тогда нам в голову пришла мысль о конюхе со всеми связанными с ней трудностями.

— Попробуйте взять на работу сына какого-нибудь фермера, — предложил я. — Говорит с акцентом, отлично знает лошадей, такой вам подошел бы.

Он покачал головой.

— Англия — слишком маленькая страна. Сыну фермера достаточно будет несколько раз вывести лошадь перед началом скачек, и его разоблачат. Слишком многие его узнают и начнут задавать вопросы.

Наступила тишина, и он поднял голову от стакана. Лицо его было строгим, почти суровым.

— Итак? — сказал он.

Я собирался твердо сказать «нет». Вместо этого я снова произнес:

— Не знаю.

— Какие нужны слова, чтобы вас убедить?

— Никаких. Я подумаю. Ответ дам завтра.

— Что ж, прекрасно. — Он поднялся, отказался от моего предложения пообедать и вышел. Этот человек излучал силу, как печь — тепло. Когда машина уехала и я вернулся в дом, он показался мне пустым.

* * *

В черном небе сияла полная луна. Далеко позади меня, озаренная лунным светом, виднелась белоснежная плоская вершина горы Косцюшко. Я сидел на высокой скале и смотрел на свой дом.

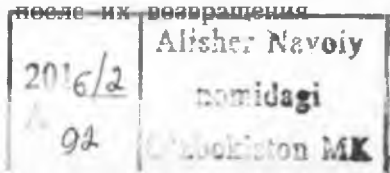
Передо мной лежала лагуна, большие пастбищные выгулы, доходившие до перелеска, чистенькие, огороженные белой изгородью загоны возле дома, серебристая крыша жеребьячих стойл, добротное здание конюшни, общежитие для конюхов и дом — длинный, низкий, с изящными линиями, в большом крайнем окне его отражался лучик луны.

Передо мной лежала моя тюрьма.

Поначалу жизнь здесь меня не угнетала. По-заботиться о нас было некому, и мне даже доставляло удовольствие утереть нос людям, которые утверждали, что я не смогу прокормить себя и троих маленьких детей, Белинду, Хелен и Филипа. Лошадей я любил всегда, и с самого начала дела у меня пошли хорошо. Во всяком случае, с голоду мы не умирали, и я даже убедил себя, что юриспруденция вовсе не мое призвание.

Работать приходилось много, но я не роптал. Я очень любил своих сестричек и брата и ничуть не жалел о содеянном. Но радость от того, что я содержу целое семейство, постепенно угасала, и меня стала все чаще посещать назойливая мысль: я сам себе выстроил комфортабельную ловушку.

Пройдет восемь-десять лет, они вырастут, получат образование, найдут себе пару в жизни, и мой долг будет выполнен. Через десять лет мне будет тридцать семь. Наверное, и я к тому времени женюсь, обзаведусь детьми и пошлю их учиться во Френшэм и Джилонг... Вот уже четыре года я подавлял в себе желание вырваться, убежать. Когда все они съезжались на каникулы, было легче — дом оживал от их голосов, от стука плотницкого молотка (увлечение Филипа), от пестрых девчоночьих платяниц, развешанных на веревке в ванной. Летом мы катались на лодке или плавали в лагуне, зимой катались на лыжах по горам. Но через неделю ~~после их возвращения~~

в школу меня начинало тянуть на волю, тянуть болезненно, неодолимо. На вольную волю, надолго и далеко: дальше центров, где проходят торги и аукционы лошадей, дальше Сиднея, Мельбурна и Кумы, куда я изредка ездил по делам. Хотелось, чтобы жизнь оставила в памяти что-то еще, кроме одинаковых, приносящих прибыль дней, кроме окружавшей меня красоты.

Я говорил себе, что думать об этом бесполезно, жаловаться на судьбу грех, потому что несчастья мои выдуманы — ничего не помогало. Каждый вечер меня охватывала глубокая, до головной боли хандра, днем же от нее было одно спасение — я работал без передышки, поэтому, кстати, не страдали дела.

Лорд Октябрь обрушился на меня, когда после отъезда детей прошло одиннадцать дней и спал я плохо. Наверное, поэтому я и сидел в четыре утра на склоне горы и ломал голову над тем, принять ли это удивительное предложение и отправиться на другой конец света работать конюхом. Да, передо мной приоткрыли дверцу клетки, это верно. И все же... уж слишком большой, подозрительно большой казалась наживка.

Двадцать тысяч английских фунтов... Огромные деньги. Впрочем, он ведь не знает, что мне не сидится на месте, и мог подумать, что меньшая сумма не произведет впечатления. Интересно, сколько он собирался предложить Артуру?

С другой стороны, был некий спортивный журналист, который погиб в автомобильной катастрофе... Если Октябрь и его коллеги хоть на секунду сомневаются в том, что это был просто несчастный случай, тогда можно предположить, что они назначают такое высокое вознаграждение для успокоения собственной совести. Благодаря профессии отца я в молодости многое узнал о преступлениях

и преступниках, и мысль о подстроенной аварии не казалась мне бредом сумасшедшего.

Англия, думал я. Двадцать тысяч фунтов. Поиск. Честно говоря, мне не передалась, как того хотел Октябрь, значимость предстоящего дела. Между мной и английскими скачками лежал целый мир. И если я возьмусь за эту работу, то отнюдь не из альтруизма. Я поеду в Англию, потому что сердце мое соскучилось по приключению, потому что я смогу там встряхнуться и показать, на что способен, потому что меня словно поманила сирена, велев послать к черту все дела и освободить чахнущую душу от пут, в которые я сам ее заковал.

Здравый смысл говорил, что мне предлагают безнадежное, бессмысленное дело, что граф Октябрь — лишенный чувства ответственности безумец, что я не имею права оставлять детей без присмотра и пускаться в кругосветную авантюру и что единственный путь для меня — остаться на своем месте и научиться не хандрить.

Здравый смысл проиграл.

Глава 2

«Боинг-707» доставил меня в Англию девять дней спустя.

Последняя неделя прошла суматошно и хлопотно.

Я втиснул в нее месячные порции писанины и уйму всяких практических приготовлений. Одна из трудностей была в том, что я не знал, на сколько уезжаю, но решил: если ничего не добьюсь за полгода, на поисках можно будет ставить крест, и, исходя из этого, стал строить свои планы.

В банке я договорился, что заплачу вперед за школу и фураж для лошадей, выписал несколько

чеков на имя старшего конюха (он оставался за меня), которые он имел право погашать по одному на зарплату и питание для всех работников. Что касается моего «гонорара», Октябрь заверил, что он будет переведен на мой текущий счет без промедления.

— Если я ничего не добьюсь, вы получите свои деньги обратно, за вычетом того, что я заработал бы сидя на месте, — сказал я ему.

Он отказывался, но я настаивал на своем. В конце концов, мы пошли на компромисс: десять тысяч я получу сразу же, а другую половину — после выполнения миссии.

Я отвел Октобера к моим стряпчим, которые облекли наше необычное соглашение в форму сухого юридического документа, и Октябрь, насмешливо улыбаясь, подписал его вместе со мной.

Его веселость, однако, как рукой сняло, когда я попросил его застраховать мою жизнь.

— Боюсь, я не могу этого сделать, — сказал он, нахмурившись.

— Потому что застраховать меня... невозможно? — спросил я.

Он промолчал.

— Что же в действительности случилось с журналистом?

Стараясь не смотреть мне в глаза, он покачал головой.

— Не знаю. Внешне это был несчастный случай. Я почти уверен, что это был несчастный случай. Он ночью проскочил поворот в районе Йоркширских вересковых холмов. Машина вылетела с дороги, свалилась в долину и загорелась. Спасти его мог разве что чудом. Прекрасный был парень...

— Даже если вы подозреваете, что он погиб не из-за несчастного случая, меня это не остано-

вит, — сказал я серьезно, — но вы должны быть со мной откровенны. Если это не был несчастный случай, значит, он что-то выяснил... может быть, наткнулся на что-то важное... Я хочу знать, где он был и что делал в последние дни перед смертью.

— Вы думали об этом прежде, чем принять мое предложение?

— Да, разумеется.

Он улыбнулся, словно с плеч его упал тяжелый груз.

— Чем больше я узнаю вас, мистер Рок, тем больше благодарю Бога за то, что он велел мне пообедать в Перлуме, а потом направил на поиски Артура Симмонса. Что ж... Томми Стэплтон — журналист — водил машину хорошо, но в аварию, я полагаю, может попасть каждый. Было начало июня, воскресенье... фактически понедельник, потому что умер он около двух часов ночи. Кто-то из местных жителей показал, что в половине второго дорога выглядела нормально, а в два тридцать возвращавшиеся из гостей супруги заметили на повороте сбитые столбики и остановились посмотреть, в чем дело. Машина еще тлела — на дне долины они видели красное сияние. Они поехали дальше и в ближайшем городке сообщили о случившемся.

В полиции пришли к выводу, что Стэплтон заснул за рулем. Такое бывает часто. Но они не смогли выяснить, где он находился после пяти вечера, когда уехал от друзей. Дорога до йоркширских холмов не заняла бы у него больше часа, таким образом, неизвестно, где он провел девять последних часов. О происшествии написали почти все газеты, но никто так и не сообщил, кто в тот вечер виделся со Стэплтоном. В полиции, насколько я понимаю, решили, что он был с чужой женой... с кем-то, не жаждущим рекламы. Одним

словом, аварию записали в разряд несчастных случаев по вине водителя.

Вы спросили, где он был за несколько дней до смерти. Мы навели справки, не привлекая ничего внимания. Ничего подозрительного не обнаружили. Он был где обычно, занимался чем обычно.

Мы, то есть два других стюарда и я, попросили йоркширскую полицию показать нам все, что они извлекли из сгоревшей машины, но ничего интересующего нас там не оказалось. Он был холост, жил с матерью и сестрой, с их позволения мы обыскали дом в надежде найти какой-то материал, предназначенный для нас. Увы, мы ничего не нашли. Мы также связались со спортивным редактором газеты, где он работал, и попросили посмотреть, не осталось ли что-нибудь в его столе. Там оказались кое-какие личные мелочи и конверт с газетными вырезками о случаях допинга. Конверт мы взяли себе. В Англии вы его увидите. Впрочем, боюсь, эти вырезки едва ли вам помогут. Сведения там очень обрывочные.

— Вам хочется верить, что это был несчастный случай, — заметил я. — Вам очень хочется в это верить.

Он сдержанно кивнул.

Всякое другое предположение наводит на слишком тревожные мысли. Если бы не эти девять часов, сомнений вообще не было бы.

На улице мы попрощались, и он дал мне свой лондонский адрес. Он уже наполовину забрался в машину, но вспомнил что-то и сказал:

— Наверное, для облегчения вашей... задачи, вы должны выглядеть, как человек, которого... можно купить, тогда мошенники клюнут на вас.

— Разумеется, — усмехнулся я.

— Тогда, если не возражаете, я предложил бы вам отрастить бачки. Удивительное дело: санти-

метр-другой волос под ухом, а к человеку уже по-другому относишься!

— Отличная идея, — засмеялся я.

За два дня до отлета я отправился в Джилонг, чтобы попрощаться с Филипом и объяснить его учителю, что я на некоторое время улетаю в Европу по делам. Возвращался я через Френшэм, где обитали мои сестрички, и обе изумленно воскликнули при виде отрастающих бачков, которые сразу делали меня похожим на человека с сомнительной репутацией.

Хелен было уже шестнадцать лет, она превращалась в нежную, красивую девушку, изящную, как цветы, которые она любила рисовать. Из всех троих она была наименее самостоятельной и особенно тяжело страдала из-за того, что у нее нет матери.

— Неужели, — взволнованно воскликнула она, — тебя не будет все лето? — Вид у нее был такой, словно гора Косцюшко вдруг превратилась в пыль.

— Ничего, ты совсем справишься и без меня. Ты ведь уже почти взрослая, — поддразнил я ее.

— Без тебя и каникулы будут не каникулы.

— Пригласи к нам пожить кого-нибудь из подруг.

— Правда? — Она просияла. — А можно? Как будет здорово!

И став чуть счастливее, она поцеловала меня и убежала на урок.

Что до Белинды, то мы всегда прекрасно понимали друг друга, и только ей одной (я должен был это сделать) я рассказал о настоящей причине моего внезапного «отпуска». Эта новость ее очень огорчила, чего я никак не ожидал.

— Дорогой Дэн, — сказала она, держа меня за руку и трогательно сопя, чтобы не заплакать, — я знаю, ты работаешь изо всех сил, чтобы дать нам

образование, и, если один раз ты решил сделать что-то для себя самого, мы должны быть только рады. Но умоляю тебя, будь осторожен. Мы будем очень ждать тебя.

— Я вернусь, — неловко пообещал я, протягивая ей носовой платок. — Я вернусь.

* * *

В лондонском аэропорту я взял такси и вскоре, миновав засаженную деревьями площадь, оказался возле дома графа Октобера. Моросил серый дождь, но на моем настроении погода не отражалась. На душе было легко, ноги сами несли меня вперед.

В ответ на звонок строгая черная дверь открылась, приветливый слуга сразу взял мой саквояж и сказал, что сейчас же проведет меня наверх, потому что его светлость ждет меня. «Верх» оказался гостиной на втором этаже с пурпурными стенами, где вокруг электрического обогревателя стояли трое мужчин со стаканами в руках. Все трое, как один, излучали уверенность и силу, свойственные Октоберу. Это был правящий триумvirат национального Жокей-клуба. Крупные птицы. Привычка властвовать и повелевать стала для них семейной традицией и вырабатывалась сотни лет. Внутри у меня все так и бурлило от радости, они же сохраняли полное спокойствие.

— Мистер Рок, ваша светлость, — объявил слуга.

Октобер пересек комнату и подошел ко мне.

— Хорошо долетели?

— Спасибо, прекрасно.

Он повернулся к двум мужчинам.

— Два других стюарда — мои коллеги — приехали познакомиться с вами.

— Меня зовут Мэкклсфилд, — представился более высокий, чуть сутуловатый пожилой джентльмен

с ершистыми седыми волосами. Выгнувшись вперед, он протянул мне мускулистую руку. — Чрезвычайно рад познакомиться с вами, мистер Рок. — Взгляд у него был ястребиный, пронизательный.

— А это — полковник Бекетт. — Он указал на третьего джентльмена, худощавого, болезненного вида мужчину, который также пожал мне руку, но его рукопожатие было слабым и вялым. Наступило молчание, они рассматривали меня, словно я прилетел из космоса.

— Я в вашем распоряжении, — вежливо сказал я.

— Что ж... раз так, перейдем прямо к делу, — предложил Октябрь и подвел меня к покрытому шкурой креслу. — Может быть, для начала выпьем?

— Не откажусь.

Он протянул мне стакан (более ароматного виски я в жизни не пробовал), и все сели в кресла.

— Моих лошадей, — начал Октябрь спокойным неофициальным тоном, — тренируют в конюшне, расположенной рядом с моим домом в Йоркшире. Сам я их тренировкой не занимаюсь — приходится часто ездить по делам. Лицензия на работу с лошадьми выдана человеку по фамилии Инскип; помимо моих, в конюшне содержатся и лошади моих друзей. Всего в конюшне сейчас тридцать пять лошадей, одиннадцать из них принадлежат мне. Нам кажется, что лучше всего начать работать конюхом в моей конюшне, а потом, когда приглядитесь к обстановке, переберетесь в другое место, если сочтете нужным. Пока все ясно?

Я кивнул.

— Инскип — честный человек, — продолжал он, — однако не всегда умеет держать язык за зубами, поэтому мы решили, что у него не должно быть никакого повода обсуждать ваше появление

в конюшне. Как правило, конюхов нанимает он сам, следовательно, и вас должен нанять не я, а он.

Чтобы создать нехватку конюхов — тогда ваше предложение о приеме на работу будет немедленно принято, — полковник Бекетт и сэр Мэклсфилд через два дня пришлют в мою конюшню по три жеребца каждый. Это не самые хорошие лошади, но лучшие из того, чем мы сейчас располагаем.

На всех трех лицах появились улыбки. Что ж, им было от чего улыбаться. Штабная работа была поставлена толково.

— Через четыре дня конюхи начнут жаловаться на переработку, и тут появитесь вы и предложите свои услуги. Согласны?

— Вполне.

— Вот вам рекомендации. — Он протянул мне конверт. — От моей двоюродной сестры из Корнуолла, она держит пару охотничьих лошадей. Я договорился с ней, что если Инскин станет наводить о вас справки, она аттестует вас наилучшим образом. Поначалу ваша репутация не должна вызывать сомнений, иначе Инскип просто не возьмет вас.

— Понимаю, — сказал я.

— Инскип попросит у вас страховую карточку и форму для уплаты подоходного налога — обычно эти бумаги человек приносит с последнего места работы. Вот они. — Он передал мне бумаги.

— Понятно, — сказал я. Да, чистая работа, впечатляющая. — Я хотел бы выяснить насчет допинга. Вы говорили, что анализы ничего не показали, но я хочу узнать обо всем поподробнее. Почему вы уверены, что допинг вообще применялся?

Октобер взглянул на Мэклсфилда, и тот заговорил неторопливым, скрипучим голосом пожилого человека:

— Когда у лошади после финиша изо рта идет пена, глаза вылезают из орбит и она вся в мыле, у вас, естественно, возникает подозрение, что ей ввели какое-то возбуждающее средство. Любителей давать лошадям допинг обычно губит доза, потому что очень трудно определить, сколько именно вещества нужно ввести, чтобы лошадь пришла к финишу первой, не вызвав ничьих подозрений. Если бы вы видели лошадей, у которых мы брали анализы, вы бы поклялись, что им всадили огромную дозу. Но результаты анализов были отрицательными.

— А что говорят фармакологи? — спросил я.

— Они утверждают, что допинга, который нельзя распознать, в природе не существует, — ответил Бекетт.

— Как насчет адреналина? — поинтересовался я.

Стюарды переглянулись, и слово взял Бекетт:

— Почти у всех этих лошадей оказалось довольно высокое содержание адреналина, но по результатам одного анализа нельзя сказать, нормально ли такое содержание для данной лошади или нет. Лошади вообще сильно отличаются друг от друга по количеству вырабатываемого адреналина, и, чтобы определить нормальный выход адреналина для конкретной лошади, ее нужно много раз подвергнуть анализам до и после скачек, а также на разных стадиях подготовки. И лишь когда нормальный уровень известен, можно судить о том, превышена эта норма или нет. Что до практической стороны... Вы, наверное, знаете, что через рот адреналин не вводят. Его впрыскивают, и он начинает действовать мгновенно. Перед стартовыми воротами все эти лошади были абсолютно спокойны. Если лошади ввести адреналин, она проявляет признаки нервозности и возбуждения еще перед стартом. Кроме того, можно внешне определить,

что лошади под кожу ввели адреналин, — вокруг места укола волосы у лошади стоят дыбом, и все становится ясно. И лишь если укол сделан точно в яремную вену, тут ничего не докажешь, но сделать такой укол очень сложно, и я уверен, что к нашим случаям он отношения не имеет.

— Специалисты из лаборатории, — вступил в разговор Октябрь, — посоветовали нам подумать: а не применялся ли здесь механический раздражитель? Таких способов масса, вам, я думаю, они известны. Например, электрический шок. Жокеи оснащают седла или хлысты скрытыми от глаз батарейками, во время скачки они, чтобы прийти к финишу первыми, подгоняют лошадей токовыми импульсами. Пот лошади — прекрасный проводник. На этот счет мы провели самую тщательную проверку и пришли к выводу, что ни один из жокеев, скакавших на этих лошадях, запрещенным оборудованием не пользовался.

— Мы свели воедино все данные, результаты лабораторных проверок, массу газетных вырезок и вообще все, что может оказаться хоть как-то полезным, — сказал Мэксфилд, указывая на три картотечных ящика, стоявших на столе у моего локтя.

— На знакомство с этим материалом и на осмысление его у вас четыре дня, — добавил Октябрь, чуть улыбаясь. — Эти дни вы будете жить здесь, комната для вас готова, мой слуга сделает все, что вам будет нужно. К сожалению, я не смогу составить вам компанию — сегодня уезжаю в Йоркшир.

Бекетт взглянул на часы и медленно поднялся.

— Мне пора, Эдвард. — Он окинул меня взглядом, живым и озорным, так не вязавшимся с его болезненным видом. — Вы справитесь. Только надо, чтобы раз-два — и в «дамках», ладно? Время работает против нас.

Октябрь, как мне показалось, вздохнул с облегчением. Мэклсфилд еще раз пожал мне руку и проскрежетал:

— С вашим появлением наш план вдруг приобрел реальные очертания... Что ж, мистер Рок, от всей души желаю вам успеха.

Октябрь проводил их до парадной двери, потом вернулся и, стоя на другом конце пурпурной комнаты, окинул меня долгим взглядом.

— Все хорошо, мистер Рок, они от вас в восторге.

* * *

Наверху, в роскошной, устланной темно-зеленым ковром гостевой спальне с медной кроватью, где мне предстояло прожить следующие четыре дня, я обнаружил, что слуга уже распаковал мои пожитки и аккуратно разложил их по полкам массивного платяного шкафа. На полу рядом с моим брезентовым, отделанным кожей саквояжем стоял дешевый фибровый чемодан с проржавевшими замками. Я с удивлением раскрыл его. Сверху лежал большой запечатанный конверт с моим именем. Я надорвал его и увидел, что он набит пятифунтовыми бумажками. Их было сорок, внутри также лежала записка: «Для благотворительных целей». Я расхохотался.

В чемодане было все необходимое: от нижнего белья до мыла и зубной щетки, от ездовых сапог до плаща, от джинсов до пижамы.

Из выреза черной кожаной куртки торчала еще одна записка от Октобера.

«Вместе с вашими баками эта куртка довершит картину. Люди сразу поймут, что вы за тип. Черная куртка и баки — это униформа всех темных личностей. Желаю удачи».

Я осмотрел ездовые салоги. Они были здорово поношенные, давно не чищенные, но пришлось в самый раз. Я снял их и надел черные туфли, до одури остроносые. Черт знает что, а не туфли, но и они оказались впору. Похожу в них, пусть привыкнут ноги и глаза.

Когда Октябрь уехал в Йоркшир, я принес в комнату три картотечных ящика. Сейчас они стояли на низком столике, и, чувствуя, что пришло время браться за работу, я уселся в маленькое кресло, подвинул к себе один из них и начал читать.

Я ничего не пропускал, вчитывался в каждое слово, поэтому на прочтение всего материала у меня ушло ровно два дня. И в конце второго дня я сидел, уставившись в ковер, без единой светлой мысли в голове. Я познакомился с протоколами допросов, напечатанными на машинке или записанными от руки, которым стюарды подвергли тренеров, жокеев, старших сопровождающих конюхов, рядовых конюхов, кузнецов и ветеринарных врачей, имевших отношение к одиннадцати якобы «испорченным» лошадям. Я прочитал подробный отчет фирмы частных детективов, которые опросили не один десяток конюхов в «местах отдыха» и не узнали ничего. Документ, представленный одним букмекером, детально анализировал распределение выигрышей в результате ставок, сделанных на этих лошадях, однако резюме гласило следующее: «Мы не выявили какого-либо человека или какой-либо синдикат, получавших прибыль от всех названных лошадей, поэтому можно сделать вывод, что, если такой человек или такой синдикат существует, они делали ставки через тотализатор». Позднее я наткнулся на письмо из компании, владеющей скаковым тотализатором; в нем говорилось, что ни один из клиентов не ставил на всех указанных лошадей,

но компания, разумеется, не проверяла ставки, которые делаются наличными непосредственно в месте скачек.

Во втором ящичке содержалось одиннадцать отчетов о результатах лабораторных анализов мочи и слюны. Первый отчет относился к лошади по кличке Уголь и был сделан полтора года назад. В последнем отчете приводились результаты анализов лошади Редьярд, их брали совсем недавно, в сентябре, то есть когда Октябрь находился в Австралии.

В конце всех одиннадцати отчетов чья-то аккуратная рука вывела одни и те же слова: «Результат отрицательный».

Журналистам пришлось изрядно поломать голову, чтобы впоследствии избежать обвинений в клевете. В вырезках из ежедневных газет, которыми был заполнен третий ящичек, попадались такие перлы: «Уголь совершенно неестественно бил копытом»; «Даже во время расседывания Редьярд никак не мог прийти в себя после одержанной победы».

Об Угле и трех последующих лошадях вырезок было мало, но, начиная с пятого случая, кому-то, видимо, вменили в обязанность собирать весь газетный материал по этому поводу. О последних семи случаях имелись вырезки из нескольких ежедневных, вечерних, местных и спортивных газет.

В конце третьего ящичка лежал средних размеров плотный конверт. На нем я прочитал: «Получено от спортивного редактора газеты "Дейли скоуп" 10 июня». Это, как я понял, были вырезки, собранные Стэплтоном, погибшим журналистом, и я открыл конверт с надеждой и любопытством. Я очень надеялся найти хоть какой-нибудь ключ к разгадке, но, к моему величайшему разочарованию,

все вырезки, за исключением трех, были дубликатами уже читанных мной.

Из этих трех в одной речь шла о женщине — владелице Угля, в другой — о лошади (не входящей в число одиннадцати), которая взбесилась и убила женщину 3 июня перед началом скачек в Картмеле, графство Ланкшир; третья вырезка представляла собой длинную статью из еженедельника «Конный спорт», в которой обсуждались знаменитые случаи введения допинга, как их удалось раскрыть и какое наказание понесли виновные. Я прочитал вырезки с большим вниманием, но ничего ценного из них не вынес.

После этой на редкость неплодотворной работы я весь следующий день посвятил отдыху. Бродил по Лондону, с головокружительным чувством свободы вдыхал запахи этого города, часто спрашивал дорогу и прислушивался к отвечающим мне голосам.

Сделал одну покупку — пояс для хранения денег. Он был из плотной брезентовой ткани, с карманами на молниях и совсем не выделялся под рубашкой.

Я положил в него двести фунтов: эти деньги будут всегда со мной, где бы я ни оказался, — может, когда-то пригодятся.

Вечером, как следует отдохнув, я попробовал подойти к проблеме допинга с другой стороны, выяснить, а не имеют ли эти лошади между собой что-нибудь общее?

Оказалось, что нет. Всех их готовили разные тренеры. Все они принадлежали разным хозяевам. В знаменательный для них день на них скакали разные жокеи. Единственная общая для этих лошадей черта заключалась в том, что между ними не было ничего общего.

Я вздохнул и пошел спать.

* * *

На четвертое утро Теренс, слуга, с которым у меня установились сдержанно-дружеские отношения, разбудил меня, войдя в комнату с завтраком на подносе.

— Приговоренный к смерти позавтракал с аппетитом, — произнес он и приподнял серебряную крышку, под которой оказалась вкусно пахнувшая яичница с беконом.

— Как вас прикажете понимать? — спросил я, сладко зевая.

— Не знаю, сэръ, что задумали вы и его светлость, но там, куда вы едете, вам придется привыкать к новой жизни. К примеру, ваш костюм и вот эта одежонка куплены в разных магазинах.

Он взял фибровый чемодан, положил его на стул и открыл замки. Осторожно, словно дорогой шелк, он разложил на кресле дешевые трусы, простую рубашку в клетку, горчичного цвета пуловер в рубчик, иссиня-черные брюки-дудочки и черные носки. Потом с отвращением достал черную кожаную куртку и повесил ее на спинку кресла, а рядом аккуратно поставил остроносые туфли.

— Его светлость велел мне проследить, чтобы вы оставили здесь все, с чем приехали, а с собой взяли только это, — с сожалением сказал он.

Я позавтракал, принял душ, побрился и с головы до ног оделся во все новое. Завершала туалет черная куртка, которую я наглухо застегнул до самого верха.

Волосы, аккуратно причесанные назад, я сбил вперед, и черные завитки стали падать на лоб.

Вернувшийся за пустым подносом Теренс застал меня возле большого, в полный рост, зеркала. Обычно при его появлении я улыбался, теперь же, медленно повернувшись на каблуках, я встретил его жестким, с прищуром взглядом.

— Боже правый! — в ужасе воскликнул он.

— Отлично, — со смехом сказал я. — Значит, особого доверия я не внушаю?

— Никакого, клянусь этим шкафом.

— Ну, а еще что обо мне можно сказать? На работу вы меня взяли бы?

— Для начала я не пустил бы вас через парадную дверь. В лучшем случае, через черный ход. Прежде чем взять вас, я бы как следует проверил ваши рекомендации. А скорее всего не взял бы вообще, разве что работник требовался бы позарез. Я бы сказал, что вы — человек ненадежный... и немного... даже опасный.

Я расстегнул молнию на куртке, и под ней показались клетчатая рубашка и горчичный джемпер. Вид у меня был слегка расхлябанный.

— Ну, а теперь? — спросил я.

Он задумчиво наклонил голову.

— Да, сейчас я бы вас взял. Сейчас вид у вас вполне обыкновенный. Человек-то вы все равно не очень честный, но справиться с таким можно.

— Спасибо, Теренс. Кажется, это как раз то, что надо. Обыкновенный, но бесчестный. — Я довольно улыбнулся. — Что же, наверное, мне пора.

Я с интересом отметил про себя, что впервые за четыре дня он перестал вставлять в каждую фразу автоматическое «сэр», а когда я подхватил дешевый чемодан, он даже не попытался забрать его у меня, как забрал саквояж при приезде.

У выхода на улицу мы попрощались, я поблагодарил его за помощь и протянул ему пятифунтовую бумажку, одну из тех, что получил от Октобера. Он с улыбкой взял деньги и продолжал смотреть на меня, привыкая к моему новому облику.

Я дружески улыбнулся на прощание.

— До свидания, Теренс.

— До свидания и спасибо... сэ, — сказал он. С легким чувством на душе я пошел прочь.

Следующее подтверждение тому, что мой общественный статус с новой одеждой резко изменился, пришло от водителя такси, которое я остановил тут же на площади. Он не хотел везти меня на вокзал Кингс-Кросс и согласился, лишь когда я показал ему, что денег на проезд у меня хватит. Я сел на дневной поезд до Харрогита и перехватил несколько неодобрительных взглядов сидевшего напротив пожилого чопорного джентльмена с обтрепанными манжетами. «Что же, все идет хорошо, — думал я, глядя сквозь мелкий дождь на проносившиеся за окном осенние пригороды. — Раз люди на меня косятся, значит, вид у меня и вправду подозрительный. Есть чему радоваться», — посмеялся я про себя.

В Харрогите я пересел на пригородный автобус и доехал до небольшой деревушки Слоу, потом спросил дорогу и прошел еще километра три пешком. До поместья Октобера я добрался около шести часов — самое подходящее время для человека, пришедшего наниматься на работу в конюшню.

Они, конечно, уже работали с высунутыми языками. Я спросил старшего конюха, и тот сразу повел меня к Инскипу, совершавшему вечерний обход.

Инскип оглядел меня и поджал губы. Это был вспыльчивый, нестарый еще человек в очках с редкими и светлыми волосами и слабо очерченным ртом.

— Рекомендации? — Голос у него был резкий и властный.

Я достал из кармана письмо от кузины Октобера из Корнуолла и протянул ему. Он распечатал письмо, прочитал и положил в карман.

— Значит, со скаковыми лошадьми ты не работал?

— Нет.

— Когда можешь приступить к работе?

— Хоть сейчас. — Я показал на чемодан.

— У нас сейчас как раз не хватает конюха. Ладно, попробуем. Уолли, устрой ему койку у миссис Олнат, и пусть с утра начинает работать. Получать будешь как все, — добавил он, обращаясь ко мне. — Одиннадцать фунтов в неделю, три из них идет миссис Олнат за содержание. Все ясно?

— Ясно, — ответил я и был принят.

Глава 3

Я вошел в жизнь конюшни осторожно и с оглядкой, словно еретик, попавший на небеса, мечтающая только об одном — слиться со всеми, стать частью пейзажа, прежде чем меня разоблачат и выгонят вон.

Старший конюх Уолли, коренастый жилистый человек с кривыми зубами, сказал, что спать я буду в коттедже возле конюшенных ворот — там живут все холостяки, человек десять. Мы поднялись на второй этаж и вошли в небольшую, сильно заставленную комнату: шесть кроватей, платяной шкаф, два комода и четыре стула около кроватей, в центре комнаты оставалось не больше двух квадратных метров свободного места. На окнах висели тонкие, с цветочным орнаментом занавески, пол был покрыт блестящим линолеумом.

Моя кровать здорово провисла в середине, все же она казалась вполне удобной и была застелена свежими белыми простынями и серыми одеялами. Миссис Олнат, впустившая меня безо всяких распросов, оказалась добродушной толстушкой, волосы ее были закручены в сложный крендель.

Коттедж она содержала в абсолютной чистоте и следила, чтобы конюхи как следует умывались. Она хорошо готовила, пища была простая, но сытная. Короче, жить было можно.

В первые дни я несколько раз ловил себя на том, что по рассеянности собирался подсказать кому-то из конюхов, что нужно делать: девятилетняя привычка так просто не забывается. Меня сильно поразило, пожалуй, даже испугало раболепие, с каким все конюхи заискивали перед Инскипом, по крайней мере в его присутствии. У меня с моими людьми отношения были куда фамильярнее. Я считал, что плачу им за работу и не имею перед ними никаких преимуществ, как перед людьми, так считали и они. А здесь, у Инскипа, да и, как я выяснил позже, во всей Англии, свойственное австралийцам стремление к равенству фактически отсутствовало. Казалось, конюхов вполне устраивает, что в глазах всего мира по отношению к Инскипу и Октоберу они являются людьми второго сорта. Мне это казалось невероятным, недостойным и постыдным. Но свои мысли я держал при себе.

С другой стороны, именно потому, что в Австралии я работал и общался со своими людьми почти на равных, я довольно легко растворился среди конюхов Инскипа. Я не чувствовал никакой отчужденности и с их стороны, никакого стеснения со своей.

Инскип приставил меня к трем новым лошадям, и это был совсем не лучший вариант, потому что с ними я нескоро попаду на скачки. Во-первых, на скачки они не записаны; во-вторых, просто к ним не готовы, на их тренировку уйдут недели, и это в лучшем случае. Я носил лошадям сено, таскал воду, чистил денники, скакал на них во время утренней поездки, а сам все думал, как бы развязать себе руки.

В мой второй вечер около шести часов с гостями появился Октябрь. Инскип, зная о визите, заставил всех как следует побегать, чтобы не ударить лицом в грязь, и лично проверил, все ли в порядке.

Каждый конюх стоял возле той из своих лошадей, чей денник был ближе к началу конюшни. В сопровождении Инскипа и Уолли Октябрь и его друзья шли от одного денника к другому, перебрасывались шутками, посмеивались, обсуждали лошадей.

Когда они подошли ко мне, Октябрь быстро взглянул на меня и спросил:

— Новенький?

— Да, ваша светлость.

Казалось, он тут же забыл обо мне, но когда я запер на ночь первую лошадь и ждал возле денника второй, Октябрь подошел к ней, похлопал по холке и пощупал ноги. Потом выпрямился и подмигнул мне, как последний шалопай. Я стоял лицом к людям и с трудом сумел сохранить кислую мину. Он, чтобы не засмеяться, достал платок и громко высморкался.

Прямо сцена из комедии «Плаща и шпаги». Только мы оба — дилетанты.

Когда гости ушли, я, поужинав, отправился вместе с двумя конюхами в Слоу, посидеть в баре. После первой кружки пива я поднялся и пошел звонить Октоберу.

— Кто говорит? — спросил мужской голос. После секундного замешательства я сказал:

— Перлума. — Этого, конечно, будет достаточно. Через минуту он взял трубку.

— Что-нибудь случилось?

— Нет, — ответил я. — На местной телефонной станции нас могут подслушать?

— Наверняка сказать трудно. — Он помолчал. — Откуда вы звоните?

— Из телефонной будки в Слоу, на вашем конце деревни.

Он задумался.

— Вы можете сказать, что вам нужно?

— Могу, — ответил я. — Справочники за последние семь или восемь сезонов и любую возможную информацию по нашим одиннадцати... подопечным.

— Что-нибудь еще?

— Да, но это не по телефону.

Он помолчал.

— За конюшней есть ручей, он стекает с холма. Будьте около него завтра после обеда.

— Хорошо.

Я повесил трубку, вернулся в бар и снова занялся пивом.

— Что-то долго тебя не было, — сказал Пэдди, один из конюхов. — Будешь догонять — мы уже вторую опрокинули. Чего ты делал-то? Надписи в сортире читал, что ли?

— В сортире есть чего почитать, — заметил второй конюх, простоватый деревенский малый лет восемнадцати. — Я даже там многого и не понял.

— Вот и хорошо, что не понял, — одобрительно отозвался Пэдди. В свои сорок он вел себя с молодыми конюхами по-отечески.

Пэдди и Гритс спали на соседних со мной койках. Гритс — настоящий телок, Пэдди же — быстрый, крепко сбитый ирландец, из тех, что все видят и все примечают. Я понял это с первой же минуты, когда водрузил на кровать чемодан и начал доставать из него свои вещи, спиной чувствуя бдительный взгляд Пэдди. Хорошо, что Октябрь настоял на полной смене моего туалета.

— Скукота тут сегодня, — уныло протянул Гритс. Но тут же расплылся в улыбке. — Зато завтра получка.

— Да, завтра тут будет народу битком, — согласился Пэдди. — Притащится Супи и вся грейнджеровская компания.

— Грейнджеровская? — переспросил я.

— Ты что, с луны свалился? — с легким презрением спросил Гритс. — Конюшня Грейнджера, на той стороне холма.

На следующий день после обеда я неторопливо вышел из конюшни и направился к ручью, подбирая по дороге камушки и бросая их в воду, будто ради развлечения. Несколько конюхов гоняли позади конюшни в футбол, но на меня никто не обратил внимания. Я шел довольно долго, и наконец на холме, где ручей круто падал вниз в заросшую травой балку, я наткнулся на Октобера, который сидел на валуне и курил. С ним была черная охотничья собака. Рядом лежало ружье и полный ягдташ.

— Доктор Ливингстон, если не ошибаюсь¹, — с улыбкой приветствовал он меня.

— Вы правы, мистер Стэнли. Как вы догадались? — Я уселся на валу рядом с ним.

— Здесь справочники. — Он пнул ногой ягдташ. — И записная книжка. В ней все, что мы с Бекеттом смогли накопить насчет одиннадцати лошадей за такой короткий срок. Но материалы в ящичках, наверное, и так достаточно подробны, вряд ли мы добавили к ним что-то новое.

— Пригодиться может все, — возразил я. — В конверте Стэйлтона я наткнулся на одну инте-

¹ Фраза, ставшая крылатой, была произнесена американским журналистом Хенри Стэнли (1841 — 1904) при встрече с шотландским миссионером и исследователем Дэвидом Ливингстоном (1813 — 1873) в Центральной Африке

ресную вырезку — статью о нашумевших случаях с допингом. Оказывается, у некоторых лошадей вполне безвредная пища при проверке на допинг дает положительную реакцию за счет каких-то химических изменений в организме. Я подумал, а не может ли все происходить наоборот? Ну, то есть что некоторые лошади способны превращать допинг в безвредные вещества и анализы ничего не показывают?

— Я это узнаю.

— И еще, — добавил я. — Меня приставили к трем никудышным жеребцам, присланным вами, а это значит — ездить на скачки я не буду. Может, вам одного из них снова продать, тогда я на торгах потеряю бы среди конюхов из других конюшен... Лишним я все равно не буду, зато могу получить лошадь, записанную на скачки.

— Одного продам, — согласился он. — Но продажа через аукцион — дело долгое. Заявка на продажу поступает к аукционисту минимум за месяц до торгов.

— Да, все это как-то неудачно, — кивнул я. — Хорошо, если бы меня приставили к лошади, которая должна скоро выступать на скачках. И желательно где-нибудь подальше — остановка на ночь была бы идеальным вариантом.

— В середине сезона конюхи обычно лошадей не меняют, — произнес он, потирая подбородок.

— Знаю. Тут уж кому повезет. Приставили тебя к новой лошади — и все, она твоя, пока не перепродадут. И если от нее никакого толку, тут уж ничего не попишешь.

Мы встали. Я поднял ягдташ и закинул его за плечо. Когда мы пожали друг другу руки, Октябрь с улыбкой сказал:

— Знаете, что сказал о вас Инскип? Что для конюха вы здорово держитесь в седле. И еще,

слово в слово: «Не очень я верю людям с такими глазами, но у этого малого золотые руки». Так что будьте поосторожнее.

— Черт возьми, — вырвалось у меня. — Я об этом не подумал.

Он усмехнулся и пошел вверх по холму, а я назад, вдоль ручья. «Да, — с грустью подумал я, — носить волчью шкуру — это, конечно, забавно и цекочет нервы, но строить из себя при этом неуклюжего наездника... Боюсь, мое самолюбие будет страдать».

Вечером один из конюхов подвез меня на машине в Слоу. В баре было шумно и многолюдно — конюхи прожигали жизнь. Здесь собралось почти полконюшни Октобера, а также конюхи Грейнджера да еще три девицы, которые строили всем глазки и получали от этого удовольствие. Разговаривали все больше о лошадях — конюхи подтрунивали друг над другом, нахвалявали своих подопечных.

Гул в баре то стихал, то усиливался, а воздух все густел от табачного дыма, от выдыхаемого тепла — слишком много человек скопилось в том небольшом помещении. В одном углу вовсю шла игра в стрелки — я сразу увидел, что кидают плохо, в другом углу парни резались в бильярд. Я сидел, покачиваясь на жестком стуле, закинув руку за спинку и наблюдал, как Пэдди и кто-то из конюхов Грейнджера лихо стучат костями домино. В воздухе плавали обрывки разговоров о лошадях, машинах, футболе, боксе, кино, последних танцульках и снова о лошадях, снова и снова о лошадях. Я внимательно прислушивался к этим разговорам, но ничего полезного не извлек. Понял только, что люди эти в основном довольны жизнью, просты и добродушны, наблюдательны и безвредны.

— Никак новенький? — услышал я прямо у себя над ухом чей-то голос.

Я повернул голову.

— Угу, — не спеша ответил я.

Это был первый человек в Йоркшире, в глазах которого я без труда распознал порок — цель моих поисков. Я выдержал его взгляд, и он удовлетворенно скривил губы — признал во мне своего.

— Как тебя зовут?

— Дэн, — ответил я. — А тебя?

— Томас Наганиел Тарлтон. — Он ждал от меня какой-то реакции, но какой именно?

— ТНТ¹, — любезно подсказал Пэдди, оторвавшись от домино. — Он же Супи. — Он окинул нас обоих быстрым взглядом.

— Его взрывоопасное величество, — пробормотал я. Супи Тарлтон сощурился в отработанной пугающей улыбочке — знай, мол, с кем дело имеешь. Он был примерно моих лет, моей комплекции, но гораздо светлее меня, а кожа лица — красноватая, как у многих в Англии. Светлые с поволокой глаза чуть выступали из глазниц, над полногубым влажным ртом красовались тоненькие усики. На правом мизинце я увидел массивное золотое кольцо, на левой кисти — дорогие часы. На нем был костюм из добротного материала, а на руке висела шикарная куртка с меховой подстежкой, которая стоила никак не меньше его трехнедельного заработка.

Набиваться ко мне в друзья он не стал. Внимательно оглядев меня (как и я его), он просто кивнул, бросил: «Увидимся» — и пошел смотреть, как играют в бильярд.

Гритс принес полпинты пива и уселся на скамью рядом с Пэдди.

¹ ТНТ — сокращенное обозначение тротила.

— От Супи лучше держись подальше, — доверительно сообщил он мне. На его глуповатом скуластом лице читалась искренняя доброта.

Пэдди потупился и, повернувшись в нашу сторону, окинул меня долгим не улыбочивым взглядом.

— О Дэне можешь не беспокоиться, Гритс, — сказал он. — Ему Супи бояться нечего. Им в самый раз скакать в одной упряжке. Одного поля ягоды — вот они кто.

— Но ты сам велел мне держаться подальше от Супи, — возразил Гритс, переводя встревоженный взгляд с меня на Пэдди.

— Это точно, — безразлично согласился Пэдди и снова сосредоточился на игре.

Гритс подвинулся чуть ближе к Пэдди и посмотрел на меня как-то озадаченно, смущенно. А потом вдруг занялся изучением своей пивной кружки и уже не поднимал от нее глаз, чтобы не встретиться с моими.

Пожалуй, именно в эту минуту затеянная Октобером игра начала терять для меня свою легкость и привлекательность. Пэдди и Гритс мне нравились: первые три дня жил с ними душа в душу. Я не был готов к тому, что Пэдди сразу поймет — мне нужен именно Супи, что, поняв это, он сразу от меня отстранится. Меня словно стукнули пыльным мешком из-за угла. Я, конечно, должен был такое предвидеть, но... это застало меня врасплох.

«Штаб» полковника Бекетта работал выше всяких похвал. При переходе в наступление всегда нужно иметь мощные и доступные резервы, и кому, как не полковнику, об этом не знать. Короче говоря, как только он услышал, что я вынужден толочь воду в ступе, плененный тремя никчемными жеребцами, он взялся за мое освобождение.

Во вторник днем, когда я прожил в конюшне уже неделю, меня остановил старший конюх Уолли. Я нес через двор два ведра с водой.

— Завтра отправляем твоего жеребца из семнадцатого, — сказал он. — Утром сделай все как следует, потому что с ним в полпервого поедешь ты. Фургон свезет вас в другую скаковую конюшню, около Ноттингема. Там эту лошадь оставишь, а взамен привезешь новую. Ясно?

— Ясно, — ответил я. Уолли держался со мной довольно холодно. За выходные я уже смирился с тем, что должен сеять вокруг себя легкое недоверие, хотя успех на этом поприще перестал приносить мне радость.

Большую часть воскресенья я просидел за справочниками — для обитателей коттеджа это было вполне естественным. А вечером, когда все ушли в бар, я как следует поработал с карандашом в руках, делая выкладки по одиннадцати лошадям и их победам, одержанным с помощью таинственного средства. Из газетных вырезок, которые я изучал в Лондоне, следовало, что у всех лошадей были разные владельцы, тренеры и жокеи, — сейчас это подтвердилось. Не подтвердилось, однако, другое предположение — что между этими лошадьми не было ничего общего. Когда я наконец запечатал листки с моими расчетами в конверт и вместе с записной книжкой Октобера сунул его в ягдташ под справочники — подальше от любопытных глаз разомлевших от пива конюхов, — в моем распоряжении оказались четыре общие черты, правда, ничего мне не дающие.

Во-первых, все одиннадцать лошадей победили в «облегченных» стипль-чезах — это заезды, победитель которых сразу же продается с аукциона. В трех случаях лошадей купили их же владельцы,

остальные были проданы за относительно скромные суммы.

Во-вторых, все эти лошади считались хорошими средними скакунами, однако выложиться на финише не могли — не хватало либо сил, либо резвости.

В-третьих, за исключением заезда, когда к ним применили допинг, они никогда не приходили первыми, хотя призовые места иногда занимали.

В-четвертых, денежный выигрыш в результате их победы составлял как минимум десять к одному.

Из книжки Октобера и из справочников я узнал, что некоторые лошади переходили из рук в руки несколько раз, но тут удивляться было нечему: мало кто хотел держать у себя бесперспективных середнячков. Я также располагал бесполезной информацией о том, что все лошади имели разную родословную, находились в возрасте от пяти до одиннадцати лет и отличались друг от друга по масти. Не было общим и место победных заездов, хотя здесь имелись кое-какие совпадения. Этих ипподромов оказалось всего пять: в Келсо, Хейдоке, Седжфилде, Стаффорде и Ладлоу, и у меня сложилось смутное впечатление, что все они расположены где-то на севере страны. Я решил проверить это по карте.

Я пошел спать. В нашей тесной комнатенке стойкий запах пива перешибал дежурные запахи обувного крема и масла для волос. Я хотел было открыть форточку, но на меня зашипели. Видимо, все парни шли на поводу у Пэдди, безусловно самого толкового из них, и если он почуял во мне чужого, я буду чужаком и для всех. Наверное, попроси я захлопнуть форточку, они бы распахнули ее настежь — дыши сколько влезет. С горьковатой улыбкой я лежал в темноте и слушал, как по-

скрипывают пружины, как парни лениво треплются перед сном, перемалывая события прошедшего дня. Немножко поворочался, устраиваясь поудобнее на шишковатом матрасе. Теперь я буду хорошо знать, какой в действительности жизнью живут мои конюхи там, в Австралии.

В среду утром я впервые испытал, что это за прелесть — жгучий йоркширский ветерок. Утром во дворе меня всего трясло от холода, даже потекло из носа, и один из конюхов, пробегая мимо, весело успокоил меня — этот ветрище, если захочет, может дуть шесть месяцев не переставая. Я в темпе провел утреннюю работу со своими лошаденками, завел одну из них в фургон, и в половине первого мы выехали из конюшни.

Мы отъехали от конюшни километров шесть, и я нажал кнопку звонка, который есть почти во всех таких фургонах для связи между кузовным отделением и кабиной. Водитель послушно остановил машину и вопросительно уставился на меня, когда я, обойдя фургон, залез в кабину и уселся рядом с ним.

— Лошадка не буянит, — пояснил я, — а здесь у тебя теплее.

Он ухмыльнулся, включил зажигание и прокричал сквозь шум двигателя:

— Я так сразу и понял, что ты — малый не особо сознательный! Лошадь-то мы везем для продажи, должны доставить ее в лучшем виде!.. Если хозяин узнает, что ты ехал со мной, его хватит удар!

Вот уж нет. Хозяин, то есть Инскип, ничуть бы не удивился. Насчет хозяев я могу судить по собственному опыту — не такой уж это наивный народ.

— Хозяин... — с отвращением протянул я. — Пусть застрелится.

Он искоса взглянул на меня. Оказывается, это очень просто — изобразить из себя дрянного, мерзкого типа, стоит только захотеть. Водители фургонов на скачках всегда собираются вместе, никакой работы у них там нет. Зато есть время посплетничать в столовой; вообще они целый день слоняются без дела и точат лясы. Поэтому слухок о том, что у Инскипа завелся подозрительный конюх, может разлететься во все стороны очень быстро.

Мы остановились перекусить в придорожном кафе, а потом еще раз возле магазинчика, по моей просьбе. Я купил две шерстяные рубашки, черный свитер, толстые носки, шерстяные перчатки и вязаную шапочку с козырьком — такие были почти на всех конюхах в это холоднущее утро. Водитель тоже зашел в магазин купить себе пару носков и, глядя на мои покупки, заметил, что у меня, видно, денег куры не клюют. Я хитро подмигнул ему — надо уметь жить, приятель. По глазам я понял, что его сомнения на мой счет увеличились.

Ближе к вечеру мы въехали в ворота скаковой конюшни в Лестершире. Тут я по-настоящему смог оценить качество проделанной Бекеттом работы. Я должен был везти обратно прекрасного скакуна, только начинавшего свою карьеру. Он был продан полковнику Бекетту со всеми поданными заявками. А это значило, сказал его бывший конюх (он расставался с жеребцом, словно с родным сыном), что он может участвовать во всех скачках, на которые его записал бывший владелец.

— А на какие скачки он записан? — поинтересовался я.

— Много куда, точно не помню. Ньюбери, Челтенхэм, Сандаун, еще куда-то, а первый его заезд — на той неделе в Бристоле. — Он с сожалением передал мне недоуздок. — Ума не приложу, чего это вдруг наш Старик надумал отдавать тако-

го красавца... Смотри, если на скачках увижу, что плохо за ним ходишь, всю душу из тебя вытрясу, помни мое слово.

— Как его зовут? — спросил я.

— Искрометный... Искрочка ты моя... Искри-ночка... ну, прощай, дружище... — Он любовно погладил лошадь по носу.

Мы погрузили ее в фургон, и на сей раз я своего поста не оставил, ехал вместе с лошадыю. Раз уж Бекетт не поскупился ради общего дела — чтобы купить эту прекрасную лошадь в такой короткий срок, ему, наверное, пришлось раскошелиться, — я вложу в нее все свое умение.

Перед выездом я успел взглянуть на карту в кабине водителя и, к своему удовольствию, обнаружил, что ипподромы помечены на ней тушью. Я взял карту и всю обратную дорогу изучал ее. Большинство ипподромов, где, по словам конюха, должен был выступать Искрометный, находились в южной части Англии. Значит, как я и просил, по дороге придется останавливаться на ночь. Ай да Бекетт!

Выяснил я и насчет пяти ипподромов, на которых победили наши одиннадцать лошадей. Я ошибся, когда думал, что все они находятся где-то на севере, — с точки зрения географии между ними не было ничего общего. Я надеялся, что они расположены по какому-то кругу и я смогу примерно вычислить его центр, но нет, их скорее можно было соединить кривой линией с северо-востока на юго-запад. Короче говоря, никакой системы я здесь не нашел.

В пятницу вечером я сходил в бар и обставил Супи в игру «стрелки». Он неодобрительно хмыкнул и жестом позвал меня к бильярду, где взял легкий реванш. Потом мы выпили по полпинты пива, глядя друг на друга. Мы почти все время

молчали — говорить пока было не о чем, и вскоре я вернулся к мишени для стрелок. За неделю класс играющих выше не стал.

— Ты обыграл Супи, да, Дэн? — спросил один из них.

Я кивнул, и кто-то тут же сунул мне в руку горсть стрелок.

— Если ты обыграл Супи, тебя надо брать в команду.

— Что за команда? — спросил я.

— Команда нашей конюшни. Мы разыгрываем с другими конюшнями что-то вроде первенства йоркширской лиги. Иногда мы ездим в Мидлхем, Уэтерби или Ричмонд, иногда они приезжают сюда. Супи — лучший игрок в конюшне Грейнджера. А может, ты ободрал его случайно?

Я бросил подряд три стрелки. Все они легли на кольцо двадцатки. Откуда у меня это — не знаю, но бросаю я всегда точно.

— Все, приятель, ты в команде и не вздумай отказываться.

— А когда следующий матч? — спросил я.

— Пару недель назад мы играли здесь. Теперь — в следующее воскресенье, в Берндейле.

Глава 4

На выходные приехали сын и две дочери Октобера, старшая — в ярко-малиновой ТР4, а близнецы — без излишнего шика — в одной машине с отцом. Все трое, будучи дома, всегда ездили верхом, и Уолли велел мне оседлать двух лошадей (Искрометного — для себя, вторую лошадь для леди Патриции Таррен) и выехать с первой группой.

Леди Патрицию Таррен я увидел в туманной дымке раннего утра, когда помогал ей сесть в седло. Редкостная красавица с бледно-розовым ртом и

густыми, загнутыми кверху ресницами — и хорошо знает, как ими пользоваться. Одета в яркий черно-белый жакет, каштановые волосы подхвачены зеленой косынкой.

— Ты новенький, — заявила она, глядя на меня сквозь ресницы. — Как тебя зовут?

— Дэн... мисс, — ответил я. Как обращаться к дочери графа? Понятия не имею.

— Так... Ну, подсади меня.

Я послушно встал рядом, но когда наклонился помочь ей, она вдруг провела рукой по моим волосам, шее и поймала пальцами мочку правого уха. Острые коготки вонзились в кожу. В глазах я увидел дерзкую усмешку, но не пошевелился и стоял молча. Тогда она хихикнула, отпустила ухо и медленно натянула перчатки. Я посадил ее в седло, она чуть нагнулась взять поводья, и пушистые ресницы оказались возле моего лица.

— А ты красавчик, крошка Дэнни, — проворковала она. — Какие черные глазки — просто загляденье!

Я совсем растерялся — как реагировать конюху, когда такое ему говорит дочка графа? Она засмеялась, чуть прищипорила лошадь и неторопливо выехала со двора. В двадцати шагах от меня Гритс подсаживал на лошадь ее сестру, и в тусклом свете я увидел, что она гораздо светлее младшей и почти так же красива. Бедняга Октобер, помоги ему Бог! Ведь за такими красотками нужен глаз да глаз!

Я повернулся идти за Искрометным и увидел перед собой восемнадцатилетнего сына Октобера. Парень сильно походил на отца, но до отцовской солидности и властности ему пока было далеко.

— Не стоит принимать Патрицию слишком серьезно, — сказал он ровным, усталым голосом, оглядывая меня сверху донизу. — Она любит розыгрыши. — Он кивнул и зашагал к своей лошади. Это

было похоже на дружеский совет-предупреждение. Если его сестра разыгрывает подобным образом всех мужчин подряд, ему не впервой давать такие советы.

Посмеиваясь про себя, я вывел Искрометного из денника, сел в седло, выехал из ворот конюшни и по тропинке направился к вересковой пустоши. Впереди силуэты лошадей уже огибали холм, в воздухе стоял утренний морозец, и из их ноздрей вырывались белые струйки.

Сам Октябрь вместе с собакой приехал к пустоши прямо на «лендровере» — посмотреть, как работают лошади. Я уже знал, что субботнее утро в конюшне — это самое горячее время, проводятся интенсивные резвые работы, и Октябрь, поскольку конец недели он почти всегда проводил в Йоркшире, взял за правило по субботам присутствовать на тренировках.

Мы поднялись на вершину холма, и Инскип дал команду ездить по кругу, а сам разбил лошадей на пары и стал инструктировать наездников.

Мне он сказал:

— Дэн, галоп на три четверти. В среду у твоей лошади скачки. Не слишком гони ее, но надо посмотреть, на что она способна. — В пару Искрометному он отрядил одного из лучших резвачей конюшни.

Пришел наш черед, и лошади рванулись со старта. Я вырастил, подготовил и объездил бесчисленное множество лошадей у себя, в Австралии, в Англии же я скакал на хорошей лошади впервые, и мне было интересно сравнить Искрометного с австралийскими скакунами. Он шел длинным, размашистым галопом, без особых усилий держась вровень с именитым соперником, и хотя резвость наша, как видел Инскип, не превышала трех четвертых максимума, было ясно, что Искрометный

в отличной форме и к предстоящему состязанию готов.

Вместе со вторым наездником мы остановились перед Октобером и Инскипом, чтобы они могли оценить состояние лошадей, послушать их дыхание. Ребра Искрометного ходили легко: дыхания он почти не потерял. Двое мужчин одобрительно кивнули, мы соскочили с лошадей и стали водить их по лужайке, давая остыть.

С дальнего конца прямой пара за парой мчались лошади, наконец прошли последние, которых пускали уже не галопом, а кентером. После окончания работ почти все конюхи снова сели верхом, и лошади затрусил обратно к конюшне. Я садиться на Искрометного не стал, вел его в конце цепочки, а прямо передо мной верхом ехала старшая дочь Октобера, так что я даже не мог перекинуться парой слов с другими конюхами.

Когда она проезжала мимо низких кустов утесника, оттуда с криком, громко хлопая крыльями, вылетела птица, и лошадь, взбрыкнув передними ногами, шарахнулась в сторону. Девушку кинуло вправо, и она оказалась почти у уха лошади, но ей удалось удержаться в седле. От сильного натяжения лопнул стременной ремень, и стремя, звякнув, упало на землю.

Я наклонился и поднял его, но ремешок порвался, и закрепить стремя было нельзя.

— Спасибо, — поблагодарила девушка. — Немножко не повезло.

Она слезла с лошади.

— Ничего не случится, если немного пройдуь.

Я взял у нее повод, собираясь вести двух лошадей, однако она забрала его обратно.

— Вы очень любезны, — сказала она, — но я вполне управлюсь с ней сама. — Дорожка в этом месте была широкой, и мы пошли рядом.

Вблизи оказалось, что на свою сестру Патрицию она совсем не похожа. Блондинка, волосы гладкие с серебристым отливом, подхвачены голубой косынкой. Светлые ресницы, серые ясные глаза, резко очерченный улыбающийся рот. И умение держаться изящно, с достоинством. Некоторое время мы просто шли и молчали.

— Какое роскошное утро, — сказала она наконец.

— Роскошное, — согласился я. — Только очень холодное. — Англичане всегда говорят о погоде, и если в ноябре выдался ясный денек, такое событие просто нельзя обойти молчанием. А у нас сейчас дело идет к жаре, к лету...

— Вы в конюшне давно? — спросила она еще через минуту.

— Нет, всего десять дней.

— И как, нравится?

— Да, дело тут поставлено...

— Жаль, что мистер Инскип вас не слышит, — бесстрастно произнесла она.

Я взглянул на нее, но она с легкой улыбкой смотрела вперед вдоль дорожки.

Спустя сотню метров она спросила:

— А на какой лошади вы скакали? Кажется, я ее раньше не видела.

— Ее привезли только в среду... — Я рассказал ей об Искрометном все, что знал: откуда он взялся, какие у него возможности, шансы.

Она кивнула.

— Вы будете довольны, если он выиграет какие-нибудь скачки. Радостно сознавать, что твой труд не пропадет даром.

— Конечно, — согласился я. Странно слышать такие рассуждения от дочки графа.

До конюшни было уже совсем близко.

— Извините, пожалуйста, — мягко произнесла она, — но я не знаю, как вас зовут.

— Дэниэл Рок, — ответил я. За последние десять дней мне приходилось отвечать на этот вопрос Бог знает сколько раз, но почему-то именно ей мне захотелось представиться полным именем.

— Очень приятно. — Она помолчала («Бойтся меня смутить», — не без удовольствия подумал я), что-то решила и продолжала ровным, спокойным голосом:

— Лорд Октябрь — мой отец. А я Элинор Таррен.

Мы подошли к воротам конюшни. Я шагнул в сторону, пропуская ее вперед, и она приняла этот жест учтивости с дружеской, но ни к чему не обязывающей улыбкой, потом вошла во двор и повела лошадь к деннику. «Чудесная, обаятельная девушка», — вскользь подумал я, принимаясь за работу: отер круп Искрометного от пота, вымыл ему ноги, причесал гриву и хвост, протер губкой глаза и рот, расправил соломенную подстилку, принес сена и воды, затем проделал все то же для лошади, на которой ездила Патриция. Ох, Патриция, ее я чудесной не назвал бы.

Я пошел завтракать в коттедж, и миссис Олнат протянула мне письмо — оно только что пришло. Я посмотрел на штемпель — отправлено вчера из Лондона. Внутри лежал лист бумаги с одним предложением, отпечатанным на машинке.

«Мистер Стэнли будет ждать вас у водопада Виктория в воскресенье в три часа дня».

Склонившись над тарелкой с кашей, я рассмеялся и засунул письмо в карман.

* * *

На следующий день я отправился в путешествие вдоль ручья. Сильно накрапывало. На сей раз ждать пришлось мне, а дождевые капли все решительнее пробирались за шиворот. Наконец Октябрь

появился с другой стороны холма, снова в сопровождении собаки.

— Ну, как дела?

Я сказал, что новая лошадь Бекетта — просто чудо, и с ней у меня открываются отличные возможности. Он кивнул.

— Родди Бекетт еще в войну был спецом по снабжению. Он даже прославился — все доставлял аккуратно и в срок. Не было случая, чтобы он послал куда-то не те боеприпасы или сапоги на одну ногу.

— Я заставил кое-кого усомниться в своей честности, — сказал я. — Постараюсь еще больше очернить себя в конце этой недели в Берндейле. У меня меткий глаз, и любители игры в стрелки взяли меня в свою команду.

— В Берндейле, помнится, были какие-то случаи с допингом, — задумчиво произнес он. — Может, и найдете там какую-то зацепку.

— Попробую.

— А справочники что-нибудь вам дали? — спросил он. — Думали вы еще, что связывает эти одиннадцать лошадей?

— Я только об этом и думаю, — заверил его я. — Мне кажется, что есть возможность — не гарантия, конечно, а именно возможность — выловить двенадцатую лошадь, если взять у нее анализы до начала заезда. Если, конечно, исходить из того, что двенадцатая лошадь обязательно появится... Но почему ей не появиться — ведь виновники торжества пока ходят безнаказанными?

Поля шляпы Октобера были загнуты вниз, с них капал дождь. Глаза его загорелись.

— Вы что-то нашли?

— Не совсем. Просто провел статистический анализ. Но, пожалуй, можно биться об заклад, что следующая наша лошадь выиграет облегченный

стипель-чез в Келсо, Седжфилде, Ладлоу, Стаффорде или Хейдоке. — Я объяснил, как пришел к этому выводу, и продолжал:

— Перед началом всех облегченных стипль-чезов на этих ипподромах у лошадей надо брать слюну на пробу. Такие заезды проводятся не чаще, чем раз в два дня... А если колода окажется без «джокера», пробы можно просто выбросить и анализ не проводить.

— Это заказ не из простых, — медленно произнес он. — Но выполнимый, если через него можно добраться до сути.

— Результаты анализов могут дать что-то новое.

— Вы правы. Пусть они даже ничего не дадут, это все равно будет крупным шагом вперед. Мы будем искать этого «джокера», предпринимать какие-то активные действия, а не сидеть с озадаченным видом и ждать, пока он появится. Черт возьми, — он огорченно покачал головой, — почему мы не додумались до этого сами, еще несколько месяцев назад? Сейчас, когда такой выход предложили вы, он мне кажется совершенно очевидным.

— Еще одно, — продолжал я. — В лаборатории вам сказали, что выявить стимулирующее средство они не могут, и посоветовали подумать, не применяется ли механический раздражитель. Вы говорили, что жокеев вместе со снаряжением подвергли тщательному осмотру. А кожу лошадей? Мне на днях пришло в голову, что стрелкой — знаете, для игры? — я попаду в лошадь в ста случаях из ста. Можно бросить что-нибудь колючее... что жалит бы как оса... Конечно, лошадь понесется быстрее.

— Насколько я знаю, на теле лошадей никаких следов обнаружено не было, но придется уточнить. Кстати, я узнавал у медиков, возможно ли, что-

бы организм лошади перерабатывал наркотическое средство в безвредное вещество, и они категорично ответили «нет».

— Что ж, фронт поисков сужается, и то хорошо.

— Да. — Он свистнул собаку, рыскавшую в дальнем конце балки. — В следующее воскресенье вы будете в Берндейле, но в принципе давайте возьмем себе за правило встречаться здесь в это время каждое воскресенье и обсуждать, как идут дела. Если в субботу на резвых работах меня нет, свидание отменяется — я уехал. Кстати, вчера даже неопытному глазу было видно, что на Искрометном скачет умелый жокей. По-моему, мы договорились, что производить слишком хорошее впечатление не в ваших интересах. Кроме того, — с легкой улыбкой добавил он, — Инскип говорит, что вы — трудолюбивый и расторопный работник.

— Что за черт... буду впредь осторожней, не то Инскип даст мне слишком хорошую рекомендацию.

— Да уж, пожалуйста, — согласился он. — Ну как, нравится быть конюхом?

— В этой работе есть свои плюсы... У вас замечательные дочери.

Он довольно улыбнулся.

— О да. Спасибо, что помогли Элинор. Она сказала, что очень благодарна вам.

— Не за что, уверяю вас.

— С Пэтти, правда, не все благополучно, — задумчиво пожаловался он. — Никак не выберет себе занятие по душе. Она знает, что я не одобряю эти ее бесконечные вечеринки, коктейли до утра... Впрочем, что это я докучаю вам своими семейными проблемами?.. До свидания, мистер Рок.

Мы пожали друг другу руки, и он побрел вверх по холму, а я поспешил вниз. Дождь моросил не переставая.

В назначенный день мы с Искрометным отправились в дальнюю поездку — Бристоль лежал в четырехстах километрах к югу. Ипподром находился за чертой города, и, когда мы остановились перекусить на полдороге, водитель фургона сказал мне, что весь конюшенный комплекс там выстроен заново — после пожара.

Построенные денники были чистыми и удобными, но конюхов привело в восторг другое — новые помещения для отдыха и сна, то есть общежитие. Меня оно тоже поразило. Чем именно? Большой холл, две длинные спальные комнаты, в каждой примерно по тридцать кроватей, застеленных чистыми простынями и ворсистыми синими одеялами. Над каждой кроватью — бра, пол выложен виниловой плиткой, под ним — система отопления. Вполне современные душевые в умывальной, и еще одна комната — для сушки мокрого белья.

— Вот это житуха, елки зеленые! — воскликнул какой-то веселый парень, который вошел в спальную комнату следом за мной и бросил свой брезентовый саквояж на свободную кровать.

Тут же раздались другие голоса.

— Да тут не хуже, чем в Ньюбери.

— Запросто.

— А Аскот они переплюнули, точно говорю.

Послышались одобрительные возгласы.

— Кровати тут удобнее, чем в Аскоте, и говорить нечего.

Общежития в Ньюбери и Аскоте, надо полагать, считались самыми комфортабельными во всей стране.

— Можно подумать, что боссы вдруг образумились и вспомнили, что конюхи — тоже люди, — агрессивным подстрекательским тоном заметил какой-то узколицый малый.

— А у нас с конюхами обращаются терпимо, — вступил я, кладя свои вещи на незанятую кровать. Главное — не нервничать, держаться естественно, обыкновенно, не выделяться. По сравнению со Слоу я чувствовал себя здесь не в своей тарелке. Там я по крайней мере знал работу «от» и «до» и мог потихоньку заводить с парнями нормальные отношения. Но здесь мне на все отведено только два вечера, и, если я хочу как-то продвинуться в своих поисках, нужно направлять разговор в нужную мне сторону.

— Это где же? — спросил весельчак, окидывая меня любопытным взглядом.

— У лорда Октобера.

— А-а, ясно, у Инскипа? Далеко тебя занесло от дома...

— У Инскипа, может, и ничего, — недовольным тоном произнес подстрекатель. — А в других местах что делается? Обращаются с нами, как с половой тряпкой, забывают, что мы тоже хотим жить по-человечески, тоже имеем право радоваться солнцу.

— Точно, — серьезно подтвердил мосластый парень. — Я слышал об одной конюшне — там конюхов буквально морят голодом и бьют, если они не вкалывают до седьмого пота, а вкалывать приходится будь здоров — на каждого конюха по четыре-пять лошадей! А все потому, что больше пяти минут там ни один дурак не остается!

— Где же это такое? — как бы между делом спросил я. — А то вдруг надумаю уходить от Инскипа, надо знать, куда не соваться.

— Это где-то в твоих краях, — с сомнением произнес он.

— Нет, это севернее, в Дареме, — вмешался еще один конюх, худенький симпатичный паренек с мягким пушком на щеках.

— Ты тоже, что ли, об этом месте слышал?

— Слышал, — кивнул он. — Да толку что? Туда ни один нормальный человек не пойдет, ни за какие пироги. Настоящая потогонная фабрика, каких уж сто лет нет нигде. Работают там одни отщепенцы, кому в другие конюшни дорога заказана.

— Прекратить надо это безобразие, — воинственным тоном заговорил подстрекатель. — А кто там хозяин?

— Хамбер такой, — ответил симпатичный паренек. — Он — никудышный тренер. Победителей у него — как волос на башке у Фантомаса... Его старший конюх иногда появляется на скачках, зазывает к себе народ работать, да только все ему от ворот поворот дают.

Все пошли в столовую. Кормили сытно, много и бесплатно. Потом кто-то предложил пойти в бар, но его сразу же затюкали — оказалось, до ближайшего бара топать больше трех километров, а пиво продавалось прямо здесь, в теплой, уютной столовой.

Завести разговор о допинге не составило труда — казалось, конюхи готовы обсуждать эту тему бесконечно. Если верить их словам, ни один из них — двадцать с лишним человек — никогда не «подкармливал» лошадь, но каждый знал кого-то, кто знал еще кого-то, кто был грешен. Я попивал пиво и с заинтересованным видом прислушивался к их рассказам. Мне и вправду было интересно.

— ...бедняжка только вышла из паддока, а он р-раз на нее кислотой...

— ...напичкал ее снотворным, да так, что она сдохла в деннике на следующее утро...

— ...вколол такую огромную дозу, что лошадь даже первый барьер не взяла: ничего не видела от боли...

— ...за полчаса до заезда дал ей, собака, выпить здоровое ведро воды — уже никакой допинг не нужен, с таким морем в брюхе она и так едва доползет до финиша...

— ...вылил ей в глотку полбутылки виски...

— ...его зацапали с яблоком без сердцевины, а внутри — таблетки...

— ...и тут у него из кармана выпал шприц, а рядом как раз стоял стюард...

— Интересно, все способы уже перепробовали или нет? — спросил я.

— Если что и осталось, только черная магия, — ответил симпатичный паренек.

Все засмеялись.

— А вот, допустим, — небрежно заметил я, — кто-нибудь выдумает что-то особенно хитрое, такое, что и не обнаружишь, — и будет всегда выходить сухим из воды, никто его застукать не сможет.

— Ну, братец, — воскликнул весельчак, — это уж ты загнул! Не дай Бог, если такое случится, спасайся кто может. Поди узнай, на кого ставить. Букмекеры с горя на стенки полезут. — Он радостно заулыбался.

Невысокий конюх постарше его веселья не разделял.

— Такое делается из года в год, — сказал он, хмуро качая головой. — Есть тренеры, у которых «подкормка» разработана до тонкостей, — это я вам точно говорю. Некоторые тренеры травят своих лошадей постоянно, годами.

Однако другие конюхи с ним не согласились: теперь берут анализы на допинг; если и были среди тренеров любители портить лошадей, так их разоблачили, забрали лицензию и дорогу на скачки закрыли. Старый закон, правда, был не очень справедливым, говорили они, — по нему тренера автоматически дисквалифицировали, если

в организме хотя бы одной его лошади обнаруживали допинг. А тренер виноват не всегда, особенно если лошадь стимулировали на проигрыш. Какой тренер пойдет на такое — портить лошадь, которую он месяцами готовил для победы? И все же, считали они, после изменения этого закона случаи допинга не уменьшились, а скорее увеличились.

— А что? Вполне логично. Сейчас тот, кто дает допинг, знает: если раньше он мог поломать тренеру всю жизнь, теперь страдает только одна лошадь в одном заезде. И совесть его не очень мучит, все правильно. Многие конюхи не постеснялись бы за полсотни подсыпать в корм пригоршню аспирина, но они боятся — а вдруг после этого закроют конюшню, а потом, глядишь, и на дверь покажут — прощай, работка!

Вопрос этот их волновал, и они обсуждали его долго, сдабривая свою речь сильными словечками. Но я уже понял: о моих одиннадцати лошадях им ничего не известно. Все они, я знал, были из других конюшен и, конечно, про странных газетных отчетов об этих случаях не читали, а если кто и читал, то читал по отдельности, на протяжении полутора лет, а не так, как я, — все вместе в одной солидной, объемистой пачке.

На следующий день незадолго до полудня я отвел Искрометного из денника в паддок, провел по кругу для представления участников, потом держал ему голову, пока его седлали, снова провел по кругу, помог жокею сесть в седло и вывел лошадь к месту старта, а сам вместе с другими конюхами поднялся к месту старта на маленькую трибуну возле ворот, чтобы оттуда смотреть заезд.

Искрометный пришел первым. Я был в восторге. Я встретил его у ворот и отвел в просторный загон для расседывания победителей.

Там, опираясь на трость, уже ждал полковник Бекетт. Он похлопал лошадь по холке, поздравил жокея, который снял седло и ушел взвешиваться, потом с усмешкой сказал:

— Кажется, она уже начинает окупаться.

— Прекрасная лошадь, а для нашей цели — просто идеальная.

— Отлично. Вам нужно что-нибудь еще?

— Да. Я хочу знать как можно больше об одиннадцати лошадях... Где их растили, чем кормили, какими болезнями они болели, в какие кафе заходили водители фургонов, в которых их возили, кто делал для них уздечки, подгоняли ли им в период заездов подковы, если да, то какие кузнецы — короче говоря, все, что можно...

— Но между ними нет ничего общего — только то, что всем им дали допинг.

— На мой взгляд, дело обстоит иначе. Между ними есть что-то общее, что позволяло дать допинг именно им. Вот это «что-то» и нужно найти. — Я погладил Искрометного по носу. Он еще не успокоился после одержанной победы. Полковник Бекетт внимательно посмотрел на меня.

— Мистер Рок, вы получите всю нужную информацию.

— Спасибо. — Я благодарно улыбнулся. — А я позабочусь об Искрометном... Он окупится очень быстро.

В этот вечер, между первым и вторым днем двухдневных скачек, конюхов в общежитии было гораздо больше. Я снова свел разговор к допингу, а сам губкой впитывал все, что говорилось. Кроме того, я дал окружающим понять: если кто-то захочет узнать, в каком деннике моей конюшни стоит такая-то лошадь, и он за полсотни попросит меня подсказать, я от такого предложения не откажусь. За это я заработал несколько неодобрительных

взглядов, а также один заинтересованный взгляд исподлобья — от низкорослого конюха с огромным носом, которым он равномерно сопел.

Утром в умывальнике он встал у соседней раковины и, кривя рот, прошептал:

— Ты вчера не дурил, когда сказал, что за полсотни укажешь нужный денник?

Я пожал плечами.

— А что тут такого?

Он украдкой оглянулся, и я едва сдержал смех.

— Я могу тебя кое с кем свести, если хочешь. Только пятьдесят процентов — мои.

— Умнее ничего не придумал? — презрительно произнес я. — Пятьдесят процентов... Ты что, за ребенка меня принимаешь?

— Ну... тогда пятерка, — сразу сдался он, шмыгнув носом.

— Не знаю...

— Уж меньше пятерки я не возьму, — пробормотал он.

— А показывать, где чей денник — это ведь нехорошо, — назидательно сказал я, вытирая лицо полотенцем.

Он в изумлении уставился на меня.

— И если пятерка еще идет тебе, меньше чем на шестьдесят я не согласен.

Он не знал, как себя вести — рассмеяться или плюнуть и уйти. Я оставил его в нерешительности и, ухмыляясь, вышел сам — пора было везти Искрометного обратно в Йоркшир.

Глава 5

В воскресенье примерно половина конюхов Инскипа поехала в Берндейл — на официальные матчи по футболу и стрелкам. Мы выиграли оба, и довольные парни хлопали друг друга по плечу и

запивали радость победы пивом. Местные конюхи на меня особого внимания не обратили, просто отметили факт моего появления и что теперь первое место в турнире игры по стрелкам может им улыбнуться. Типов вроде Супи среди них не было, а ведь Октобер что-то говорил насчет случаев допинга в этой деревне. Проявлять ко мне интерес, будь я хоть десять раз мошенником, здесь тоже вроде было некому.

Всю следующую неделю я работал со своими тремя лошадьми, читал справочники и думал, но не продвинулся ни на шаг. Пэдди был со мной холоден, Уолли тоже. Пэдди наверняка доложил ему, что я и Супи — два сапога пара. Уолли выражал свое неодобрение просто — по горло заваливал меня работой. После обеда у конюхов обычно было свободное время — вечерняя работа в конюшне начиналась в четыре часа, но мне постоянно приходилось вместо отдыха мести двор, чистить снаряжение лошадей, дробить овес, резать солому, мыть машину Инскипа или протирать окна в свободных денниках. Я не возражал и не жаловался: если вдруг понадобится быстро сменить хозяина, я смогу с ним разругаться из-за того, что на мне здесь ездили по одиннадцать часов в сутки.

Зато в пятницу мы с Искрометным снова собрались в дорогу, на сей раз в Челтенхэм, теперь кроме водителя фургона с нами ехал Гритс со своей лошадью и старший сопровождающий конюх.

В конюшне при ипподроме мы узнали, что в этот вечер дается обед в честь жокея — победителя предыдущего сезона, и все конюхи, остававшиеся на ночь, тоже решили отпраздновать это событие и сходить в город на танцы. Мы с Гритсом разместили на ночь лошадей, поужинали, а потом принарядились, на автобусе доехали до города и, заплатив за вход на танцульки, вошли в большой зал. Там

было душно, всюду громыхала бит-группа, но танцующих было пока немного. Вдоль стен стайками толпились девушки они призывно глазели на парней, которых тоже хватало. Я повел Гритса в бар, где вперемешку с местными жителями тянули пиво конюхи, и купил ему кружку пива. В этот вечер я решил «выступить», жаль только, что свидетелем моей «гастроли» будет Гритс. Бедняга, он не хотел предавать Пэдди, но, с другой стороны, ему явно нравился я, и вот сейчас я собираюсь убить в нем всякое расположение к себе. Если бы я мог ему все объяснить! А может, плюнуть и провести вечер без выкрутасов? Но ведь такая возможность не повторится. Пренебречь ею из-за боязни упасть в глазах одного обделенного умом конюха, даже если он мне нравится? Нет, за десять тысяч фунтов надо работать.

— Гритс, иди потанцуй с какой-нибудь девушкой. — Лицо его медленно расплылось в улыбке.

— Я же никого тут не знаю.

— Ну и что, любая пойдет танцевать с таким симпатичным парнем. Иди пригласи кого-нибудь.

— Нет, я лучше с тобой буду.

— Ну, как хочешь.

Я повернулся к стойке и шлепнул по ней едва початой кружкой пива.

— Надоело мне сосать эту святую водицу! — взбурялся я. — Эй, бармен, налей-ка двойное виски!

— Дэн! — Гритса испугал мой тон. Значит, начало хорошее... Бармен налил мне виски и взял деньги.

— погоди! — громко остановил я его. — Сделай еще один такой же, пока ты здесь.

Я ощутил на себе взгляды парней, сидевших вдоль стойки, поэтому решительно взял стакан, опустошил его в два глотка и вытер рот рукой.

Потом оттолкнул пустой стакан и заплатил бармену за второй.

— Дэн, — Гритс потянул меня за рукав. — Может, не стоит?

— Стоит, — бросил я, косо взглянув на него. — Иди потанцуй с девушкой.

Но он не пошел. Он стоял и смотрел на меня, а я выпил второй стакан и заказал третий. Бедняга, он не на шутку испугался.

Конюхи, сидевшие у стойки, подвинулись ко мне поближе.

— Эй, приятель, так ведь и из седла вылететь недолго, — заметил один из них, высокий парень моего возраста в шикарном ярко-синем костюме.

— А тебе что? — огрызнулся я. — Я к тебе не лезу.

— Ты у Инскипа? — спросил он.

— Да-а... у Инскипа... чтоб его перекосило... — Я поднял третий стакан. Выпить я могу много — это проверено, а сегодня, готовясь к спектаклю, я плотно поужинал. Все вот-вот сочтут меня пьяным, но я должен продержаться с ясной головой еще долго. Во всяком случае, начинать надо сейчас, пока зрители мои сами крепко держатся на ногах и впоследствии смогут все точно вспомнить.

— Одиннадцать вонючих бумажек, мать честная! — взорвался я. — А ты паши на них как заводной семь дней в неделю...

Я видел — некоторых эти слова задели за живое, но синий костюм возразил:

— Так чего ж ты выбрасываешь их на виски?

— А почему нет? Жахнешь стаканчик-другой — и сразу чувствуешь себя человеком... Хозяева платят за лошадей тысячи, а выиграют они или нет — это от чего зависит? От того, как мы, конюхи, работаем, их убираем, ходим за ними — да что, вы сами, что ли, не знаете? А платят нам

гроши... — Я покончил с третьим стаканом, икнул и добавил: — Справедливо это? Вот то-то и оно.

Бар постепенно заполнялся, и по тому, как мужчины приветствовали друг друга, по их внешнему виду я понял, что почти половина из них имеют отношение к миру скачек. Спрос на крепкие напитки заметно поднялся, и я не сразу поймал бармена, чтобы заказать за эти пятнадцать минут четвертый стакан двойного виски.

Круг, в центре которого я стоял, покачиваясь со стаканом в руке, становился все шире.

— Я хочу... — начал я. Что, черт возьми, я могу хотеть? Нужные слова не сразу пришли на ум. — Я хочу... мотоцикл. Хочу шикануть с девчонкой. Только по-настоящему. Поехать в отпуск за границу... остановиться там в первом классе отеля, чтобы все вокруг меня бегали, стоит только палец поднять... пить любые напитки... начать откладывать деньги на собственный дом... Так что, сбудутся мои мечты? Черта лысого. Сказать, сколько я получил сегодня утром? Семь фунтов и четыре пенса...

Вечер медленно проходил, а я все продолжал скулить и жаловаться. Зрители вокруг менялись, а я пел одну и ту же песню, пока не убедился — все, кто так или иначе причастен к скачкам, уяснили, что у Инскипа работает конюх, жаждущий денег, желательнее побольше.

Наконец, когда я сделал искусный пируэт и едва устоял на ногах, ухватившись за колонну, Гритс прокричал мне в ухо:

— Дэн, я ухожу, и тебе тоже пора! Если опоздаешь на последний автобус, пешком не дойдешь!

— Чего? — покосился я в его сторону. Рядом с ним стоял «синий костюм».

— Давай помогу тебе с ним, — предложил он Гритсу.

— Гритс, дружище, раз ты говоришь — пора, значит, пора.

Мы потащились к двери, «синий костюм» — за нами. Я усердно спотыкался, так, что чуть не валил с ног Гритса. Сейчас, однако, это в глаза не бросалось — заносило не меня одного, и очередь конюхов на автобусной остановке покачивалась, словно океан в спокойный день. Я ухмыльнулся — в темноте моего лица никто не видел — и поднял глаза к небу. Что ж, сегодня посев прошел удачно, и если жатвы не будет и теперь, значит, все разговоры о допинге — это чистой воды сказки.

Не знаю, был ли я пьян, но на следующее утро голова у меня просто раскалывалась, где-то выше глаз всюду стучал отбойный молоток. Ничего, искусство требует жертв.

Искрометный проиграл свой заезд на полкорпуса. Я не преминул громко заявить на трибунке для конюхов, что остаток моего недельного заработка пошел кошке под хвост.

В тесном загончике для расседлывания полковник Бекетт погладил свою лошадь по холке и сказал мне:

— Ничего, повезет в следующий раз. Я послал то, что вы просили, посылкой. — Потом отвернулся и возобновил разговор с Инскипом и его жокеем о прошедшем заезде.

В тот же вечер мы вернулись в Йоркшир, почти всю обратную дорогу мы с Гритсом проспали на скамьях в задней части фургона.

На следующий день, как и договаривались, я встретился с Октобером в балке, но новостей у меня почти не было, и разошлись мы быстро. Он, правда, сказал мне, что посланный Бекеттом материал собран молодыми энергичными курсантами из военного училища в Олдершоте, им объяснили, что это упражнение на смекалку и самостоятельность,

своеобразный конкурс, и победит тот, кто подготовит наиболее полный и осмысленный доклад о жизни порученной ему лошади.

Возвращаясь в конюшню, я размышлял — как, черт возьми, солидно поставлена у полковника Бекетта штабная работа! Однако когда на следующий день я получил на почте посылку, я просто лишился дара речи. В ней было 237 машинописных страниц в картонном переплете — так выглядит рукопись книги. Этот объемистый труд был создан за неделю! Как же должны были работать эти молодые люди? А машинистки?

Уединиться для чтения было делом крайне сложным: с утра и до поздней ночи я все время находился на глазах у всех. В конце концов выбор мой пал на туалет — там я все-таки смогу сосредоточиться и прочитать мощный фолиант. В ту же ночь я дождался, пока все заснут, прошел в конец коридора и заперся в туалете. Если кто-то начнет рваться, скажу — расстройство желудка.

Дело двигалось медленно: за четыре часа я прочитал только половину. От долгого сидения все у меня затекло, я как следует потянулся, зевнул и пошел спать. Никто не пошевелился.

Следующей ночью я собрался продолжить чтение и ждал, пока все улягутся. Четверо конюхов ходили в Слоу и сейчас, сидя в холле, обсуждали прошедший вечер.

— А кто это был с Супи? — заговорил Гритс. — Раньше я его не видел.

— Вчера вечером он тоже был, — раздался другой голос. — Станный какой-то тип.

— А что в нем странного? — спросил один парнишка.

— Да так. — Гритс пожал плечами. — Глаза у него вроде как бегают.

— Будто искал кого, — добавил другой голос.

Справа от меня возле стены стоял Пэдди. Он твердо сказал:

— Вы от этого малого держитесь подальше, да и от Супи тоже. Слушайте, что вам говорят. Хорошего от таких не жди.

— Но этот парень, ну, в ярком таком желтом галстуке, он нас всех пивом угостил, верно же? Разве плохой человек стал бы нас пивом угощать?

Пэдди сердито вздохнул — разве можно быть таким наивным?

— Если бы ты был Евой, ты слопал бы яблоко в первую секунду. Тебе бы и змей не понадобился...

Они еще немножко побормотали, поворчали и разошлись по кроватям. Я лежал в темноте с открытыми глазами и думал: кажется, только что я услышал кое-что действительно интересное. Завтра вечером надо будет идти в бар.

Глаза закрывались, но я, с усилием отогнав сон, вылез из теплой постели, снова прошествовал в туалет и читал еще четыре часа, пока наконец не добрался до последней страницы. Я несколько раз менял позу и сейчас сидел на полу, тупо глядя на вделанную в стену арматуру. Истории жизни одиннадцати лошадей были передо мной как на ладони, и я не мог найти в них ничего общего, ни одного связующего звена. Общего для всех. Иногда что-то совпадало у четырех или пяти лошадей — но не всегда у одних и тех же, — например, модель седла, которым пользовались скакавшие на них жокеи, брикетированный корм или аукцион, где они были проданы. Но надежды мои найти на этих страницах ключ к разгадке испарились полностью. Замерзший и подавленный, я поднялся, размял ноги и поплелся спать.

На следующий вечер в восемь часов я отправился в Слоу. Со мной никто не пошел — все пар-

ни сказали, что до полочки сидят на бобах, к тому же по телевизору показывали автогонки.

В баре, как всегда по средам, никого не было. Супи вместе с его таинственным дружкой, разумеется, тоже. Я заказал пива и стал развлекаться возле доски со стрелками: старался попасть сначала в самый большой круг, потом — в меньший и так дошел до самого центра. Время шло. Я взглянул на часы и уже было решил, что притопал сюда впустую, как вдруг через боковую дверь в бар вошел человек. В левой руке он держал стакан с какой-то шипящей, янтарного цвета жидкостью и тонкую сигару. Смерив меня взглядом, он спросил:

— Ты конюх?

— Да.

— У Грейнджера или Инскипа?

— У Инскипа.

Он хмыкнул. Потом прошел внутрь, отпустив за собой дверь.

— Если приведешь сюда завтра вечером одного из ваших конюхов, получишь десять шиллингов... и бесплатное пиво для обоих — сколько выпьете.

Я изобразил на лице интерес.

— А какого конюха? — спросил я. — Любого? Многие и так придут сюда в пятницу.

— Да нет, лучше, пожалуй, завтра. Чем раньше, тем лучше, я всегда за это. А какого... давай-ка ты называй их по именам, а я выберу... Согласен?

Надо же выдумать такую глупость! Не хочет спрашивать прямо, боится — вдруг я запомню, что он хотел видеть именно... меня?

— Ладно. Пэдди, Гритс, Уолли, Стив, Рон, Дэн, Майк...

В глазах его мелькнула искорка.

— Дэн, — выбрал он. — Вроде бы подходящее имя. Приведи Дэна.

— Дэн — это я, — сказал я.

На какую-то секунду его череп покрылся складками, а глаза недовольно сузились.

— Ты что, — рявкнул он, — комедию вздумал ломать?!

— По-моему, — спокойно отозвался я, — вы первый начали.

Он уселся на скамью и аккуратно поставил стакан на стол перед собой.

— Почему ты пришел сюда сегодня один? — спросил он.

— Пивка выпить захотелось.

Наступила тишина — видимо, он обдумывал план кампании. Это был невысокий, приземистый человек в темном костюме, чуть для него тесноватом, под расстегнутым пиджаком я увидел кремовую рубашку с монограммой и желтый шелковый галстук. Пальцы — толстые и короткие, а жирок на шее переваливался на ворот пиджака, однако смотрел он на меня отнюдь не мягким взглядом.

Наконец он сказал:

— У вас в конюшне есть такая лошадь Искрометный?

— Есть.

— И в понедельник она скачет в Лестере?

— Вроде бы да.

— И какие у нее шансы?

— Так вы, мистер, хотите, чтобы я вам подсказал, на кого ставить? Что ж, Искрометного готовлю я сам и могу сказать, что в понедельник он ни одну лошадь к себе и близко не подпустит.

— Значит, по-твоему, он выиграет?

— Ну да.

— И ты, наверное, собираешься на него ставить?

— Конечно.

— А сколько? Половину недельного заработка? Фунта четыре?

— Может, и четыре.

— Но ведь Искрометный будет фаворитом. Наверняка. И в лучшем случае ты выиграешь не больше, чем поставил. Еще четыре фунта. Не так уж много, а? Я мог бы помочь тебе выиграть... сотню.

— Что я должен сделать за сотню? — спросил я прямо.

Он осторожно посмотрел по сторонам и понизил голос до шепота:

В воскресенье вечером добавишь кое-что Искрометному в пищу. Вот и все. Проще пареной репы.

— Я не знаю, как вас зовут, — сказал я.

— Незачем тебе это знать. — Он решительно качнул головой.

— Вы букмекер? — спросил я.

— Нет, — отрезал он. — Не букмекер. И хватит задавать вопросы. Согласен или нет?

— Если вы не букмекер, — заговорил я, как бы рассуждая вслух, — и готовы выложить сотню фунтов, чтобы остановить фаворита, значит, рассчитываете сорвать большой куш. Вы поставите на других лошадей, но этого мало. Вы еще предупредите кое-кого из букмекеров: заезд сделан, а они в знак благодарности выделяют вам каждый, ну, скажем, по пятьдесят фунтов. Букмекеров в Англии примерно одиннадцать тысяч. Маленький скромный рынок. У вас клиентов, конечно, не так много, зато люди надежные и всегда вам рады.

Он оцепенел, словно не мог поверить собственным ушам, и я понял — удар пришелся в цель.

— Кто тебе сказал... — слабо начал он.

— Что я, вчера родился, что ли? — Я гаденько ухмыльнулся. — Успокойтесь. Никто мне не сказал. — Я помолчал. — Я дам Искрометному добав-

ку, только вам придется выложить побольше. Две сотни.

— Нет. Считаю, разговора не было. — Он вытер вспотевший лоб.

— Ну, не было, так не было. — Я пожал плечами.

— Ладно, сто пятьдесят, — недовольно буркнул он.

— Сто пятьдесят, — не стал больше спорить я. — Деньги вперед.

— Половину — до, половину — после, — машинально ответил он. Конечно, он заключал такие сделки не один раз.

Я согласился. Он сказал, чтобы я пришел в бар в субботу вечером — мне передадут пакет для Искрометного и семьдесят пять фунтов для меня. Я кивнул и вышел, а он остался сидеть, хмуро глядя в свой стакан. По дороге назад, в конюшню, я попробовал оценить обстановку. Супи, пожалуй, нужно вычеркнуть из списка полезных знакомств. Ясно, что эту работенку сварганил мне он, но ведь что от меня требовалось? В заезде новичков остановить фаворита, а отнюдь не вывести на первое место убогого середнячка. Можно сказать наверняка, что одна шайка мошенников тем и другим заниматься не будет.

* * *

Субботнее утро выдалось промозглым, ветреным и пасмурным, но дочери Октобера все равно выехали верхом вместе с первой группой. Элинор вежливо поздоровалась со мной издалека. Пэтти же, снова скакавшую на одной из моих лошадей, мне пришлось подсаживать в седло, и она при этом кокетливо захлопала ресницами и прижалась ко мне всем телом.

— В прошлую субботу я тебя не видела, крошка Дэнни, — пропела она, вставляя ногу в стремя. — Где ты был?

— В Челтенхэме... мисс...

— Понятно. А в следующую субботу?

— Должен быть здесь.

С нарочитым высокомерием она приказала:

— Тогда, пожалуйста, в следующую субботу не забудь укоротить седельные лямки до того, как я буду садиться. Они очень длинные.

Она могла затянуть их сама, но жестом велела — давай работай. Она внимательно следила за мной, явно развлекаясь. Пока я затягивал лямку на второй застёжке, она терлась коленом о мою руку и не так уж легонько пинала меня под ребра.

— Ох, крошка Дэнни, я тебя дразню, а ты словно каменный, — сладко проговорила она, наклонившись ко мне. — Такому красавчику не к лицу робеть перед девушками. Чего ты стесняешься, а?

— Не хочу, чтобы меня уволили, — сказал я, глядя прямо перед собой.

— К тому же еще и трус, — с издевкой усмехнулась она и, дернув поводья, ускакала.

Попадет она когда-нибудь в переплет, если будет продолжать в том же духе! Искусительница — и все тут. А ведь это только начало. Но до чего хороша собой! Ее садистские шуточки меня слегка раздражали, но ничего, переживем. А вот ее скрытый намек... только этого не хватало!

Впрочем, я тут же забыл о ней, вывел из денника Искрометного, вскочил ему на спину и поскакал к пустоши, где, как всегда, проводились резвые работы.

То ли из-за того, что шел дождь, то ли потому, что, в конце концов, была суббота, Уолли сжалился надо мной и после обеда не стал никуда меня

посылать. Вместе с другими девятью конюхами я просидел часа три в кухне коттеджа, слушая, как ветер с визгом огибает углы домов, и наблюдая по телевизору за скачками в Чепстоу. Возле камина, испуская легкие испарения, сохли наши промокшие свитера, бриджи и носки.

Я положил перед собой на кухонный стол справочник скачек предыдущего сезона и сидел над ним, оперев подбородок о костяшки пальцев левой руки, а правой лениво листал страницы. Провал с досье на лошадей выбил меня из колеи, нагонял тоску и необходимость строить из себя темную личность, к тому же мне позарез не хватало жаркого солнца, под которым я привык находиться в это время года. А не допустил ли я вообще ужасную ошибку, согласившись на весь этот маскарад? Но теперь выхода нет: я взял у Октобера деньги и тем отрезал себе пути к отступлению. Минимум па несколько месяцев. При этой мысли мне стало совсем тошно. Я сидел ссутулившись, в унылом полумраке и бездумно тратил такое дорогое свободное время.

Конюхи, смотревшие телевизор, обменивались пренебрежительными замечаниями насчет жокеев и заключали мелкие пари на результаты заездов.

— На финишной прямой все станет на свои места, — говорил Пэдди. — От последнего барьера еще скакать и скакать... Только у Аладдина хватит сил, чтобы рвануть как следует.

— Ну да, — возразил Гритс. — Раковой Шейке тоже резвости не занимать...

С угрюмым видом я перебирал страницы справочника, наверное, уже в сотый раз и случайно в разделе общей информации наткнулся на карту ипподрома в Чепстоу. Здесь были карты-схемы всех основных ипподромов страны с изображением формы скакового круга, расположения барьеров,

трибун, стартовых ворот и финишных столбов. Раньше я уже смотрел карты Ладлоу, Стаффорда и Хейдока, но ничего общего в них не нашел. Карт Келсо и Седжфилда в каталоге не было. После раздела карт на нескольких страницах шла информация об ипподромах, длине скаковых кругов, давались имена и адреса хозяев, лучшее время, показанное на этих ипподромах, и тому подобное.

Чтобы чем-то заняться, я открыл параграф, посвященный Чепстоу. Слова Пэдди «от последнего барьера еще скакать и скакать» были облачены в цифровую форму: двести тридцать метров. Я проверил Келсо, Седжфилд, Ладлоу, Стаффорд и Хейдок. На всех этих кругах финишная прямая была гораздо длиннее, чем в Чепстоу. Тогда я сравнил финишные прямые на всех ипподромах, упомянутых в справочнике, финишная прямая на центральном ипподроме страны «Эйнтри Гранд Нэшнл» была второй по длине. Самая же длинная — в Седжфилде, а на третьем, четвертом, пятом и шестом местах шли Ладлоу, Хейдок, Келсо и Стаффорд. На этих ипподромах финишная прямая как минимум равнялась тремстам шестидесяти метрам.

Итак, география здесь ни при чем. Почти наверняка ясно, почему люди, которых мы ищем, выбрали именно эти пять кругов: в каждом случае от последнего барьера до финишного столба надо было скакать больше трети километра.

Это была уже какая-то зацепка, пусть маленькая, — в общем хаосе наконец-то проступило логическое звено. Настроение у меня немного поднялось, я захлопнул справочник и в четыре часа вместе со всеми вышел во двор под назойливый, морозящий дождь и, как всегда, провел по часу с каждым из моих подопечных. Я чистил их до блес-

ка, переворачивал и аккуратно стелил соломенные подстилки, таскал воду, держал им голову, когда с проверкой приходил Инскип, поудобнее укрывал их на ночь попоной и, наконец, скармливал им ужин. Как обычно, освободились мы только к семи часам, к восьми покончили с ужином, переоделись, а потом, набившись всемером в «дышащий на ладан» «остин», затряслись в сторону Слоу.

В баре, естественно, все шло своим чередом, бильярд, игра в стрелки, домино, хвастливые рассказы, беззлобные шутки. Я сидел и терпеливо ждал. Около десяти часов, когда парни уже опустошали свои стаканы и подумывали о том, что завтра рано вставать, в сторону двери направился Супи и, увидев, что я слежу за ним, головой кивнул мне на выход. Я поднялся, вышел следом и нашел его в туалете.

— Вот держи. Остальное во вторник, — безо всякого вступления буркнул он и, скривив губы, глядя на меня со свирепым прищуром — для пущего впечатления, — протянул толстый коричневый конверт. Я положил его во внутренний карман кожаной куртки и кивнул Супи. Потом, ни слова не говоря, не улыбаясь, я окинул его пристальным — мы тоже не лыком шиты — взглядом, повернулся на каблуках и ушел обратно в бар. Вскоре вернулся туда и он.

Вместе с парнями я снова забрался в «остин», и он повез нас по тряской дороге к конюшне, к теплой кровати, а на груди у меня уютно покоился конверт с семьюдесятью пятью фунтами и пакетиком белого порошка.

Глава 6

Октябрь окунул палец в порошок и лизнул его.

— Я тоже не знаю, что это такое. — Он покачал головой. — Отдадим на анализ.

Я наклонился, погладил его собаку и почесал ей за ушами.

— Вы взяли у него деньги, и, если теперь не дадите лошади допинг, это будет большой риск. Вы понимаете?

Я усмехнулся.

— Не вижу ничего смешного, — серьезно сказал он. — Эти люди, когда захотят, могут так отделать ногами... Если вам сломают несколько ребер, пользы от этого не будет никому.

— Видите ли, — произнес я, выпрямляясь, — мне кажется, будет лучше, если Искрометный не выиграет... Мною едва ли заинтересуются нужные нам люди, если узнают, что я кого-то уже обвел вокруг пальца.

— Вы правы. — В голосе его послышалось облегчение. — Искрометный должен проиграть. Но как быть с Инскипом? Не могу же я сказать ему, чтобы он велел жокею натянуть поводья?

— Не нужно этого делать, — убежденно сказал я. — Вы поставите их под удар. А если виноват буду я, это не страшно. Лошадь не выиграет, если завтра утром я подержу ее без воды, а потом напою из полного ведра прямо перед заездом.

Он озадаченно взглянул на меня.

— Я вижу, вы кое-чему научились.

— У вас бы волосы встали дыбом, услышь вы то, что слышу я.

Он улыбнулся.

— Ну хорошо. Наверное, другого выхода у нас нет. Интересно, что подумали бы в национальном Жокей-клубе о стюарде, который вместе со своим конюхом замышляет остановить фаворита? — Он рассмеялся. — Родди Бекетта я предупрежу... А ведь для Инскипа, для конюхов смешного тут будет мало — они, скорее всего, будут ставить на Ис-

крометного. Я уж не говорю о всех остальных — люди просто потеряют свои деньги.

— Это верно, — согласился я.

Он сложил пакетик с белым порошком и сунул его обратно в конверт с деньгами. Семьдесят пять фунтов мне выплатили новенькими пятерками с последовательно идущими номерами — кто-то здорово сглупил. Мы договорились, что Октябрь заберет деньги и попытается узнать, на чье имя они были выданы.

Я рассказал ему, что все скаковые круги, где победили одиннадцать лошадей, имеют длинные финишные прямые.

— Похоже, они все-таки использовали какие-то витамины, — задумчиво произнес он. — При анализах на допинг выявить их невозможно, потому что, строго говоря, они и не являются допингом, а просто пищей. Вообще, в вопросе о витаминах много неясного.

— Они увеличивают выносливость? — спросил я.

— Да, и очень сильно. Особенно эффективно они воздействуют на лошадей, которые «умирают» на последнем километре, а, как вы отметили, все одиннадцать лошадей принадлежат именно к этому типу. Фактически мысль о витаминах была одной из первых, но пришлось от нее отказаться. Верно, они помогают лошади выиграть, когда впрыскиваются в кровь большими дозами, а с помощью анализов их не обнаружишь — расходуются на победу. Но витамины не возбуждают лошадь, не приводят ее после заезда в такое состояние, словно из ушей у нее вот-вот польется бензедрин... — Он вздохнул. — Не знаю, не знаю...

С сожалением я сообщил, что из фолианта Бекетта не почерпнул ничего нового.

— Мы с полковником на это особенно и не рассчитывали, — признался он. — На прошлой не-

деле мы много с ним беседовали. Конечно, в свое время проводились тщательные расследования, а вдруг что-то все же ускользнуло от нашего внимания? Было бы неплохо вам переораться в конюшню, где содержалась какая-нибудь из одиннадцати лошадей, когда ей ввели допинг.

Правда, восемь были проданы и перешли к новым владельцам — тут ничего не поделаешь, — но три и по сей день находятся у тех же тренеров, и, может быть, устройся вы на работу в одну из этих конюшен, что-то удастся выяснить.

— Что ж, — согласился я, — ладно. Попробую попытать счастья у этих трех тренеров — может, кто-то меня и возьмет. Но ведь след-то уже давно остыл... и «джокер» номер двенадцать может появиться совсем в другой конюшне. Кстати, в Хейдоке на этой неделе ничего интересного не было?

— Нет. Мы взяли слюну у всех лошадей перед началом облегченного стипль-чеза, но все было нормально, фаворит пришел первым, и делать анализ проб мы не стали. Но теперь вы выяснили, что эти пять ипподромов были выбраны не случайно, и мы усилим контроль именно там. Особенно если среди участников окажется кто-то из наших одиннадцати лошадей.

— Это легко проверить по календарю скачек. Но пока ни одной из лошадей допинг дважды не давали, едва ли они изменят этому правилу.

— Кстати, — вспомнил он, когда мы стали прощаться, — ветеринары считают, что всякие стрелки, пульки и тому подобные «летающие снаряды» в наших случаях не применялись. Правда, на сто процентов они не уверены — тщательный осмотр кожи лошадей тогда не проводился. Но если появится двенадцатая лошадь, каждый сантиметр ее тела будет проверен — это я вам обещаю.

— Прекрасно.

Мы улыбнулись и разошлись в разные стороны. Он мне нравился. Богатое воображение, чувство юмора — все при нем, поэтому исключительная сила личности, свойственная самому высокому начальству, не лишала его обаяния. Да, сильный человек. Сильный духом, крепкий телом, знает, чего хочет. Такой человек, не получи он графский титул по наследству, мог бы выбиться в графы сам.

В этот вечер и на следующее утро Искрометному пришлось обойтись без обычного ведра воды. Шофер фургона, идущего в Лестер, вез с собой полный карман трудовых денег конюхов — они велели ему ставить на Искрометного, — и я чувствовал себя предателем.

* * *

Я протиснулся к барьеру паддока, где показывают лошадей — поближе посмотреть на участников первого заезда. По справочникам мне были известны фамилии очень многих тренеров, однако в лицо я не знал почти никого. И сейчас, когда они в нескольких шагах от меня мирно болтали со своими жокеями, я попробовал интереса ради определить, кто из них есть кто. В первом заезде скакали лошади семи тренеров: Суэна, Кандела, Биби, Казалета, Хамбера... Хамбера? Что-то я о Хамбере такое слышал? Нет, не помню. Наверное, ерунда какая-нибудь.

Лошадь Хамбера с виду — самая неухоженная, да и конюх, что вел ее, хорош — сапоги нечищены, плащ грязный, а на лице написано — плевал я на все. Когда жокей снял пальто, оказалось, что камзол его пестрит пятнами грязи с прошлого выезда. А вот и тренер — человек, который не следит за внешним видом своих людей, не дорожит репутацией своей конюшни. Это был большой, угрюмо-

го вида мужчина, он стоял, опираясь на толстую трость с набалдашником.

Во время заезда на трибуне рядом со мной случайно оказался конюх Хамбера.

— Ну что, шансы есть? — праздно поинтересовался я.

— Какие шансы? — Он презрительно скривил губы. — Это же кляча, каких мало. Чертова дохлятина, уже в печенках у меня сидит — столько сил на нее угробил...

— Ясно. Но еще одна твоя лошадь... Та-то, наверное, лучше? — негромко произнес я, глядя, как шеренгу лошадей выравнивают для старта.

— Еще одна? — Он безрадостно засмеялся. — А еще три не хочешь? Все, я в этой душегубке наработался — баста! В конце недели отваливаю, пусть подавятся своими большими деньгами!

Я вдруг вспомнил, что слышал о Хамбере. В Бристоле в общежитии рассказывал паренек — для конюхов это худшее место в стране. Их там морят голодом, гоняют почем зря, и идут туда только те, кого к другим конюшням и близко не подпустят.

— А что там за большие деньги-то? — спросил я.

— Хамбер платит не одиннадцать фунтов в неделю, как все, а шестнадцать, — объяснил он, — но за эту подачку дерет с тебя три шкуры. Нет, хорошего понемножку! Поездил он на мне — и хватит. Сматываю удочки.

Начался заезд, и мы смолкли. Лошадь Хамбера пришла к финишу последней, и конюх тут же исчез — надо ее расседлывать, будь она неладна.

Я усмехнулся, тоже пошел вниз и тут же забыл о конюхе, потому что у нижней ступеньки, ожидая кого-то, стоял подозрительного вида усатый тип. Где я его видел? Во время моей «гастроли» в баре, на танцах в Челтенхэме, вот где.

Я спокойно прошел мимо и остановился у барьера — кто там скачет в следующем заезде? — и он незаметно последовал за мной. Потом стал рядом и, не отводя глаз от лошади по ту сторону барьера, сказал:

— Я слышал, что у тебя туговато с деньгами?

— Было. — Я оглядел его снизу доверху. — А сегодня, считай, полный порядок.

Он быстро взглянул на меня.

— Вон оно что. Ты так уверен в Искрометном?

— Угу. — Я самодовольно, многозначительно осклабился. — Уверен. — Кто-то ему любезно подсказал, какая лошадь — моя. Стало быть, он навел обо мне справки. Что ж, едва ли он узнал много хорошего.

Он хмыкнул. Примерно минута прошла в молчании. Потом он небрежно спросил:

— А ты никогда не подумывал сменить работу? Перейти в другую конюшню?

— Подумывал, — пожав плечами, признался я. — Кто же об этом не думает?

— Для хорошего конюха работа всегда найдется, — заметил он. — А ты, я слышал, конюшенное дело знаешь как свои пять пальцев. С рекомендацией от Инскипа тебя возьмут куда угодно — только скажи, что согласен ждать места.

— Какого места? — спросил я. Но он не торопился. Прошла еще минута, прежде чем он произнес:

— Работа в некоторых конюшнях может быть... как бы сказать... очень прибыльной.

— Это как же?

— Да просто. — Он сдержанно кашлянул. — Будешь делать то же, что и все конюхи, плюс кое-что еще.

— Например?

— Ну, так... разное... — туманно протянул он. — Когда что. Все полезное для человека, который будет повышать твой доход.

— А кто этот человек?

— Считаю, что я — его агент. Годится? Вот его условия: постоянно получаешь пятерку в неделю за сведения о результатах резвых работ и тому подобное, кроме того, премиальные за спецзадания, ну, более рискованного характера, что ли.

— Условия вроде ничего, — медленно ответил я, прикусив нижнюю губу. — А разве нельзя этого делать у Инскипа?

— Инскип не подходит, — возразил он. — У него все лошади скачут на выигрыш. В конюшнях такого типа нам постоянные люди не нужны. Но в двух интересующих нас конюшнях наших людей сейчас нет, и ты пригодился бы в любой из них.

Он назвал имена двух ведущих тренеров. Никого из трех, к которым я собирался проситься на работу. Надо решать, что полезнее — стать членом, как я понимаю, разветвленной, хорошо организованной разведывательной сети либо идти в конюхи к лошади, которой когда-то дали допинг, и одному Богу известно, дадут ли впредь.

— Я подумаю, — ответил я.

Он уже отошел на несколько шагов, потом вернулся.

— Так что же, я могу смело ставить на Искрометного? — спросил он.

— Да как... ну... В общем, на вашем месте я приберег бы денежки.

Он взглянул на меня удивленно, потом подозрительно и наконец понимающе.

— Вот, значит, как обстоят делишки, — присвистнул он. — Ну-ну-ну. — Он рассмеялся и еще раз взглянул из меня, но теперь по-другому, с какой-то брезгливостью, — видимо, он презирал

себе подобных. — Что ж, чувствую, ты нам годишься. Очень годишься.

Я смотрел ему вслед. Я предупредил его совсем не потому, что у меня доброе сердце, — просто это единственный путь завоевать его доверие. Когда он был уже метрах в пятидесяти, я пошел за ним. Он напрямик направился в букмекерский навильон: стал ходить вдоль рядов и смотреть, как выглядит предварительный курс ставок. Судя по всему, он никому не собирался пересказывать разговор со мной, а вполне безобидно выбирал, на какую лошадь поставить в следующем заезде. Я вздохнул, поставил десять шиллингов на «темную» и вернулся на трибуну — вот-вот должен был начаться следующий заезд.

* * *

Искрометный жадно осушил два полных ведра воды, споткнулся на предпоследнем препятствии и усталым кентером добрался до финиша восьмым под свист и улюлюканье из секторов с дешевыми местами. Я с грустью смотрел, как он скачет. Да, я поступил с этим благородным животным по-свински.

Когда я уводил лошадь в конюшню, на глаза мне снова попался усач. Я кивнул ему, и он понимающе ухмыльнулся.

— Мы тебя найдем.

На обратном пути в фургоне было тихо как на похоронах, да и на следующий день после необъяснимого проигрыша Искрометного конюхи меня как-то сторонились, поэтому во вторник вечером я пошел в Слоу один, и там Супи, как и договаривались, передал мне еще семьдесят пять фунтов. Я проверил их. Пятнадцать новеньких пятерок, из той же серии, что и пятнадцать предыдущих.

— Спасибочки, — поблагодарил я. — А тебе-то самому сколько перепало?

Полные губы скривились в улыбке.

— За меня не бойся. Вам, балбесам, платят за риск, а мне — за то, что я вас нахожу. Все по-честному, а?

— По-честному, — согласился я, засовывая в карман конверт с деньгами. — И часто ты такие дела проворачиваешь?

Он, рисуясь, пожал плечами.

— У меня на таких, как ты, нюх. А вот Инскип сплоховал. Первый раз вижу, чтобы он взял товар с гнильцой.

— Да, башка у тебя работает, — похвалил я.

Он самодовольно ухмыльнулся. На обратном пути я думал о том, с какой радостью подложу запал под ТНТ, этого взрывоопасного субчика.

* * *

В свете предложения черноусого типа я решил прочитать фолиант Бекетта еще раз: а что, если одиннадцать случаев допинга — это результат систематического шпионажа? Может, если буду читать под другим углом зрения, появится что-то новое? К тому же мне надо определяться — идти в шпионы или же, как намечалось ранее, пытаться попасть в конюшню, где находится одна из одиннадцати лошадей?

Я снова заперся в туалете и снова начал с первой страницы. На шестьдесят седьмой странице, в разделе о пятой лошади, я прочитал: «Куплен на аукционе в Аскоте эсквайром Д.Л. Ментиффом, живущим в Йорке, за четыреста двадцать гиней, перепродан за пятьсот фунтов Х.Хамберу из Поссета, графство Дарем, у которого находился три месяца, дважды участвовал в скачках с препятствиями для новичков и оба раза не по-

пал в тройку. После чего был снова продан в Донкастере за шестьсот гиней эсквайру из Лидса Н.В. Дэвису». Три месяца у Хамбера. Я улыбнулся. Похоже, лошади держались у него не дольше конюхов.

На девяносто четвертой странице я наткнулся на следующее: «Затем было решено продать Аламо с аукциона в Келсо, и некий мистер Джон Эрбатнот из Бервикшира заплатил за него триста гиней. Он отослал его на подготовку в конюшню Х. Хамбера в Поссете, графство Дарем, но на скачки Аламо записан не был, и мистер Эрбатнот продал его Хамберу за ту же сумму. Через несколько недель он был снова отправлен на аукцион в Келсо, где был куплен за триста семьдесят пять гиней неким мистером Клементом Смитсоном из Нантуича, графство Чешир».

Я помассировал затекшую шею. Снова Хамбер.

На странице сто восемьдесят я прочитал: «Потом мистер Тэплоу частным путем продал Поднебесного фермеру Альберту Джорджу из Бридж Льюиса, графство Гропшир, который хотел тренировать его сам, но позднее выяснилось, что у него не хватает времени, поэтому он по рекомендации своего двоюродного брата продал Поднебесного тренеру из Дарема Хедли Хамберу. Хамбер, по-видимому, решил, что Поднебесный не сможет добиться успеха, и в ноябре продал его с аукциона в Ньюмаркете за двести девяносто гиней. Новым хозяином Поднебесного стал мистер П.Дж. Брюэр, живущий в Мэноре, графство Ланкашир...».

Я прочитал весь текст до самого конца, путаясь в зарослях имен, однако Хамбер нигде больше не появился.

Три лошади из одиннадцати провели какой-то отрезок времени (довольно давно) в конюшне у Хамбера. И что из того?

Я потер глаза — досталось им бедным в эту ночь, — и тут же тишину коттеджа разорвал перезвон будильника. Я с удивлением посмотрел на часы — половина седьмого. Я встал, потянулся, попользовался туалетом по прямому назначению, запихнул рукопись под куртку пижамы и свитер, который носил сверху, и, позевывая, поплелся в спальную комнату, где полусонные, с опухшими глазами конюхи уже натягивали на себя одежду.

Почти весь день я думал об одном: случайность ли, что фамилия Хамбер упоминалась в тексте три раза? Стоит ли за этим что-нибудь? Есть же и другие совпадения. Например, четверем лошадям из одиннадцати в «допинговый» период давали один и тот же брикетированный корм — ну и что? Беспокоило меня другое: как я мог пропустить такую информацию в два первых присеста? Хамбера я выделил потому, что разговаривал на скачках с его конюхом. Наверное, надо сделать полный список имен, попадающихся в тексте, и выяснить — а не имел ли кто-то еще отношение к нескольким лошадям? Электронная машина сделала бы такую работу за считанные секунды. А мне, похоже, предстоит провести еще одну бессонную ночь в туалете.

В тексте оказалось больше тысячи имен. Половину из них я выписал в ночь на четверг и еще урвал капельку сна, в ночь на пятницу я список закончил и сумел поспать побольше.

В пятницу наконец-то прорвалось солнце, и утро у вересковых холмов было прекрасным. Я рысью вел Искрометного — мы были в середине группы — размышлял о том, что узнал. Кроме Хамбера был еще только один человек, упоминавшийся в тексте более чем дважды. Но этот один — некий Поль Дж. Эдамс — в разное время был владельцем шести лошадей. Шести из одиннадцати. Это не

могло быть совпадением. Я чувствовал, что сделал по-настоящему важное открытие, однако никак не мог уразуметь, какая тут может быть связь. Почему лошадь, которой несколько месяцев владел эсквайр П. Дж. Эдамс, спустя год, а то и два вдруг становилась объектом допинга?

Поскольку день был ясный и солнечный, Уолли сказал, что самое время мне освежить попоны. Это означало, что попоны, которыми лошадей накрывали от холода в их денниках, нужно было расстелить на бетонных плитах конюшни, намочить из шланга водой, посыпать стиральным порошком и как следует поскрести щеткой с длинной ручкой, сполоснуть из шланга, повесить на забор, чтобы стекла вода, и отнести в сушилку для окончательной просушки. Работу эту никто не любил, я же после позорного провала Искрометного впал у Уолли в еще большую немилость (хотя до прямых обвинений дело не доходило), и когда он сказал, что сегодня — моя очередь, в голосе его слышалась неприязнь.

В три часа, когда почти все парни, как и лошади, подремывали, а остальные после получки рванули на пару часов в Харрогит, когда в конюшне наступил «мертвый час» и только я со щеткой в руках подавал какие-то признаки жизни, в ворота вошла Пэтти Таррен, сделала несколько шагов по бетонным плитам и остановилась около меня.

На ней было прямое зеленое платье из мягкого рельефного твида, от горла до самого низа шел ряд серебряных пуговиц. Каштановые волосы блестящей волной скатывались на плечи, а на лбу их подхватывала широкая зеленая лента. Пушистые ресницы и бледно-розовый рот довершали картину — трудяга конюх не мог и мечтать о таком соблазнительном вторжении в его монотонную жизнь.

— Привет, крошка Дэнни, — сказала она.

— Добрый день, мисс.

— Я увидела тебя из окна, — сообщила она. — Смотрю, такой одинокий, несчастный! Дай, думаю, пойду с ним поболтаю.

— Спасибо, мисс.

— Честно говоря, — призналась она, опуская ресницы, — до вечера в доме никого не будет — все уехали, осталась я в этом каземате одна, а заняться нечем. Вот и решила пойти поболтать с тобой.

— Понятно.

Я стоял, опершись на щетку, и смотрел ей прямо в лицо. Красивое... Только в глазах какое-то странное выражение — слишком, что ли, старое для ее лет.

— Хотела тебе сказать кое-что... Может, отойдем сюда, к двери? — Не ожидая ответа, она пошла к сараю для сена и шагнула внутрь. Я прислонил щетку к дверному косяку и вошел следом.

— Да, мисс? — сказал я. В сарае стоял полумрак. Оказалось, пришла она совсем не для того, чтобы просто поболтать.

Она обвила мою шею руками и приоткрыла рот для поцелуя. Я наклонился и поцеловал ее. О, она была далеко не девственница, эта дочка Октобера! В поцелуях она знала толк — я чувствовал ее язык и зубы, — а живот ее, ритмично прижимаясь к моему, ходил ходуном. От нее приятно пахло свежим мылом, и запах этот был куда более невинным, чем ее поведение.

— Что ж, раз так хорошо, — хихикнула она, отпустила меня и направилась к тюкам сена, наполовину заполнявшим сарай.

— Иди сюда, — бросила она через плечо и быстро залезла по тюкам на самый верх. Я медленно вскарабкался следом.

В метре от меня, откинувшись на спину, лежала Пэтти. Ее широко открытые глаза блестели, рот

изогнулся в какой-то загадочной улыбке. Медленно, глядя мне в глаза, она расстегнула одну за другой все серебряные пуговицы до самого низа. Потом легонько повела бедрами, и платье распахнулось.

Под ним не было никакой одежды.

Я смотрел на ее тело, изящное, с жемчужно-розовым отливом, будившее желание. Она чуть вздрагивала, предвкушая наслаждение.

Я перевел взгляд на ее улыбающееся лицо.

Темные глаза стали еще больше, и я вдруг разгадал ее улыбку. Это была улыбка алчная, издевательская, а главное — порочная. Я представил себя со стороны, каким выгляжу сейчас в ее глазах, — так же внезапно я открылся себе, когда смотрел в длинное зеркало в лондонском доме Октобера: цыганистый раскрасавчик конюх, плутуватый с виду и всю жизнь провозившийся в грязи.

Я понял, почему она улыбалась.

Сидя, я повернулся к ней спиной — меня охватила злость, мне стало стыдно.

— Оденьтесь, — сказал я.

— Почему? Ты не импотент ли, крошка Дэнни?

— Оденьтесь, — повторил я. — Концерт окончен.

Я соскользнул вниз, пересек сарай и, не оборачиваясь, вышел во двор. Там схватил щетку и, ругаясь про себя последними словами, принялся яростно, до боли в руках, скрести попону — хоть как-то отвести душу.

Через некоторое время она неторопливой походкой вышла из сарая (все пуговицы застегнуты), огляделась по сторонам и подошла к луже грязи, где кончались бетонные плиты. Как следует вывозила в ней свои туфли, потом — детская месть — стала на попону, которую я только что

вычистил, и аккуратно стряхнула всю грязь в ее центре.

— Ты еще об этом пожалеешь, крошка Дэнни, — просто сказала она и неторопливо прошествовала к воротам, а каштановые волосы в такт шагам колыхались над зеленым твидовым платьем.

Я снова принялся скрести попону. Зачем я поцеловал ее? Зачем, когда после поцелуя понял, с кем имею дело, полез за ней наверх? Почему не сдержался? Безмозглый, похотливый идиот. Меня охватил какой-то нелепый, дурацкий страх.

Все в голове перепуталось, да и чему удивляться?

Ведь я сам уже девять лет, как заменяю отца двум девушкам, одна из них почти ровесница Пэтти. Когда они были маленькими, я учил их не садиться в машину к незнакомым людям; когда стали постарше — как обойти более изощренные ловушки. И вот теперь я сам оказался в роли возмутителя родительского спокойствия.

Глава 7

На следующее утро на моей лошади скакала Элинор. Пэтти же — конечно, это она предложила Элинор поменяться лошадьми — вообще отказывалась смотреть в мою сторону.

Элинор, в темной косынке, почти полностью скрывавшей светлые с серебристым отливом волосы, с присущим ей изяществом села в седло, тепло улыбнулась мне — спасибо за помощь — и ускакала в голове группы вместе с сестрой. Но когда мы вернулись после поездки, она отвела лошадь в денник и сделала половину моей работы, пока я занимался с Искрометным. Я понятия не имел, что она чистит лошадь, — вернулся во двор позже и, застав ее в деннике, немало удивился: привык,

что Пэтти бросала лошадь с седлом, уздечкой, заляпанную грязью.

— Спасибо вам, — сказал я. — Большое спасибо. — Она едва заметно улыбнулась.

— Что вы, для меня это удовольствие. Правда-правда. Я очень люблю лошадей. Особенно скаковых. Они такие поджарые, быстрые. Скачешь на них — кровь стучит в висках.

— Да, это верно, — согласился я. Мы вместе шли по двору, она — к воротам, а я — к коттеджу, стоявшему около них.

— Эти прогулки на лошадях — прямо свет в окошке. Всю неделю совсем другим заниматься приходится, — заметила она.

— А чем вы занимаетесь всю неделю?

— Как чем? Учусь... В Даремском университете... Удивительно, до чего здорово вы ездите верхом! — сказала она вдруг. — А вы никогда не думали стать жокеем?

— Думать-то думал, да что толку?.. — ответил я.

— А что вам мешает?

— Ну... может, я скоро уйду отсюда.

— Жаль. — Вежливая реплика, не более.

Мы подошли к коттеджу. Дружелюбно улынувшись на прощанье, она вышла за ворота и вскоре скрылась из виду. Возможно, мы больше не увидимся. Обидно, но что поделаешь?..

Когда фургон привез участников очередного тура скачек (из трех лошадей одна свой заезд выиграла, еще одна пришла третьей), я забрался в кабину и снова одолжил у водителя карту. Я хотел найти деревню, в которой жил мистер Поль Эдамс, и после недолгих поисков мне это удалось. Когда до меня дошел смысл сделанного открытия, я от изумления заулыбался. Итак, есть еще одно место, где мне стоит поискать работу. И когда после по-

лудня я пошел к ручью на встречу с Октобером, я знал, что наконец смогу сказать ему что-то действительно ценное.

Он встретил меня с каменным лицом, и не успел я открыть рот, как он угостил меня сильным ударом в челюсть. Удар был отработанный, наотмашь, рука шла от пояса, и я заметил ее, когда было уже поздно.

— Это за что же такая встреча? — возмутился я, проводя языком по зубам. Слава Богу, все на месте.

Он свирепо взглянул на меня.

— Пэтти мне сказала... — Он умолк, ему было трудно продолжать.

— О-о, — тупо произнес я.

— Вот вам и «о-о», — яростно скопировал он меня. Он тяжело дышал, и я даже подумал, что сейчас он снова меня ударит. Я засунул руки в карманы, а его руки были опущены вниз, кулаки сжимались и разжимались.

— Что вам сказала Пэтти?

— Все сказала. Она прибежала ко мне сегодня утром в слезах... рассказала, как вы заманили ее в сарай для сена... как держали ее там, пока она не устала сопротивляться... и как вы потом заставили ее... заставили... — Он не мог закончить предложение.

Такого вероломства я не ожидал.

— Неправда, — бурно запротестовал я. — Ничего этого не было. Я поцеловал ее... но и только. Все остальное она выдумала.

— Не могла она этого выдумать. Она рассказала мне все в подробностях... Она ничего такого не знала бы, не случись это с ней самой.

Я было открыл рот, но тут же закрыл его. Разумеется, это с ней случилось, только в другом месте, с другим человеком, а скорее всего, не один

раз и наверняка по ее доброй воле. Я понял, что ее страшная месть фактически останется безнаказанной, потому что есть вещи, которые невозможно сказать отцу о его родной дочери, тем более если он тебе нравится.

— Не помню, чтобы я так ошибался в человеке, — нещадно жалил меня Октябрь. — Я считал, что вы отвечаете за свои поступки... по крайней мере, можете держать себя в руках. А вы — дешевый, похотливый кот. Я считал, что вы — человек, достойный уважения, отдал вам свои деньги, а вы позволили себе развлекаться за моей спиной, совращать мою дочь!

Что ж, в его словах было много обидной правды. Меня и самого мучили угрызения совести за свое дурацкое поведение, но это ничего не меняло. Все же мне нужно было как-то обелить себя. Во-первых, я никогда не сделал бы Пэтти плохо; во-вторых, надо продолжать расследование... Сейчас, когда что-то начало наклеиваться, я вовсе не хотел, чтобы меня отправили домой с позором.

— Я действительно заходил с Пэтти в сарай, — медленно произнес я. — И действительно поцеловал ее. Один раз. Всего один раз. После этого я не прикасался к ней. В буквальном смысле слова... ни к ее руке, ни к платью... ни к чему.

Наверное, целую минуту он смотрел на меня в упор. Постепенно гнев уступил место какой-то усталости.

Наконец он сказал, почти полностью успокоившись:

— Кто-то из вас лжет. Я должен верить своей дочери.

— Конечно, — согласился я. Потом отвернулся, посмотрел в глубь балки. — Что ж, по крайней мере, одной проблемой меньше.

— Какой проблемой?

— Как уйти отсюда с грандиозным скандалом и без рекомендаций.

Мысли его были заняты совершенно другим, и какое-то время он стоял, словно не слыша моих слов, наконец, прищурившись, окинул меня внимательным взглядом, который я успешно выдержал.

— Так вы хотите продолжать расследование?

— Если вы не против.

— Не против, — после некоторого раздумья сказал он. — Тем более, что вы переберетесь в другое место и с Пэтти больше не увидите. Независимо от того, что я думаю о вас лично, мы все же возлагаем на вас надежды, и, видимо, для блага конного спорта придется пойти на такую жертву.

Он замолчал. Заманчивая перспектива — выполнять собачью работу для человека, который тебя ненавидит. Но все бросить — это еще хуже.

Наконец он сказал:

— Почему вы хотите уйти без рекомендаций? Ни в одну из этих трех конюшен вас без рекомендации не возьмут.

— Я собираюсь идти в конюшню, где лучшей рекомендацией будет отсутствие всяких рекомендаций.

— Что это за конюшня?

— Хедли Хамбера.

— Хамбера? — В голосе его слышался безрадостный скептицизм. — Но почему? Это никудышный тренер, и ни одну из одиннадцати лошадей он не готовил. Что вы там будете делать?

— Он не готовил этих лошадей, когда они выиграли, — согласился я, — но три из них прошли через его руки раньше. Есть также некто П.Дж. Эдамс, которому в то или иное время принадлежали еще шесть из одиннадцати лошадей. Я сверялся по

карте: Эдамс живет почти рядом с Хамбером — в каких-нибудь пятнадцати километрах. Хамбер живет в Поссете, графство Дарем, а Эдамс — в Телбридже, сразу же за границей графства Нортумберленд. Это значит, что из одиннадцати лошадей девять провели какое-то время на этом крохотном участке Британских островов. Ни одна из них не пробыла там долго. Что касается двух оставшихся лошадей, Транзистора и Редьярда, досье на них гораздо менее подробные, и я уверен — если тщательно проверить их путь от хозяина к хозяину, выяснится, что какое-то время они тоже принадлежали либо Эдамсу, либо Хамберу.

— Ну пусть даже все лошади провели какое-то время у Эдамса или Хамбера, как это может отразиться на их резвости спустя месяцы или даже годы?

— Не знаю, — ответил я. — Но я устроюсь к Хамберу конюхом и все выясню.

Наступило молчание.

— Что ж, будь по-вашему, — задумчиво произнес он. — Я скажу Инскипу, что вы уволены. Уволены потому, что приставали к Патриции.

— Хорошо.

Он холодно взглянул на меня.

— Будете посылать мне письменные отчеты. Встречаться с вами лично я больше не хочу.

Я смотрел, как он энергичным шагом поднимается по балке. Не знаю, продолжал ли он верить в то, что рассказала Пэтти. Конечно, ему очень хотелось верить ей, а не мне — ведь истина была для него гораздо хуже. Какому отцу приятно узнать, что его восемнадцатилетняя красавица дочь — просто лживая потаскушка!

Что до меня, я еще легко отделался. Узнай я, что кто-то напал на Белинду или Хелен, я, наверное, убил бы его.

* * *

На следующий день после второй тренировки Инскип высказал мне все, что он обо мне думал, и приятного в его словах было мало. Он публично «высек» меня в центре бетонной площадки, потом велел собирать манатки и немедленно убираться вон. При устройстве в другую конюшню, сказал Инскип, я могу на него не ссылаться — это ничего не даст. Такова воля лорда Октобера, и Инскип с его решением вполне согласен. Он заплатил мне за неделю вперед — все-таки увольняли меня без уведомления, — вычел долю миссис Олнат, и я мог идти на все четыре стороны.

Я собрал вещи, похлопал на прощанье кровать, на которой проспал полтора месяца, и зашел в кухню. Парни обедали. Одиннадцать пар глаз повернулись в мою сторону. Сочувствующих не было. Миссис Олнат сделала мне толстый бутерброд с сыром, и я съел его по дороге в Слоу, где собирался сесть на двухчасовой автобус в сторону Харрогита.

Приеду в Харрогит. А что дальше?

Ни один здравомыслящий конюх не пойдет искать работу у Хамбера сразу после Инскипа, пусть даже его с треском выбросили вон. Я должен какое-то время катиться вниз по наклонной плоскости, тогда мой приход к Хамберу не вызовет подозрений.

Собственно говоря, лучше будет, если не я приду к Хамберу искать работу, а его старший сопровождающий конюх сам отыщет меня. Устроить это не трудно. Надо крутиться на всех ипподромах, где скачут лошади Хамбера, создавать впечатление, что дела у меня идут все хуже и хуже, и вот я уже готов согласиться на любую работу. Тут меня и подцепит конюшня, в которой всегда не хватает конюхов.

А пока нужно как-то устраиваться с жильем. Я думал об этом, пока автобус трясся к Харрогиту. Наверное, надо бросить якорь где-нибудь на северо-востоке, поближе к логову Хамбера. В Харрогите я зашел в библиотеку и, порывшись в картах и справочниках, выбрал Ньюкасл. К вечеру этого же дня я добрался туда на двух попутных грузовиках — спасибо шоферам — и снял комнату в отеле на тихой боковой улочке.

Комната была ужасная: облупившиеся обои цвета жидкого кофе, обшарпанный, потрескавшийся линолеум, узкий и жесткий диван-кровать, какая-то расцарапанная мебель из клееной фанеры. Пол, правда, был чисто подметен, а в углу блестела новенькая раковина, и это скрашивало убогое впечатление, впрочем, для роли, которую я сейчас играл, комната была идеальной.

На следующее утро я послал Октоберу заказным письмом вторые семьдесят пять фунтов, которые не отдал ему во время последней встречи в балке, а с ними — коротенькую записку, объясняющую, почему я не буду сразу искать место у Хамбера.

С почты я отправился в местную букмекерскую контору и списал с календаря расписание скачек на следующий месяц. Затем решил купить подержанный, но в хорошем состоянии мотоцикл. Только к концу дня я нашел то, что хотел: мощный «Нортон» с объемом цилиндра 500 кубических сантиметров, изготовленный четыре года назад.

В Слоу я вполне обходился без собственного транспорта, да и в Поссете, наверное, не сильно в нем нуждался бы, но меня не оставляла мысль, что в один прекрасный миг мне вдруг потребуется выехать мгновенно. Я не мог забыть журналиста, Томми Стэйплтона. Он исчез на девять часов где-то между Хексхемом и Йоркширом, а потом его

нашли мертвым. Между Хексхемом и Йоркширом лежал Поссет.

Первым человеком, которого я спустя четыре дня увидел на скачках в Ньюкасле, оказался черноусый, предлагавший мне постоянную работу в качестве конюха-шпиона. Он стоял в укромном уголке входа и разговаривал с каким-то ушастым парнем. Позже я снова увидел этого парня — он выводил лошадь, принадлежавшую одной из самых известных скаковых конюшен в стране.

Я наблюдал за ними издалека, но заметил, как усач передал парню белый конверт, а взамен получил коричневый. Деньги за сведения, причем в открытую, так, что никто и не заподозрит.

Черноусый закончил сделку и направился к букмекерским кабинкам. Я пошел за ним. Как и в прошлый раз, он ничем предосудительным не занимался, просто изучал ставки на первый заезд. Я, как и в прошлый раз, чтобы отвести от себя подозрения, поставил несколько шиллингов на фаворита. Черноусый же никаких ставок делать не стал и прошел к барьеру, отделявшему букмекерский павильон от скакового круга. Там он как бы случайно остановился рядом с крашеной огненно-рыжей особой, носившей поверх темно-серого платья желтоватый жакет из шкуры леопарда.

Она повернулась к нему, и они заговорили. Потом он вынул из бокового кармана коричневый конверт и положил его в свою программу скачек. А через несколько секунд они как бы между делом обменялись программами. Он неторопливо отошел, она убрала программу с конвертом в большую блестящую черную сумку и защелкнула ее. Я наблюдал за ней из-за последнего ряда букмекерских кабинок. Она прошла в ворота местного клуба и направилась к «клубной» лужайке. Видно было,

что здесь ее хорошо знают. Несколько раз она останавливалась поговорить с разным людьми.

Лошади уже разминались перед стартом, и зрители начали подниматься на трибуны. Рыжеволосая затерялась в толпе на трибунке для членов клуба, и я печально вздохнул. Заезд выиграл фаворит, он оторвался от преследователей на десять корпусов.

Зрители ревели от восторга. Толпа тотчас же схлынула с трибун, но я остался на месте — вдруг рыжеволосая в леопардовой шкуре снова появится?

Она действительно появилась. В одной руке — сумка, в другой — программа скачек. Перекинулась парой слов с каким-то маленьким толстяком и направилась к букмекерским кабинкам, расположенным вдоль барьера между павильоном букмекеров и клубом. Она остановилась у кабинки, ближайшей к трибунам и ко мне. Голос у нее оказался резкий, пронзительный.

— Давай рассчитаемся, дружок Биммо.

Она открыла сумку, вытащила оттуда коричневый конверт и передала его невысокому человеку в очках. Из таблички, висевшей на его кабинке, следовало, что это — Биммо Бонор, ведет дела в Манчестере и Лондоне.

Мистер Биммо Бонор взял конверт и убрал его в карман пиджака. Я уловил, как он произнес нараспев:

— Порядок, красотка.

Я спустился с трибуны и получил свой маленький выигрыш. Итак, рыжеволосая передала Биммо Бонору такой же конверт, какой получил от ушастого конюха усач, но вдруг эти конверты просто похожи? Она могла передать конверт конюха любому из тех, с кем разговаривала, или кому-то на трибуне, когда я вообще ее не видел. А сейчас она, может быть, вполне честно расплатилась со своим букмекером.

Если я хочу выявить все звенья цепи, пожалуйста, нужно послать по этой цепи срочные сведения, настолько срочные, что тут уже будет не до праздного хождения в толпе, и «а» напрямую соединится с «б», а «б» — с «в». Срочное сообщение не представляло труда — в пятом заезде выступал Искрометный. Однако, чтобы поймать черноусого в нужную минуту, мне пришлось держать его в поле зрения больше двух часов.

У Хамбера в этот день выступали две лошади: одна в третьем заезде и одна в последнем. Я решил отложить свою главную задачу — встречу со старшим сопровождающим конюхом Хамбера, — отложить на конец дня и не принимать никаких попыток на этот счет во время третьего заезда. Вместо этого я незаметно двинулся за черноусым.

После четвертого заезда я зашел следом за ним в бар и, когда он начал пить, сильно толкнул его под локоть. Пиво выплеснулось ему на руки и потекло по рукаву, он, ругаясь сквозь зубы, круто обернулся, и наши лица оказались на расстоянии ладони.

— Извините, — сказал я. — А-а, это вы. — Я постарался, чтобы в голосе звучало удивление.

Его глаза сузились.

— Ты что здесь делаешь? Ведь Искрометный скачет в следующем заезде...

Я искоса взглянул на него.

— А я ушел от Инскипа.

— Ты перешел, куда я тебе предлагал? Отлично.

— Нет пока. Боюсь, с этим придется немного повременить.

— А что такое? Они уже набрали людей?

— Да я им вроде и не шибко нужен, раз меня выперли от Инскипа.

- Что-что? — резко переспросил он.
- Меня выперли от Инскипа, — повторил я.
- Почему?

— В тот день, когда мы с вами разговаривали, Искрометный проиграл, ну и пошли всякие разговоры... Они сказали, что доказать ничего не могут, но держать меня тоже не будут, и велели убираться.

— Да, не повезло тебе, — подытожил он, собираясь уходить.

— Но хорошо смеется тот, кто смеется последним. — Я хихикнул и взял его за руку. — И смеяться последним буду я, хотите верьте, хотите нет.

— Как это понять? — Он не скрывал презрения ко мне, но в глазах мелькнул интерес.

— Искрометному сегодня первого места не видать, — сообщил я. — У него, бедненького, сегодня болит животик.

— Откуда ты знаешь?

— Я пропитал его лизунец жидким парафином, — похвастался я. — С понедельника он сосет слабительное. Так что сегодня ему будет не до скачек. Первое место уж точно не светит, как пить дать. — Я засмеялся.

Черноусый окинул меня брезгливым взглядом, стряхнул с локтя мои пальцы и быстро вышел из бара. Я незаметно двинулся за ним. Он почти вбежал в павильон букмекеров и начал лихорадочно озираться по сторонам. Рыжеволосой не было, но она, наверное, откуда-то наблюдала за обстановкой, потому что вскоре я ее увидел — она быстро шла вдоль барьера к тому месту, где они встретились раньше. К ней тут же подбежал черноусый и стал что-то энергично говорить. Она слушала и кивала. Он заметно успокоился, вышел из павильона и вернулся к паддоку для представления участников. Женщина подождала, пока он скроется из виду,

потом направилась прямо к отсеку для членов клуба и вдоль барьера пришла к Биммо Бонору. Тот склонился над барьером, и рыжеволосая с серьезным видом что-то зашептала ему на ухо. Он несколько раз кивнул, и она заулыбалась, а когда он обернулся, чтобы отдать указания своим клеркам, я увидел, что и на его лице играет широкая улыбка.

Через несколько минут я подошел к кабине Биммо Бонора и услышал, как он заключает с клиентами пари семь к одному против Искрометного. Он собирал с них деньги в полной уверенности, что платить ему не придется.

С довольной улыбкой я забрался на самый верх трибуны и оттуда следил за заездом. Искрометный растерзал всех оппонентов еще на препятствиях и нахально пришел к финишу с форой в корпусов двадцать. Посмотреть бы сейчас на мистера Бонора — как ему такой результат?

Теперь надо не попасться на глаза черноусому — мало ли что взбредет ему в голову! Я перешел в сектор с дешевыми местами и проторчал там двадцать томительных минут. Потом пробрался к воротам, через которые выводят лошадей, и к началу последнего заезда незаметно проник на трибуну для конюхов.

Старший сопровождающий конюх Хамбера стоял почти на самом верху трибуны. Я довольно грубо стал проталкиваться еще выше и наступил ему на ногу.

— Куда ты прешь, как на буфет?! — рявкнул он, глядя на меня малюсенькими, как дырочки для шнурков, глазками.

— Извини, старина. У тебя мозоли?

— Не твое собачье дело, — огрызнулся он. Все идет как надо, теперь он меня запомнит.

Я погрыз ноготь на большом пальце.

— Ты случайно не знаешь, где тут старший сопровождающий конюх Мартина Дэвиса? — спросил я.

— Вон он в красном шарфе. А тебе зачем?

— Работу ищу, — буркнул я и, не дав ему сказать ни слова, стал проталкиваться по ряду к человеку в красном шарфе. Из их конюшни в сегодняшних скачках участвовала только одна лошадь. Я тихо спросил его, не две ли лошади от них скачут, он покачал головой и ответил: «Нет».

Уголкем глаза я заметил, что этот отрицательный ответ не прошел для старшего конюха Хамбера незамеченным. Итак, зерно посеяно, это хорошо. Я досмотрел заезд (лошадь Хамбера пришла последней) и, стараясь никому больше не попадаться на глаза, уехал с ипподрома.

В воскресенье вечером я отправил Октоберу отчет о разведывательной службе Биммо Бонора.

Глава 8

На День благодарения в Стаффорде одна из лошадей-участниц первого заезда — это был облегченный стипль-чез, — взяв последний барьер четвертой, неожиданно взбрыкнула, сбросила жокея, кинулась прямо сквозь внутреннюю ограду и бешеным галопом понеслась по жесткой траве в центральной части круга.

Ступеньки позади комнаты для взвешивания, с которых я наблюдал эту сцену, продувались всеми ветрами. Стоявший рядом со мной конюх, как следует выругавшись, побежал вниз ловить лошадь, однако она, будто обезумев, носилась из одного конца круга в другой, как и бедняга конюх, а вместе с ним тренер и еще десяток добровольцев изрядно помучались, прежде чем поймали ее за уздечку. На это ушло добрых пятнадцать минут.

Наконец они с обеспокоенными лицами провели лошадь мимо меня в конюшню при ипподроме. Гнедой жеребец, самых средних возможностей.

Несчастное животное обливалось потом и было взвинчено до предела. Ноздри, да и вся морда в пене, глаза дико вращаются — вот-вот вылезут из орбит. Лошадь трясло как в лихорадке, уши прижались к голове, казалось, она кинется на любого, кто посмеет приблизиться к ней.

Из программы я выяснил, что звали ее Супермен. В число моих одиннадцати лошадей она не входила, но я был абсолютно уверен — она двенадцатая в этой серии. Все симптомы налицо: взмыленный вид, внезапное буйство, и произошло это в Стаффорде во время облегченного стипль-чеза. Итак, двенадцатая попытка. Но на сей раз неудачная. Бекетт прав: реакцию лошади на это таинственное средство едва ли с чем-то спутаешь. В жизни я не видел скакуна в таком ужасном состоянии. «Возбужденные победители», о которых я читал в газетных вырезках, — это очень слабо сказано. Супермену, видимо, дали слишком большую дозу. А может, такую же, как одиннадцати его предшественникам, но для его организма она оказалась чрезмерной.

Ни Октобера, ни Бекетта, ни Мэкклсфилда в это время в Стаффорде не было. Остается надеяться, что, хотя это и был День благодарения, обещанные Октобером профилактические меры приняты, потому что не могу же я вылезать сейчас со своими предложениями и приставать к официальным лицам — сразу себя рассекречу. Очень важно, брали ли анализы на допинг перед заездом, принимались ли другие меры предосторожности? Надо немедленно опросить жокея — каковы его впечатления, проверить, заключались ли подозрительные сделки, и, наконец, выяснить, нет ли повреждений на шкуре лошади.

Супермен спокойно взял все препятствия на дистанции. А не значит ли это, что действие возбуждающего средства связано с последним барьером, что оно начинается при приближении к нему или сразу после его взятия? Ведь именно здесь лошадь взбесилась и, вместо того чтобы выиграть заезд, выбросила жокея из седла и сошла с дистанции. Именно здесь силы ее удесятерились, а до финиша оставалось почти четыреста метров, и она вполне могла бы мощным спуртом обойти идущих впереди лошадей.

Единственным человеком на ипподроме, с которым я, не вызывая подозрений, мог поговорить на эту тему, был конюх Супермена, но он, видимо, все время находился возле лошади и никак не выходил из конюшни. Что ж, начну пока готовить почву для перехода к Хамберу.

К этой встрече я как следует подготовился: волосы не причесаны, на остроносых штиблетах грязь, воротник кожанки поднят, руки в карманах, угрюмое выражение лица. Опустившийся тип, ни дать ни взять. Я чувствовал себя таковым.

От Хамбера на День благодарения скакала только одна неказистая с виду лошаденка — в четвертом заезде. Перегнувшись через ограждение, я наблюдал, как старший конюх Хамбера седлает лошадь. Сам Хамбер стоял рядом, опершись на палку с большим набалдашником, и давал указания. Я пришел сюда специально, чтобы поближе посмотреть на него. Что ж, вид у него обнадеживающий — такой способен на любое зло — и в то же время пугающий — ведь мне придется выполнять все, что он скажет.

Крупное тело его было упаковано в прекрасно сшитое короткое пальто из верблюжьей шерсти, ниже виднелись темные брюки и начищенные до блеска туфли. На голове — посаженный прямо ко-

телок, а на руках — светлые, но чистые перчатки из свиной кожи. Лицо крупное, но не расплывшееся, а собранное, жесткое. Ни тени улыбки, рот словно защелкнутый капкан, от крыльев носа к подбородку идут две глубокие складки. Наверное, порядочный самодур.

Конюх, державший голову лошади, явно нервничал. Без преувеличения я бы сказал, что у него тряслись поджилки. Словно запуганное животное, он бросал на Хамбера настороженные взгляды и старался по возможности прятаться от него за лошадью. Это был худющий, забитого вида паренек лет шестнадцати, даже, кажется, недоразвитый.

Старший сопровождающий конюх, большеносый хмурый мужчина средних лет, не спеша поправил седло и велел конюху вести лошадь к месту приготовления участников. Хамбер пошел следом. Он страдал легкой хромотой, почти незаметной благодаря палке, и шел вперед по прямой линии, словно танк, перед которым все обязательно расступятся.

На трибуне для конюхов я как бы случайно встал прямо перед старшим сопровождающим конюхом Хамбера и во время затишья перед началом заезда попросил стоявшего рядом незнакомого конюха одолжить мне денег. Как и следовало ожидать, парень с негодованием «послал меня подальше», причем достаточно громко, и старший конюх Хамбера, конечно, все слышал.

На финишной прямой лошадь Хамбера выбилась из сил и закончила заезд предпоследней. Это никого не удивило.

После этого я расположился у выхода из конюшни — решил дождаться конюха Супермена, но он появился только через полчаса, после окончания пятого заезда. Я сделал вид, что как раз проходил мимо, и зашагал рядом с ним.

— Ну, приятель, тебе не позавидуешь. Лошадка-то у тебя с норовом... — бросил я пробный шар.

Он спросил, из чьей я конюшни. Инскипа, соврал я, и он сразу успокоился и согласился, что после всей этой катавасии невредно выпить чашечку чайку.

— Что же она у тебя, каждый раз такой шухер наводит? — спросил я, жуя бутерброд с сыром.

— Нет. Обычно она с ног валится от усталости. Да сегодня вообще весь день сплошные фортеля.

— Какие фортеля?

— Во-первых, перед заездом у всех лошадей стали брать пробы на анализ. Перед заездом! Что за дела такие? Что толку от анализов перед заездом? Ты когда-нибудь такое слышал?

Я покачал головой.

— Ну вот, начался заезд, мой старина Супер идет как всегда и вдруг ни с того ни с сего за последним барьером как взбрыкнет и давай метаться, словно черт за ним погнался. Я и раньше замечал, что у него нервишки шалют, но тут он такое вытворял, когда мы его наконец словили! Хозяин здорово струхнул. Супер выглядел, словно ему вкололи хорошую порцию, и хозяин сразу засуетился, затребовал проверку на допинг, а то ведь потом стюарды скажут, что это его рук дело, да и лицензию заберут. Ну, пару ветеринаров сразу прибежали, давай у Супера всякие пробы брать... А он, смех смотреть, знай свое — так и норовит «заехать» им копытом... Наконец изловчились, дали ему какое-то успокоительное. Как мы его домой повезем, понятия не имею.

— А ты с ним уже давно? — с сочувствием спросил я.

— С начала сезона. Месяца четыре. Иногда он, бывает, попетушится, но вроде бы меня полюбил, привык ко мне.

— А к вам он откуда попал? — спросил я.

— В прошлом году он, по-моему, был в маленькой конюшне в Девоне, у частного тренера Бини. Да, точно, Бини был его первым тренером, но ничего путного там из Супера не сделали.

— Только, наверное, нервы расшатали бедняге, — предположил я.

— В том-то и дело, что нет. Я и сам это сказал одному из конюхов Бини, когда мы в августе ездили в Девон на скачки, а он мне говорит: нет, братишка, ты, наверное, все перепутал. Супермен у нас, говорит, всегда был тише воды, ниже травы — никаких хлопот с ним не знали. Если уж он расшатал нервишки, то это, говорит, наверное, летом, когда они его уже продали, а мы еще не купили.

— А у кого же он был летом? — поинтересовался я, поднимая чашку с оранжевым чаем.

— Без понятия. Хозяин, знаю, купил его на аукционе в Аскоте, кажется, задарма. Эх, Супер, Супер, глупая ты скотина. — И он мрачно уставился в чашку с чаем.

— И что, ты думаешь, сегодня дело обошлось без допинга? Не мог же он такую кутерьму поднять без причины?

— Я думаю, он рехнулся, вот и все. Рехнулся, понимаешь, спятил, «шарики за ролики заехали». Потому что кто ему мог дать допинг? Я, хозяин и Чоки. Ну вот, я не давал, хозяин не давал — он не из таких, и Чоки не стал бы — его месяц как назначили старшим сопровождающим конюхом, он теперь ходит гордый как петух...

Когда заезды кончились, я прошел с километр до центра Стаффорда и из телефона-автомата послал две одинаковые телеграммы Октоберу, в Лондон и в Слоу, потому что не знал, где он находится. Текст был такой: «Срочно требуется инфор-

мация Супер мне важно знать хозяина после Бини Девона конец мая. Ответ адресу Ньюкасл-он-Тайн почтампт до востребования».

Вечером я пошел в кино. Показывали какой-то нудный мюзикл, и зал был на три четверти пуст. На ночлег я устроился в заштатном отелишке, где меня подозрительно оглядели с ног до головы и потребовали аванс.

На следующий день во время скачек я снова постоянно крутился перед носом у старшего сопровождающего конюха Хамбера с выражением загнанности и затравленности на лице. К вечеру я автобусом и поездом уехал в Ньюкасл. А с утра сразу же сел на мотоцикл и поехал на почту — не пришел ли ответ от Октобера?

Почтовый клерк протянул мне письмо. Я раскрыл его. Без всякого приветствия, без подписи шел машинописный текст — одна страница.

«Супермен родился и вырос в Ирландии. До Джона Бини из Девона менял хозяев дважды. Третьего мая Бини продал Супермена эсквайру Х. Хамберу из Поссета, графство Дарем. В июле Хамбер продал его с аукциона в Аскоте, и он перешел к своему нынешнему тренеру за двести шестьдесят гиней.

Изучение причин поведения Супермена в Стаффорде пока не дало результатов. Проверка на допинг еще не закончена, но она вряд ли что-то покажет. Ветеринарный врач, присутствовавший при случившемся, убежден, как, по всей видимости, и вы, что это — очередной «джокер», поэтому он тщательно проверил кожу животного. Никаких видимых повреждений на ней нет.

Перед заездом Супермен, по-видимому, был в нормальном состоянии. Жокей сообщил, что лошадь вела себя нормально, вплоть до последнего

барьера, взяв который она вдруг задержалась в конюльсиях и выбросила его из седла.

Более подробное изучение истории жизни Редьярда показало, что четыре года назад его приобрел П. Дж. Эдамс из Телбриджа, графство Нортумберленд, и вскоре продал на аукционе в Аскоте. Транзистор был куплен Эдамсом в Донкастере три года назад и продан три месяца спустя на аукционе в Ньюмаркете.

Расследование касательно тридцати пятифунтовых банкнотов с последовательными номерами показало, что они были выданы банком Баркляя в Бирмингеме некоему Льюису Гринфилду, который полностью отвечает описанию человека, встречавшегося с вами в Слоу. Против Гринфилда и Т. Н. Тарлтона заведено уголовное дело, однако ему будет дан ход лишь после выполнения вами основной задачи.

Ваш отчет по поводу деятельности Биммо Бонора получен, но, как вам известно, покупка информации о состоянии дел в конюшнях не является уголовно наказуемым деянием. Пока решено дела не заводить, но ряду тренеров будет конфиденциально сообщено о существовании разведывательной сети».

Я разорвал страницу на несколько частей и бросил ее в урну, потом сел на мотоцикл и по трассе понесся в Каттерик — решил заодно проверить, на что способна моя колымага. Двигатель работал отлично, и я получил удовольствие от скорости.

Во время субботних скачек в Каттерике старший конюх Хамбера проглотил мою наживку вместе с крючком.

На этих скачках от Инскипа скакало две лошади, одну из них готовил Пэдди. Перед вторым заездом я, стоя на трибуне для конюхов, увидел, что этот маленький наблюдательный ирландец о

чем-то оживленно беседует со старшим конюхом Хамбера. Я даже забеспокоился: а вдруг он даст мне слишком лестную характеристику?

Однако переживал я напрасно. Он сам успокоил мою душу.

— Ты еще зелен и глуп, — сказал он, оглядывая меня сверху донизу — от нечесаной шевелюры до покрывшихся грязевой коркой ботинок. — Вот и поделом тебе, в другой раз будешь умнее. Старший конюх Хамбера спрашивал, за что тебя вышвырнул Инскип, и я не стал втирать ему очки, что, мол, всему виной дочка нашего отца и благодетеля, а рассказал, как все было на самом деле.

— А как все было на самом деле? — искренне удивился я.

Рот его исказила презрительная усмешка.

— Слухом земля полнится, понял? Любителей держать язык за зубами среди нашего брата немного, особенно если есть о чем рассказать. Думаешь, Гритс не рассказал мне, что ты набрался в Челтенхэме, а потом разорялся, как тебе плохо живется у Инскипа? Да в Бристоле — помнишь, что ты говорил? Что с удовольствием показал бы денник, в котором стоит нужная лошадь, было бы кому. Да, да, мне и это известно. И с этим мошенником Супи ты якшался, скажешь, нет? А когда мы все поставили на Искрометного свой недельный заработок, он едва дополз до финиша... Голову на отсечение даю — твоих рук дело. Вот я и сказал человеку Хамбера, что будут дураки, если возьмут тебя. Ты настоящая дрянь, Дэн, тебя к конюшням нельзя близко подпускать на пушечный выстрел, я так ему и сказал.

— Значит, ты все это рассказал человеку Хамбера?

— Да, — кивнул он, — я сказал, что ни одна порядочная конюшня тебя не возьмет. Мое мне-

ние — так тебе и надо, доигрался. — Он повернулся ко мне спиной и ушел.

Старший сопровождающий конюх Хамбера заговорил со мной, когда оставался еще один заезд.

— Эй, ты! — Он ухватил меня за рукав. — Я слышал, ты ищешь работу.

— Ну, ищу.

— Я могу тебе кое-что предложить. Платят хорошо. Больше, чем у других.

— Кто хозяин? — спросил я. — И сколько?

— Шестнадцать фунтов в неделю.

— Недурно, — признался я. — А у кого?

— Там, где я работаю. У мистера Хамбера. В Дареме.

— У Хамбера... — с кислой миной протянул я.

— Но ты же ищешь работу или нет? Конечно, если ты богач и можешь не работать, тогда другое дело. — Он ухмыльнулся — слишком затрапезный у меня был вид.

— Работа мне нужна, — пробормотал я.

— Так в чем же дело?

— Может, он меня еще и не возьмет, — с горечью в голосе сказал я.

— Если я замолвлю словечко — возьмет, у нас сейчас как раз одного конюха не хватает. В среду среду здесь снова скачки. Я поговорю насчет тебя, и, если все в порядке, в среду встретишься здесь с мистером Хамбером, и он сам скажет, берет он тебя или нет.

Глава 9

Оказалось, что в слухах о конюшне Хедли Хамбера нет и капли преувеличения. Конюхов здесь держали в черном теле, причем настолько сознательно и планомерно, что я уже на второй день пришел к выводу: хозяин не хочет, чтобы

конюхи задерживались у него подолгу. Я выяснил, что только старший конюх и старший сопровождающий конюх, жившие в Поссете, работали в конюшне больше трех месяцев, рядовых же конюхов хватало на два, максимум два с половиной месяца, потом им становилось ясно: такая собачья жизнь не окупается даже шестнадцатью фунтами в неделю.

Следовательно, ни один из конюхов, за исключением двух старших, не мог знать, что случилось с Суперменом летом — никто из них в то время у Хамбера не работал. Что же до старших конюхов, здравый смысл подсказал мне: раз они работают здесь так долго, значит посвящены в тайну конюшни, и если я начну выпрашивать насчет Супермена у них, меня живо отправят вслед за Томми Стэплтоном.

Я слышал, в какой нищете и убогости живут конюхи в некоторых конюшнях, знал я также, что многие лучшего и не заслуживают. Мне рассказывали о конюхах, которые топили печку ножками стульев, потому что им было лень идти на улицу за углем, а другие складывали грязные тарелки в унитаз и дергали за цепочку — так они мыли посуду... Но даже если считать, что Хамбер нанимал только самых, последних отщепенцев, — все равно, люди у него жили в чудовищных условиях.

Узкая жилая комната находилась прямо над денниками лошадей. Естественно, наверх доносилось цоканье копыт и перезвон цепей, а сквозь щели в полу можно было заглянуть в денники. Через эти щели наверх проникал запах стухшей соломы, врвался ледяной ветер. Потолка как такового у комнаты не было — просто балка перекрытия и черепица крыши, вместо двери — лестница и отверстие в полу. Стекло в единственном маленьком

оконце было выбито, и раму заклеили плотной коричневой бумагой, которая закрывала свет, но пропускала холод.

Всю мебель жилища составляли семь кроватей самой примитивной конструкции: кусок брезента туго натянут на металлический трубчатый каркас. На каждую кровать полагалась одна подушка и два серых одеяла, но мне пришлось за них бороться, потому что с уходом моего предшественника их тут же растащили соседи. Наволочек и простыней не полагалось, матраса тоже. Все конюхи, чтобы не замерзнуть, ложились спать прямо в одежде, а на третий день моей работы у Хамбера пошел снег.

Внизу лестницы помещалась кухня — единственная другая комната для конюхов, по размеру не больше денника, рядом с которым находилась. Вид у нее был настолько нежилой, что само собой напрашивалось тягостное предположение: предназначена она не для людей, а для животных.

Когда я приехал во двор конюшни, Хамбер встретил меня безразличным взглядом, кивнул и без видимого интереса отрядил работать с четырьмя лошадьми и назвал номера их денников. Какие у лошадей клички — ни он, ни кто-то другой мне не сказал. Старший конюх сам тоже ухаживал за одной лошадей, в отличие от других конюшен, большой власти он не имел. Указания здесь давал Хамбер, он и следил за их выполнением.

Это был настоящий тиран, причем ужас наводило не высокое качество работы, которое он требовал, а ее количество. В конюшне содержалось тридцать лошадей. Одна находилась на попечении старшего конюха, а старший сопровождающий конюх, он же водитель фургона, вообще ни к одной лошади приписан не был. Таким образом, на семь конюхов приходилось двадцать девять лошадей.

Помимо этого конюхи должны были содержать в порядке скаковую дорожку и вообще следить за чистотой на всей территории конюшни. В дни скачек, когда кто-то из конюхов уезжал, остальным часто приходилось присматривать за шестью лошадьми.

Если Хамбер видел, что кто-то пытается сачковать, он посылал его на какую-нибудь противную работу и с едкой миной скрежетал, что раз он платит больше, так извольте больше работать, а кому не нравится — скатертью дорога. Каждый знал: в другую конюшню его почти наверняка не возьмут, уходишь от Хамбера — прощаешься со скачками. Люди уходили и все, что узнали об этой конюшне, уносили с собой. Хамбер понимал, что делал.

Моих коллег в этой волчьей яме мало кто называл бы дружелюбными или приятными людьми. Лучшим из них был почти полоумный паренек, которого я видел в Стаффорде в День благодарения. Звали его Джерри, и он был своего рода козлом отпущения, потому что отличался медлительностью и слабой сообразительностью.

Еще двое отсидели срок в тюрьме, и рядом с ними Супи Тарлтон выглядел пай-мальчиком из воскресной школы. У одного из них, Джимми, мне и пришлось с боем отвоевывать свои одеяла, а у другого, ширококостного грубияна Чарли, подушку. Эти двое были отпетыми уголовниками, им ничего не стоило пустить в ход сапоги, а если дело доходило до наказания, они могли бесстыдно оболгать другого и свалить всю вину на него.

Регги был мастер красть с чужой тарелки. У этого худого белолицего парня с дергающимся левым веком были длинные, цепкие пальцы, и он мог стянуть хлеб с тарелки в мгновение ока. Он здорово поживился за мой счет, прежде чем я его

застукал, и для меня всегда оставалось тайной, почему он, хотя и ел больше всех, оставался самым худющим.

Один конюх был глухим. Однажды он с флегматичным выражением на лице монотонно пробубнил мне, что оглох из-за отца, который как-то в детстве слишком сильно «оттягал» его за уши. Звали его Берт, иногда он мочился под себя, и пахло от него ужасно.

Седьмой, Джефф, провел у Хамбера уже два с половиной месяца — старожил — и пока об уходе не помышлял. У него была привычка украдкой оглядываться по сторонам, и как только Джимми или Чарли начинали травить тюремные байки, в глазах у него вставали слезы. Видимо, он совершил какое-то преступление и панически боялся, что его найдут и посадят в тюрьму.

Джуд Уилсон, старший сопровождающий конюх, все им обо мне рассказал. То, что я человек бесчестный, они восприняли как нечто вполне естественное, но считали, что мне еще крупно повезло: если история насчет дочки Октобера не брехня, меня свободно могли упечь за решетку. Они без конца подкалывали меня по этому поводу и отпускали безжалостные похабные шуточки, слишком часто попадавшие в цель.

Постоянное общение с ними стало для меня пыткой, пища была отвратительной, работа валила с ног, сон не приносил облегчения, а холод пробирал до костей.

До поступления к Хамберу я часто ломал голову: почему находятся дураки, которые платят гонорар этому стабильно неудачливому тренеру? Теперь я начал понимать, в чем дело. Во-первых, удивляла сама конюшня. Когда я видел лошадей Хамбера в дни скачек, я думал: что может окружать их дома? Мокрый грязный песок, обветшалые

денники со сломанными запорами, облупившаяся краска. Но в действительности благодаря конюхам, не знавшим послеобеденного отдыха, конюшня была аккуратной и ухоженной.

Иногда в конюшню приезжали владельцы лошадей, и Хамбер держался с ними авторитетно и уверенно, оплату брал он, как я выяснил, меньше других тренеров, поэтому клиентов у него хватало. Кроме того, помимо скаковых лошадей в конюшне находились и охотничьи лошади, и Хамбер получал большие суммы на их содержание, прокорм и объездку без необходимости тренировать их.

На скачки в этом сезоне было записано всего семь лошадей, но этой семерке приходилось отдуваться за всю конюшню, в среднем каждая выступала раз в десять дней. За весь сезон в активе конюшни имелось одно первое место, два вторых и одно третье.

Среди моих четырех подопечных из этой семерки не было никого. Мой квартет состоял из двух скаковых лошадей, принадлежавших, кажется, самому Хамберу, и двух охотничьих. Скакуны были гнедыми, обоим лет по семь. Я упросил Касса, старшего конюха, сказать мне их клички, и оказалось, что зовут их Грузчик и Ржавый. Эти нетипичные для скаковых лошадей клички в справочнике не значились, не было их и в списке Хамбера «Лошади в процессе подготовки». Вполне возможно, что Редьярд, Супермен, Уголь и остальные жили здесь под такими же неброскими псевдонимами.

Конюху, навсегда распростившемуся со скачками, и в голову не придет, что какой-нибудь Грузчик или Ржавый, его бывший подопечный, — это и есть Редьярд, который два года спустя выиграл какой-то заезд под началом другого тренера.

Но почему, почему он выиграл два года спустя? Ответ на этот вопрос был, как и раньше, покрыт полным мраком.

Пришли холода, побушевали да так и остались. Но это еще цветочки, говорили конюхи, вот придет зима, тогда держись! А у себя в Австралии я бы весь январь и февраль нежился под нежарким летним солнцем. Интересно, как там без меня Белинда, Хелен и Филип? Хорошо ли им? Что бы они подумали, если бы увидели, какое жалкое, низменное существование я здесь влачу! А мои люди, если бы увидели, до чего докатился их хозяин!

Один унылый день сменялся другим, и меня все чаще стали посещать тягостные мысли. Понимал ли я, что меня ждет, когда соглашался на этот маскарад?

Мне приходилось постоянно следить за своими манерами, речью, движениями: никто вокруг не должен усомниться в том, что я — неотесанный простолоудин. Я обрывал себя во время работы — «не спеши», во время упражнений болтался в седле, словно тряпичная кукла, — «твой высокий класс здесь не нужен». Но шли дни, и я вживался в образ. А может, человек, слишком долго играющий роль отщепенца, в конце концов им становится? Если у него постоянно отнимают право на человеческое достоинство, не забывает ли он, что оно вообще существует на свете? Все же я надеялся, что это вопросы чисто риторические: коль скоро я могу иногда над собой посмеяться, мне ничего не грозит.

Случай с Джеффом Смитом подтвердил мою догадку насчет того, что после трех месяцев конюхам намекают довольно прозрачно — пора уходить.

Как-то утром, вернувшись после тренировки, мы застали Хамбера в середине двора. Он, как это часто бывало, недовольно хмурился.

— Ты, Смит, и ты, Рок, отведите лошадей в денники и быстро сюда.

Мы выполнили приказание.

— Рок.

— Слушаю, сэр.

— У всех твоих лошадей кормушки в отвратительном состоянии. Вычисти их.

— Хорошо, сэр.

— А чтоб впредь сам следил за порядком, следующую неделю будешь подниматься в половине шестого.

— Да, сэр.

Я вздохнул про себя, но переживать не стал: в раннем подъеме я не вижу ничего страшного, и эта форма наказания была для меня приемлемой. Мне предстояло каждое утро в течение часа стоять посреди двора, ничего не делая. Темно, холодно и скучно. Хамбер и сам был ранней пташкой. Окно его спальни выходило прямо во двор, и без двадцати шесть он знал, стоит наказанный или нет, — в это время у него уже горел свет.

— Теперь ты. — Он посмотрел на Джеффа, как бы взвешивая что-то в уме. — В седьмом деннике пол заляпан грязью. Вычистишь солому и выд-райшь пол с порошком — перед обедом.

— Но, сэр, — неосторожно запротестовал Джефф, — если я не пойду обедать со всеми, мне ничего не останется...

— Об этом надо было думать раньше и делать свою работу как следует. Я плачу вам в полтора раза больше, чем любой другой тренер, вы должны и работать соответственно. Сделаешь, как я велел.

— Но, сэр, — взвыл Джефф, потому что знал: если он пропустит обед, потом будет весь день ходить голодным, — неужели нельзя там убраться после обеда?!

Хамбер спокойно продвинул вдоль руки свою палку, пока в ладони не оказался ее конец. Потом взмахнул рукой и резко стукнул Джеффа набалдашником по бедру.

Джефф вскрикнул и принялся растирать ушибленное место.

— Перед обедом, — заключил Хамбер и ушел, опираясь на палку.

Атака на Джеффа продолжалась целую неделю. Он получил еще шесть сильных ударов по разным частям тела, еще три раза остался без обеда, два раза без завтрака и один раз без ужина. Хамбер довел его до слез задолго до конца эпопеи, и все же уходить Джефф не хотел.

Спустя пять дней после начала кампании в кухню во время завтрака вошел Касс и сказал Джеффу:

— Боюсь, хозяин на тебя за что-то взъелся. Говорю тебе для твоей же пользы: ищи работу в другом месте. На хозяина, бывает, такое находит — ему кажется, что кто-то из конюхов все делает не так, как надо, и тут его никакими увещеваниями не прошибешь. Если не уйдешь сейчас, увидишь — это только начало. Понимаешь? Учти, это я для твоей же пользы.

Даже после такого предупреждения Джефф продержался еще целых два дня, лишь после этого с болью в сердце собрал свой старый армейский вещмешок и, шмыгая носом, сдал позиции.

На следующее утро перед завтраком палка оставила свой след на теле Джимми.

На завтрак он опоздал и, грязно ругаясь, выхватил кусок хлеба из рук Джерри.

— Куда мой завтрак девали, паразиты?

— Съели, куда же еще...

— Да?! — взревел он, сверкая глазами. — Ну, так можете взять себе и моих распрекрасных ло-

шадок! С меня хватит. Натерпелся хорошей жизни — сыт по горло. Срок тянуть и то лучше, чем здесь гнить. Нет уж, не позволю, чтобы об меня ноги вытирали, это я вам точно говорю.

— А чего ты не пожалуешься? — спросил Регги.

— Это кому же?

— Ну... фараонам.

— Да ты никак спятил? — в изумлении воскликнул Джимми. — И как ты себе это представляешь? Вот я, здоровенный детина, захожу к этим мордоротам в участок и говорю, мол, извините, зашел пожаловаться на своего хозяина, он меня палкой стукнул. Для начала они со стульев падают. А дальше что? Ну, допустим, они приедут сюда и спросят Касса, правда ли, что здесь творятся такие безобразия? А что Касс? Ему, небось, работу терять не шибко хочется. Что вы, скажет он, ничего такого и в помине нет. А мистер Хамбер — это просто душа-человек, у него золотое сердце. А кто вам нажаловался? Ах, вот этот уголовник? Так он же врет! Чего от него еще ждать? Так что ты, братец, лучше меня не смейся. Все, я намыливаюсь и вам советую, если у вас еще хоть что-то в черепушках осталось.

Его совету, однако, никто не последовал.

От Чарли я узнал, что Джимми провел здесь на две недели дольше его самого, то есть примерно около трех месяцев.

Джимми независимой походкой выходил со двора, а я смотрел на него и думал тяжелую думу. Два с половиной месяца, максимум три — и Хамбер начинает карательные действия. Я провел здесь уже три недели, значит, в лучшем случае, на раскрытие дела мне остается два месяца с небольшим. Если будет нужно, я, конечно, смогу продержаться не меньше Джеффа, главное, выйти на след рань-

ше, чем Хамбер задумает выгонять меня, иначе я не докопаюсь до истины никогда.

Вместо Джеффа и Джимми взяли двух конюхов — Долговязого малого по имени Ленни, который отбыл срок в Борстале¹ и очень этим гордился, и Сесла, безнадежного алкоголика лет тридцати пяти. Он сам рассказал, что перебивал почти в половине конюшен в Англии, но отовсюду его выгоняли за любовь к крепким напиткам. Не знаю, откуда он их доставал или где прятал, во всяком случае каждый день к четырем часам он уже был тепленький, а каждую ночь забывался в пьяном ступоре, громко храпя.

Жизнь, если это можно назвать жизнью, шла своим чередом.

Джуду Уилсону и Кассу я давно сказал, что задолжал с выплатой за прокат мотоцикла, поэтому каждую субботу после обеда я ездил на почту в Поссет, не вызывая никаких подозрений.

Поссет, малюсенький городишко, находился в двух с половиной километрах от конюшни, автобусов не было. Касс и Джуд Уилсон имели собственные машины, но никогда никого из конюхов не подвозили. Единственным другим транспортом был мой мотоцикл, однако я сразу сказал, что ездить на нем по занесенным снегом дорогам ради того, чтобы вечером попить в баре пивка, я не буду. Естественно, какое-то время меня за это открыто презирали. Короче говоря, в Поссет мы ходили крайне редко: по субботам, когда у нас было пару часов после обеда, и в воскресенье вечером — работы было не так много, и у парней еще оставались силы и желание на то, чтобы топтать два с половиной километра за кружкой другой пива.

¹ Город, в котором находится известная английская тюрьма.

По субботам я распаковывал свой аккуратно укрытый полиэтиленовой пленкой мотоцикл, сажал на заднее сиденье сиявшего от счастья Джерри и ехал в Поссет. Я всегда брал с собой именно его — несчастного, глуповатого Джерри, потому что за неделю ему, доставалось больше других. Мы уже знали, что будем делать в Поссете. Сначала — на почту, выплатить мой воображаемый прокат. На самом деле я, поглядывая через плечо, пристраивался возле полки с бланками для телеграмм и других почтовых отправок и писал еженедельный отчет Октоберу. Если приходил ответ, я читал его, а потом рвал и выбрасывал в урну.

Джерри знал, что на почте я провожу минут пятнадцать, и, не занимая свой мозг подозрениями, проводил это время в магазине по соседству, в отделе игрушек. Он регулярно покупал детские комиксы за четыре пенса и последующие дни счастливо хихикал, рассматривая пестрые картинки. Читать он не умел и часто просил меня объяснить, что написано под картинками, поэтому вскоре я близко познакомился с приключениями обезьянки Мики и Флипа Маккоя.

После почты мы снова садились на мотоцикл и проезжали пару сотен метров — перекусить в кафе. Мы с Джерри заказывали и с неопишуемой радостью уплетали бараньи отбивные, яичницу, вяловатый картофель с зеленым горошком. За соседними столами подобным же образом развлекались Чарли и другие конюхи.

Перед уходом я и Джерри набивали карманы плитками шоколада, чтобы компенсировать голодный паек у Хамбера, но этих запасов хватало ненадолго, потому что рано или поздно их находил Регги.

К пяти часам мы возвращались в конюшню, я снова упаковывал мотоцикл. Неделя кончалась,

и самым счастливым воспоминанием о ней была кружка теплого пива. А впереди все то же — семь унылых тягостных дней.

Я снова и снова перебирал в уме все, что слышал или видел со дня приезда в Англию. Самое существенное, значительное — это, конечно, поведение Супермена в Стаффорде. Он находился под воздействием допинга, он был двенадцатый в серии. Но заезд не выиграл.

Потом я изменил направление этих мыслей. Он находился под воздействием допинга и не выиграл. Но был ли он двенадцатый в серии? А почему не тринадцатый? Или даже четырнадцатый? Ведь возможно, что не повезло не только Супермену.

В мою третью субботу у Хамбера я обратился к Октоберу с просьбой найти газетную вырезку, которую хранил Томми Стэплтон. Это была заметка о том, как на скачках в Картмеле в паддоке взбесилась какая-то лошадь и убила женщину. Я просил его собрать сведения об этой лошади.

Через неделю пришел отпечатанный на машинке ответ.

«Выпускник, уничтожен в прошлом году на троицын день на скачках в Картмеле, графство Ланкашир, ноябрь и декабрь позапрошлого года провел в конюшне Хамбера. Хамбер купил Выпускника после облегченного стипль-чеза и продал с аукциона в Лестере около двух месяцев спустя.

Но: Выпускник взбесился перед началом скачек. Он был записан в заезд с гандикапом, а не на облегченный стипль-чез. Кроме того, финишная прямая в Картмеле относительно короткая.

Все эти факты выпадают из общего рисунка.

У Выпускника были взяты пробы на допинг, но анализы показали отрицательный результат.

Что случилось с Выпускником, никто объяснить не смог».

Томми Стэйплтон, наверное, до чего-то додумался, иначе он не стал бы вырезать эту заметку; все же у него, видимо, были сомнения, и он, прежде чем действовать, решил сам все проверить. Проверка его и погубила. Теперь я в этом твердо убежден.

Я разорвал письмо и поехал с Джерри в сторону кафе. Надо быть осторожным, опасность ходит где-то рядом... Впрочем, аппетит у меня не испортился, пообедал я с удовольствием — хоть раз в неделю проглотить что-то съедобное.

Через несколько дней во время ужина я перевел разговор на скачки в Картмеле. Что это за скачки, спросил я, никто не знает?

Оказалось, там бывал пьянчуга Сесл.

— Сейчас там уже не то, что было раньше, — угрюмо пробурчал он, не заметив, как Регги вытащил у него из-под носа кусок хлеба и маргарин.

— А что было раньше? — не отступал я.

— Раньше была ярмарка. — Он икнул. — Карусели, качели, представления разные. По праздникам, на День троицы, к примеру. Единственное место, кроме Дерби, где на скачках есть качели. Но сейчас это дело прикрыли. Народ мог там как следует поразвлечься, так нет, жалко стало. А кому она мешала, эта ярмарка?

— По карманам можно было пройтись, — авторитетно заметил Ленни.

— Точно, — согласился Чарли, который еще не решил, стоит ли относиться к Ленни, как к равному, — ведь тюрьма в Борстале не идет ни в какое сравнение с местами, где бывал он.

— Там и собачьи бега устраивали, теперь и их прикрыли. А было на что посмотреть — хорошо бегали собачонки. Да вообще в Картмеле, бывало, отдыхаешь душой и телом. А сейчас? Как в любой

дыре. Не лучше, чем где-нибудь в Ньютон Эбботе. Теперь там что праздник, что будни — все одно и то же. — Он рыгнул.

— А что там были за собачьи бега? — спросил я.

— Бега как бега. — Он глупо улыбнулся. — Один забег у них был до скачек, один — после, а теперь, все прикрыли. Последнюю радость у людей отнимают, чтоб они сдохли. Правда, — он хитро прищурил глаз, — для своих людей собачьи бега все равно остались, даже ставочки можно делать. По утрам проводят. Не там, где ипподром, а на другом конце деревни.

— Собачьи бега? — недоверчиво переспросил Ленни. — Ты не заливай! Куда же это собаки побегут без дорожки? Да и электрического зайца там, небось, нет...

Сесл неловко качнул головой в сторону Ленни.

— А никакой дорожки и не надо, — с серьезной миной невнятно пробормотал он. — Им нужен след, голова, да два уха! Какой-нибудь ханурик берет мешок с анисовым семенем, парафином, еще какой-нибудь дрянью и тянет этот мешок километр-другой вокруг холмов, по лесу. А потом спускают собак. И какая первой пробежит весь след и вернется обратно, та и выиграла.

— А в том году ты в Картмеле не был? — спросил я.

— Нет, — с сожалением признался Сесл. — Не был. Там в том году женщину убило, вот было делов-то.

— Это как же? — Ленни даже подался вперед.

— Одна лошадь распахивалась в паддоке для показа да как сиганет через ограду — и прямо на какую-то дамочку. Приехала, называется, подышать свежим воздухом. Да, уж она, бедняга, точно не на ту лошадку тогда поставила. Эта спятившая

кляча размолотила ее почище мясорубки, пока прорывалась сквозь толпу. Далеко она, ясное дело, не ускакала, но лягалась вовсю, еще одному мужику успела ногу сломать. Ну а потом притащили ветеринара, и он ее шлепнул. Сошла с ума, говорят, вот и все дела. Мой дружок был там рядом, у него в том же заезде лошадь скакала. Картинка, говорит, была не из приятных: эта несчастная бабенка, растерзанная в клочья, истекала кровью прямо у него на глазах.

Эта жуткая история произвела на всех тяжелое впечатление. На всех, кроме Берта, который был глух и ничего не слышал.

Глава 10

К концу моего первого месяца ушел Регги (жаловался на постоянное недоедание), и через пару дней на смену ему явился совсем еще мальчишка с лицом младенца и фальцетом сообщил, что его зовут Кеннет.

Среди этой бесконечной процессии отребья всех сортов я пока оставался ничем не примечательной личностью. Я старался по возможности не привлекать внимания Хамбера: если он выделит меня из общей массы, я вообще ничего не смогу добиться. Он отдавал приказания, я их выполнял. Если я что-то делал не так, как ему хотелось, он ругался и наказывал меня, но не больше других.

Одет он был всегда с иголочки, словно хотел подчеркнуть разницу между нашим положением и своим собственным. Вообще, туалет, как я понял, был для него главным объектом тщеславия, но о его доходах можно было судить и по машине — «бентли» последней марки. Чего в ней только не было! Телевизор, плюшевые ковры на сиденьях, радиотелефон, меховые коврики, кондицио-

нер и, наконец, встроенный бар, где на специальных полках хранились шесть бутылок, двенадцать стаканов, сверкающий приборчик для открывания бутылок, пешня для льда и разные мелочи вроде палочек для помешивания напитков.

Я так хорошо это знаю, потому что каждый понедельник после обеда мне приходилось ее мыть и чистить. По пятницам это делал Берт. Хамбер гордился своей машиной.

В дальние поездки за руль этого символа процветания садилась сестра Джуда Уилсона Грейс, надменная амазонка, которая управлялась с этой большой машиной вполне свободно, а уход в ее задачу не входил. Я ни разу не обмолвился с ней словом: когда нужно было куда-то вести машину, она приезжала из дому на велосипеде и так же уезжала.

Во время чистки внутри машины я всегда заглядывал во все уголки. Увы, Хамбер не был настолько любезен или легкомыслен, чтобы оставить в перчаточном боксе шприц для подкожных впрыскиваний или пузырек со стимулирующими средствами.

Весь первый месяц стояла холодная погода, я сильно мерз, но это было не самое страшное — время, по существу, тратилось впустую. В скачках наступил перерыв, Хамберу незачем было давать лошадям допинг, и я не мог определить, что изменяется в жизни конюшни, когда скачки проводятся на каком-нибудь ипподроме с длинной финишной прямой.

Кроме всего прочего, Хамбер, а также Джуд Уилсон и Касс постоянно находились в конюшне. Меня так и подмывало заглянуть в контору Хамбера, находившуюся в кирпичном домике в дальней части двора, но я не мог на это решиться: туда в любое время мог зайти кто-то из них и застукать меня. А вот когда Хамбер и Джуд

Уилсон уедут на скачки, а Касс поедет домой обедать, я, пожалуй, смогу проникнуть в контору и обыскать ее, пока остальные конюхи будут сидеть в кухне.

С другой стороны, сомнительно, что беглый осмотр незапертой конторы позволит мне раскрыть тайну конюшни. Не стоит подставлять себя под удар. Надо проявить терпение, подождать, когда обстоятельства сложатся в мою пользу.

Представляло интерес и жилище Хамбера — чисто выбеленный дом по типу жилых домов на фермах, он примыкал ко двору конюшни. Пару раз мне удавалось украдкой заглянуть в окна, когда после обеда он посылал меня чистить снег на его садовой дорожке. Что я увидел? Чистехонькое сооружение фактически необитаемое, похожее на ряд комнат, которые видишь в оконных витринах, безликое, необжитое.

Хамбер был холост, и, по крайней мере, в комнатах первого этажа я не нашел ни одного места, где он мог бы проводить вечера.

Через окна мне не удалось увидеть ни стола, в котором стоило бы порыться, ни сейфа, где он мог бы держать под замком свои секреты. Все же я решил, что обойти этот дом вниманием будет несправедливо, и если мой визит в контору ничего не даст, а голова в то же время уцелеет, я загляну в дом при первой возможности.

В пятницу вечером Касс сказал мне, что хозяин двух моих охотничьих лошадей хочет забрать их на субботу, и вскоре после второй тренировки я вывел их из денников и погрузил в фургон, приехавший специально за ними.

Владелец лошадей стоял неподалеку, опершись о переднее крыло выдраенного «ягуара». Его охотничьи сапоги блестели как зеркало, кремовые бриджи были само совершенство, пальто розоватого

цвета сидело на нем без единой морщинки, вокруг шеи — гладкий белоснежный шарф. Высок, широкоплеч, лысоват. С виду — лет сорок, красивый. Лишь вблизи я увидел на его лице недовольное выражение, заметил, что неизбежный процесс старения кожи уже начался.

— Эй, ты. — Он указал в мою сторону стеклом. — Иди сюда.

Я подошел. У него были тяжелые веки, на носу и щеках виднелись тонкие пурпурные ниточки вен. Во взгляде его я прочитал надменное презрение и брезгливость. У меня рост сто семьдесят три сантиметра. Он был сантиметров на десять выше и в прямом и переносном смысле смотрел на меня свысока.

— Если мои лошади не выдержат целого дня, ты за это ответишь. Я гоняю их как следует, и они должны быть в форме.

В голосе его звучали властные нотки, свойственные Октоберу.

— Они в форме, насколько позволяет погода, — глухо ответил я.

Он поднял брови.

— Сэр, — поспешил добавить я.

— Дерзость, — заметил он, — может обернуться не в твою пользу.

— Извините, сэр, я и не думал дерзить.

Он неприятно засмеялся.

— Да уж, наверное, не думал. Другую работу найти не легко, а? Так вот, не очень болтай языком, когда разговариваешь со мной, не то живо вылетишь вон.

— Хорошо, сэр.

— А если мои лошади в плохой форме, я с тебя спущу шкуру.

У моего левого локтя с озабоченным выражением на лице появился Касс.

— Что-нибудь случилось? — спросил он. — Рок сделал что-нибудь не так, мистер Эдамс?

Я чуть не подпрыгнул от неожиданности. Мистер Эдамс! Неужели тот самый Поль Джеймс Эдамс, хозяин семи лошадей, вкусивших прелесть допинга?

— Хорошо ли этот грязный цыган следит за моими лошадьми? — агрессивным тоном спросил Эдамс.

— Не хуже других конюхов, — заверил Касс.

— Это еще скромно сказано. — Он посмотрел на меня со злым прищуром. — Пока стояли морозы, ты жил здесь как у Христа за пазухой. Но сейчас начался охотничий сезон, и считай, что сладкая жизнь для тебя кончилась. Я не стану с тобой сюсюкаться, как твой хозяин, будь уверен.

Я ничего не ответил. Он резко шлепнул стеклом о сапог.

— Ты слышал, что я сказал? Ублажить меня будет не так просто.

— Слышал, сэр, — пробормотал я.

Он разжал пальцы, и стек упал к его ногам.

— Подними, — приказал он.

Я наклонился, и тут он поставил ногу мне на плечо и как следует толкнул. Я потерял равновесие и полетел прямо в грязь.

В глазах его засветился злобный огонек наслаждения.

— Ну-ка, вставай, неуклюжий свинтус, и делай, что тебе приказано. Подними стек.

Я встал на ноги, подобрал стек и протянул ему. Эдамс выдернул его из моей руки и, глядя на Касса, сказал:

— Они все у тебя должны ходить по струнке. Прищипи им хвосты, чтобы знали. Вот этого, — он смерил меня холодным взглядом, — нужно как следует проучить. Что ты предлагаешь?

Касс с сомнением посмотрел на меня. Я украдкой взглянул на Эдамса. Кажется, здесь было не до смеха. Его серовато-голубые глаза были на удивление мутными, такие бывают у пьяных. Но он был трезв как стеклышко. Этот взгляд мне знаком, я знаю, что за ним стоит. Надо решить сейчас, сию же секунду, какая игра ему больше по душе: бить сильного или бить слабого. Инстинкт подсказал мне: человеку таких внушительных размеров и явно могущественному едва ли доставит удовольствие глумиться над слабым.

Стало быть, лезть на рожон и упираться сейчас совсем не место. Я втянул голову в плечи и постарался изобразить испуг — наверное, со стороны я выглядел отвратительно.

— Фу, — Эдамс презрительно поморщился. — Ты только посмотри на него — в штаны наложил от страха.

Он нетерпеливо повел плечами.

— Ладно, Касс, дай ему какую-нибудь дурацкую работу погрязнее — пусть дорожки выскребет, что ли. Меня он не интересует. Слизняк. Об такого нечего и мараться.

Он посмотрел в дальний конец двора — там показался Хамбер.

— Скажи мистеру Хамберу, — велел он Кассу, — что мне нужно с ним поговорить.

Касс ушел, и Эдамс повернулся ко мне.

— Где ты работал раньше?

— У мистера Инскипа, сэр.

— И он вышвырнул тебя?

— Да, сэр.

— За что?

— Я... — Слова застряли у меня в горле. Раскрывать перед таким человеком чемодан с нижним бельем — это было до тошноты невыносимо. Но и врать нельзя: он может легко проверить. Если

хочу обвести его вокруг пальца в главном, врать по мелочам я не должен.

— Когда я задаю вопрос, ты обязан отвечать, — холодно сказал Эдамс. — Почему мистер Инскип выбросил тебя вон?

Я глотнул.

— Меня уволили, потому что я... путался с дочерью хозяина.

— Путался... — повторил он. — О Боже ты мой. — На лице его появилась ухмылка бывалого ловеласа, он препохабно выругался и, разумеется, попал в самую точку. Я вздрогнул, как от удара, и он громко расхохотался. В это время подошли Касс и Хамбер. Эдамс, все еще смеясь, повернулся к Хамберу и спросил:

— Ты знаешь, за что этому пентюху дали под зад у Инскипа?

— Знаю, — безразличным тоном ответил Хамбер. — Он соблазнил дочку Октобера. — Его это ничуть не интересовало. — А еще фаворит, который был на его попечении, вдруг пришел последним.

— Дочку Октобера? — с удивлением произнес Эдамс. Глаза его сузились. — Я понял, что дочку Инскипа. — Он больно дернул меня за ухо. — Зачем ты меня обманываешь?

— У мистера Инскипа и дочери-то нет, — запротестовал я.

— И не смей огрызаться. — Эдамс повернулся к Кассу. — Не забудь проучить этого Ромео с заячьей душкой. Охлади немного его пыл.

Касс подхалимски захихикал, да так, что у меня мурашки по спине забегали.

Поговорив о чем-то с Хамбером, Эдамс с надменным видом сел в свой «ягуар», завел двигатель и следом за фургоном с охотничьими лошадьми выехал за ворота.

— Смотри, Касс, особенно не усердствуй, — сказал Хамбер. — А то он работать не сможет. Накажи в разумных пределах. — И он, прихрамывая, ушел проверять остальные денники.

Касс взглянул на меня, но я упорно смотрел вниз на свою мокрую и грязную одежду. Старший конюх — в стане врагов, он не должен видеть, что лицо мое может отражать не только смиренную покорность.

— Мистер Эдамс не любит, когда его сердят, — сказал он.

— Я его не сердил.

— Еще он не любит, когда огрызаются. Лучше держи язык за зубами.

— А другие лошади у него здесь есть? — спросил я.

— Есть, — ответил Касс, — только это не твоего ума дело. Слышал, он велел мне наказать тебя? Он не забудет, потом обязательно проверит.

— Я же ничего не сделал, — угрюмо произнес я, продолжая смотреть себе под ноги.

— А этого и не требуется, — пояснил Касс. — Мистер Эдамс наказывает заранее, чтобы у тебя сразу пропала охота делать что-то не так. А что? По-своему разумно. — Он гоготнул. — Глядишь, потом меньше хлопот будет.

— А у него все лошади охотничьи? — спросил я.

— Нет, но ты знай и помни о двух твоих. Он ездит на них сам и уж будет следить, чтобы у них каждый волосок был причесан.

— Что же он, со всеми конюхами так несправедливо обращается?

— Джерри вроде никогда не жаловался. Так, значит, надо тебя проучить... Встанешь на колени и выскребешь все бетонные дорожки во дворе. Начинай прямо сейчас. На обед можешь сделать

перерыв, а потом продолжишь до начала вечерней работы.

Я продолжал стоять потупившись, словно тряпичная кукла, однако в душе моей неожиданно стала нарастать волна протеста. Где предел тем лишениям, на которые обрек меня Октябрь? Сколько именно я должен терпеть? Скажет ли он когда-нибудь, окажись он рядом: «Стоп. Хватит. Спектакль окончен. Это уже слишком. Выходите из игры»? Но учитывая то, что он думает обо мне, наверное, этого предела нет!

Бетонные дорожки двухметровой ширины обегали весь двор прямо перед денниками. По ним возили тележку с кормом и от снега чистили постоянно. Почти во всех современных конюшнях, включая конюшню Инскипа и мою собственную, следили, чтобы на них не было соломы и лишней пыли. Но скрести эти дорожки на коленях четыре часа кряду в слякотный январский день — это была унижительная, никому не нужная работа. И смехотворная.

Впрочем, у меня был выбор: либо скрести дорожки, либо сесть на мотоцикл и уехать. Но я твердо решил: буду скрести дорожки. Десять тысяч фунтов (минимум) надо отрабатывать.

После обеда конюхи вволю посмеялись над моими мучениями, а вечером позаботились, чтобы от моей работы не осталось и следа — дорожки стали еще грязнее, чем были утром. В общем-то мне на это было наплевать, но тут взмыленные и но уши заляпаные грязью вернулись лошадки Эдамса, и мне пришлось чистить их почти два часа. К концу дня мускулы подрагивали от усталости.

Наконец, в довершение всех моих бед, вернулся Эдамс. Он въехал во двор на своем «ягуаре», хлопнул дверцей, поговорил с Кассом, который кивнул и указал на дорожки, затем Эдамс нетороп-

ливо зашагал к деннику, где я еще возился с его черной лошадыю.

Он остановился в дверях и посмотрел на меня сверху вниз. Наши взгляды встретились. У него был холеный, элегантный вид: темно-синий костюм в тонкую полоску, белая рубашка, серый с серебринкой галстук. Свежая кожа, гладко зачесанные волосы, чистые белые руки. Наверное, вернувшись с охоты, он принял горячую ванну, переоделся, сделал себе коктейль... Я не принимал ванну уже месяц и, пока работаю у Хамбера, могу о ней и не вспоминать. Грязный, голодный, измученный человек — это был я.

Эдамс вошел в денник и внимательно осмотрел большие куски грязи, которые еще оставались на задних ногах лошади.

— Медленно работаешь, — заметил он.

— Да, сэр.

— Лошадей привезли часа три назад. Что ты все это время делал?

— Чистил трех других лошадей, сэр.

— Моих лошадей ты должен чистить первыми.

— Надо было подождать, пока засохнет грязь, сэр. Если она мокрая, лошадь как следует не вычистишь.

— Я сказал тебе утром: не огрызайся.

Он шлепнул мне по уху, которому уже досталось утром. Он чуть заметно улыбнулся. Игра доставляла ему удовольствие. Увы, я не мог сказать этого о себе.

Почуяв, если можно так выразиться, запах крови, он схватил меня за куртку, прижал к стене и два раза хлестнул по лицу — сначала наотмашь, потом тыльной стороной ладони. А сам продолжал улыбаться.

Как мне хотелось дать ему коленом в пах, а потом — кулаком в солнечное сплетение! Однако я

сдержался. Наверное, нужно громко закричать, завопить что-нибудь типа: «Не бейте!» — но я не мог заставить себя раскрыть рот, правда, что нельзя сказать, то можно показать, поэтому я поднял обе руки и, защищаясь, обхватил ими голову.

Он засмеялся и отпустил меня. Я сполз на одно колено и сжался в комок возле стены.

— Ты — самый что ни на есть трусливый заяц, даром что смазливый.

Я молчал и не шевелился. Он перестал глумиться надо мной так же внезапно, как начал.

— Вставай, вставай, — заворчал он. — Ничего я тебе не сделал. На тебя силы-то тратить жалко. Вставай и заканчивай с лошадью. Да смотри, чтобы она у тебя сверкала, как из магазина, не то будешь снова скрести дорожки.

Он вышел из денника и зашагал в другой конец двора. В душе у меня все кипело. Я поднялся и, опершись о дверной косяк, стал смотреть, как он идет по дорожке к дому Хамбера. Его, конечно, ждет сейчас хороший ужин. Кресло. Огонь в камине. стакан бренди. Друг для беседы. Я подавленно вздохнул и снова принялся счищать грязь с лошади.

Потом был ужин: черствый хлеб и сыр. Он проходил под аккомпанемент идиотских шуток — как, мол, славно я сегодня поработал, а также подробных рассказов о вкусном обеде в Поссете, куда все они ходили перед вечерней тренировкой. Как они мне надоели, эти мои «коллеги»! Я забрался наверх по лестнице и сел на кровать. Там было холодно. Похоже, я достаточно натерпелся в конюшне Хамбера. И над моим человеческим достоинством здесь вволю поиздевались. Снова пришла в голову мысль, которая не давала мне покоя все утро: спуститься во двор, снять пленку с мотоцикла и вернуться в цивилизованный мир. А чтобы

не мучили угрызения совести, можно возратить Октоберу большую часть суммы, к тому же, разве я уже не сделал половину дела?

Я глубоко вздохнул. Я прекрасно знал, что никуда отсюда не уеду, даже если придется скрестить эти дурацкие дорожки семь дней в неделю. Я опротивел бы сам себе, если бы сбежал от этого слегка экзотического образа жизни, но дело не только в этом. Доброму имени английских скачек угрожает не кто иной, как П. Дж. Эдамс, именно его безжалостные руки готовы погубить этот популярный спорт. Теперь я в этом уверен. Победить его — вот цель моего приезда в Англию. И негоже сдавать позиции только потому, что первая встреча с ним оставила неприятный осадок.

За безликим именем на бумаге возник человек, и человек этот являл собой куда большую опасность, чем сам Хамбер. Хамбер был просто грубый, жадный, скверный и самовлюбленный тип, и бил он своих конюхов только с одной целью — заставить их скорее уйти. Эдамс же, причиняя боль, испытывал наслаждение. Блестящий, утонченный джентльмен — такова была внешняя оболочка, но под этой оболочкой скрывался необузданный дикарь. Хамбер, конечно, человек сильный. Но мозгом, двигательной силой этого дуэта является, безусловно, Эдамс.

В нем я видел соперника куда более опасного, умного, тонкого. С Хамбером я смог бы соперничать на равных. Эдамс повергал меня в ужас.

Кто-то начал подниматься по лестнице. Я думал, что это карабкается после субботней оргии Сесл, но в проеме показалась голова Джерри. Он сел на соседнюю кровать. Вид у него был подавленный.

— Дэн.

— Что тебе?

— Сегодня... в Поссете сегодня было плохо, потому что тебя не было.

— Правда?

На какое-то время наступила тишина — он пытался связать разрозненные мысли.

— Дэн.

— Что?

— Извини меня, ладно?

— За что?

— Ну, что я вроде смеялся над тобой, после обеда. Не надо было... Ты же меня на мотоцикле возил и вообще... Мне так нравится с тобой ездить.

— Не переживай, Джерри, все нормально.

— Другие-то подкалывали тебя, понимаешь, вот я решил, что и я должен делать, как они... Чтобы они... ну, чтобы взяли меня с собой, понимаешь?

— Понимаю, Джерри. Забудь об этом.

— А спина у тебя болит, Дэн?

— Болит немного.

Я был тронут — надо же, Джерри пришел извиниться.

— Давай почитаю тебе комикс, — предложил я.

— А ты не очень устал? — с надеждой спросил он. Я покачал головой.

Он вытащил комикс из картонной коробки, в которой держал свои нехитрые пожитки, сел рядом со мной, и я стал ему читать про обезьянку Мики, Берила и Перила, Юлия Козыря, злых ребят-гангстеров.

Наконец я забрал комикс у него из рук и положил на кровать.

— Джерри, какая из твоих лошадей принадлежит мистеру Эдамсу?

— Мистеру Эдамсу?

— Это хозяин моих охотничьих лошадей. Он приезжал сегодня утром на сером «ягуаре», в красноватом пальто.

— А-а, это мистер Эдамс.

— Ты что-нибудь знаешь о нем? — спросил я.

— Тут был до тебя один парень, Дэнис его звали, так мистер Эдамс его не любил, понимаешь? Он с мистером Эдамсом нахально разговаривал, правда.

— Вот оно что, — сказал я. Наверное, лучше не знать, что произошло с этим Дэнисом.

— Он здесь и трех недель не пробыл, — задумчиво произнес Джерри. — А последние два дня он почему-то все время падал. Даже смешно было, правда.

— Так какая из твоих лошадей принадлежит мистеру Эдамсу? — прервал его я.

— Никакая, — твердо заявил он.

— А мне Касс сказал.

Он был удивлен и испуган.

— Нет, Дэн, не хочу я лошадей мистера Эдамса.

— Ну хорошо, а кто хозяева твоих лошадей?

— Не знаю точно. Кроме Роскошного, конечно.

Его хозяин — мистер Берд.

— Ну, а другие лошади?

— Еще Мики... — Он нахмурил лоб.

— Мики стоит в деннике рядом с одной из охотничьих мистера Эдамса?

— Точно. — Он счастливо улыбнулся, словно я решил мучавшую его задачу.

— А кто хозяин Мики?

— Не знаю.

— Что же, его хозяин никогда не показывался?

Он с сомнением покачал головой. Даже если хозяин и приходил, Джерри вполне мог это забыть.

— Ну, а еще какая у тебя есть лошадь? — У Джерри, поскольку он все делал медленнее других, было только три лошади.

— Чемпион, — с победной улыбкой сообщил Джерри.

— А кто его хозяин?

— Ну, какой-то дядька. — Мозг его напряженно работал. — Толстый такой. Уши у него еще торчат. — Для наглядности потянул свои уши вперед.

Итак, получалось, что Эдамсу принадлежал Мики, но ни Эдамс, ни Хамбер, ни Касс не сказали об этом Джерри. Похоже, Касс проболтался мне случайно.

— А когда ты сюда пришел, Мики уже был здесь? — спросил я.

— С самого начала, — ответил Джерри. Значит, Мики находится у Хамбера как минимум два с половиной месяца. Больше ни о чем спрашивать Джерри я не стал, он взял в руки свой комикс и снова принялся безмятежно рассматривать цветные картинки. Он листал страницы и счастливо улыбался. Бог обделил его, но Джерри едва ли страдал от этого. Сердце у него было доброе, а вещи смысла которых он не понимал, едва ли могли причинять ему боль.

Глава 11

Контора Хамбера производила неприятное, отталкивающее впечатление и этим была похожа на своего хозяина. Показной роскошью его машины здесь и не пахло.

Около окна стоял стол, и когда Хамбер сидел за ним, весь двор был перед ним как на ладони. Все ящики были не заперты, и их содержимое (канцелярская мелочь, налоговые таблицы, еще какая-то ерунда) я охватил одним взглядом. На самом столе тоже ничего интересного: телефон, настольная, по типу чертежной, лампа, стаканчик с карандашами и ручками, пресс-папье из зеленого стекла размером с бильярдный шар.

Кроме стола, в комнате находился большой, до самого потолка, платяной шкаф, в котором я обнаружил лишь каталоги и несколько жокейских костюмов, — другими словами, он был пуст. Вдоль стен стояли три картотечных шкафчика, два кожаных кресла и прямой деревянный стул с кожаным сиденьем. Я выдвинул незапертые ящики картотечных шкафчиков и быстро просмотрел их содержимое. Там хранились календари скачек, старые счета, квитанции, газетные вырезки, фотографии, сведения о тренируемых лошадях и их форме, письма от владельцев, записи расходов на фураж и снаряжение. Все это можно найти в конторе любого тренера.

Я взял со стола карандаши, вытащил из ящика лист бумаги и занялся текущими счетами. На каждую из семнадцати скаковых лошадей у Хамбера была заведена голубая папка с твердой обложкой. Там фиксировались все крупные и мелкие расходы, связанные с их содержанием и тренировкой. Я переписал их клички — кое-какие были мне известны, даты появления в конюшне, а также фамилии владельцев. Некоторые лошади провели здесь годы, но три поступили всего три месяца назад — на них и надо обратить внимание. Ведь из всех лошадей, получивших «поддержку» ни одна не провела у Хамбера больше четырех месяцев.

Вот их клички: Чин-Чин, Кандерстег и Метеорит. Первая принадлежала самому Хамберу, две другие — Эдамсу.

Я положил бухгалтерские книги на место и взглянул на часы. Могут пробыть здесь еще минут пятнадцать, не больше. Положив карандаш на стол, я сложил лист со списком лошадей и засунул его в свой пояс. Кармашки пояса постепенно наполнялись пятерками — тратиться мне было не на что, но, как и раньше, он плотно лежал на бедрах

и был совершенно не заметен. Я следил за тем, чтобы про пояс не узнал никто: меня бы в два счета ограбили.

Я быстро обшарил ящики с газетными вырезками и фотографиями, но ничего, связанного с одиннадцатью лошадьми, не нашел. Осмотр календаря скачек дал хоть какой-то результат: против Супермена в списках участников облегченного стипль-чеза на День благодарения стоял крестик.

Но ближайший по календарю стипль-чез в Седжфилде никак помечен не был.

Счастье улыбнулось мне, когда я рылся в ящике с квитанциями. На самом дне его лежала еще одна голубая папка, и в ней я нашел всех своих одиннадцать знакомцев — на каждую лошадь было отведено по две страницы.

Здесь были данные еще на девять лошадей, которым по разным причинам не удалось прийти к финишу первыми. Среди них — Супермен и Выпускник.

На левой странице разворота шла подробная «биография» лошади, на правой — все о заезде, в котором ей удалось победить благодаря помощи свыше. Внизу стояли суммы — видимо, выигрыши Хамбера. Каждый раз они составляли тысячи. На странице Супермена я прочитал: «Убыток: триста фунтов». Правая страница разворота, посвященного Выпускнику, была почти пуста. На ней стояло всего одно слово: «Уничтожен».

Каждую страницу перечеркивала диагональная линия, за исключением разворота, отведенного для лошади по кличке Шестиствольный. Хамбер подготовил также новую пару двойных страниц, для Кандерстега и Метеорита. Во всех трех случаях левые страницы он заполнил, правые были пустыми.

Я захлопнул папку и сунул ее на место. Оставаться здесь дальше было опасно. Я еще раз огляделся, убедился, что все в комнате на своих местах, и незаметно выскользнул за дверь. Потом пошел на кухню — а вдруг свершилось чудо и мне оставили хоть крошку от обеда? Увы, чуда не свершилось.

На следующее утро Мики исчез из конюшни, но Касс объяснил Джерри: Джуд отвез лошадь к другу Хамбера на побережье, чтобы она могла поплескаться в морской воде — ей надо укрепить ноги. Вечером ее привезут обратно. Наступил вечер, но Мики не появлялся.

В среду Хамбер снова уехал на скачки, и я снова решил пожертвовать обедом — очень хотелось заглянуть в его дом. Проникнуть внутрь оказалось просто — через открытую вентиляционную трубу, но ничего интересного я в доме не обнаружил.

Весь четверг я не находил себе места: Мики еще не привезли с побережья. В общем, с виду все вполне логично. От конюшни до моря всего двадцать километров, вряд ли найдется тренер, который не воспользуется такой возможностью. Морская вода очень полезна для ног лошадей. И все же... что-то ведь происходило с лошадьми в конюшне Хамбера, и это «что-то» позволяло впоследствии давать им допинг... Я терзался и мучался: вдруг Мики обрабатывают сейчас, в эту самую минуту, а я сижу здесь и теряю, может быть, единственный шанс докопаться до истины?

Из бухгалтерских книг я узнал, что Эдамсу в конюшне принадлежат четыре скаковые лошади плюс две охотничьи. Ни одна его скаковая лошадь не называлась здесь своей настоящей кличкой. Стало быть, Мики вполне мог оказаться любым из этой четверки... Например, Кандерстегом или Метеоритом. Скорее всего, так оно и есть, и беднягу

ждет участь Супермена. Не удивительно, что я потерял покой.

В пятницу одна лошадь должна была скакать в Хейдоке, и утром ее повезли туда в фургоне, взятом напрокат, а фургон Джуда и Хамбера оставался во дворе до самого обеда. Это само по себе было странным, и я на всякий случай засек показания спидометра.

Джуд увез фургон, когда мы сидели в кухне и давились набившей оскоминой бурдой. После обеда всех послали в конец трассы для галопа — поставить на место дерн, выбитый копытами из мягкой почвы за неделю активных тренировок. Когда к четырем часам мы вернулись, Мики уже стоял в своем деннике.

Я тут же залез в кабину фургона и еще раз посмотрел на спидометр. Машина прошла ровно двадцать семь километров. Стало быть, побережье здесь ни при чем.

Разделавшись с двумя скакунами, я взял щетку и вилы, вышел во двор и увидел, что у двери в деннике Мики стоит Джерри, а по щекам его текут слезы.

— Что случилось? — спросил я и прислонил к стене свои орудия труда.

— Мики... укусил меня, — просопел Джерри.

Бедняга весь трясся от боли и страха.

— Ну-ка покажи.

Я помог ему вытащить левую руку из свитера и осмотрел ее. На мякоти около плеча багровел круглый глубокий рубец. Так кусает злое, дикое животное.

Подошел Касс.

— В чем дело?

Но тут же увидел руку Джерри и все понял без объяснений. Он оглядел дверь денника Мики, повернулся к Джерри и сказал:

— Ноги у него здорово запущены, морской водой вылечить не удалось. Ветеринар сказал, что придется обмазать ему ноги блистером, сегодня днем и обмазал. Вот Мики и буянит немножко. Чего удивляться, тебе сделай прищепку из нарывного пластыря, ты тоже кусаться захочешь! А теперь хватит нюни распускать, иди к нему и делай свое дело. А ты, Дэн, марш к своей охотничьей и не суйся не в свои дела.

И он пошел вдоль ряда денников.

— Я не могу, — прошептал Джерри, обращаясь скорее к себе, а не ко мне.

— Ничего, справишься, — попытался подбодрить его я.

Он повернул ко мне перепуганное лицо.

— Он снова меня укусит.

— Не бойся, не укусит.

— Так и норовит укусить, так и норовит! А лягается как! У меня все поджилки трясутся.

Он стоял вытянувшись и весь тряся от страха. Я понял, что снова войти в денник — это действительно выше его сил.

— Ну ладно, — сказал я. — Я займусь Мики, а ты — моей охотничьей. Только смотри, Джерри, чтобы она у тебя была как новая. Завтра мистер Эдамс поскачет на ней охотиться, и я не хочу проползать на коленях еще одну субботу.

Он перестал трястись, на лице его появилась улыбка. Он с трудом надел свитер на укушенную руку, подхватил щетки и открыл дверь к моей охотничьей.

— А ты не скажешь Кассу? — озабоченно спросил он.

— Нет, — успокоил я его и отодвинул засов на двери денника Мики.

Лошадь была надежно привязана, на шее у нее красовался длинный деревянный ошейник-хо-

мут, который не позволял ей наклонить голову и сорвать повязки с передних ног. Если верить Кассу, под повязками ноги Мики обмазаны блистером, специальной едкой массой, которую применяют, чтобы лучше сокращались мускулы и укреплялись сухожилия. В общем-то, если сухожилия дохленькие, такой метод лечения считается вполне нормальным. Но вся штука в том, что у Мики с ногами, насколько я помню, все было в порядке. Крепкие ноги, лучше и не надо. Но сейчас они сильно болели — сомнений не было. Неужели это только из-за блистера?

Джерри не преувеличивал — Мики действительно был не в себе. Погладить его или хотя бы успокоить голосом я не мог — стоило мне приблизиться, как он начинал взбрыкивать задними ногами и показывать зубы. Осторожно, стараясь не заходить Мики за спину, я перестелил ему соломенную подстилку, принес сена и воды — он не обратил на них внимания, поменял попону, потому что старая вымокла от пота и ночью он бы замерз.

Есть Мики тоже ничего не стал — правда, его, наверное, устроил бы кусочек мяса. Нет уж, Мики, извини.

Я оставил его на ночь привязанным, а щетки Джерри сложил поближе к двери. Ничего, старина, может, к утру успокоишься.

Я заглянул в денник к своей черной охотничьей. Джерри, мурлыча что-то себе под нос, вылизывал ее волосок к волоску.

— Отлично, — искренне восхитился я. Лошадей Джерри чистил здорово — тут ему не было равных. На следующий день, к моему облегчению, Эдамс забрал своих лошадок без всяких придиорок, да и вообще не сказал мне ни слова.

* * *

К утру Мики лучше не стало. Наоборот. Когда Эдамс уехал, я подошел к Джерри и через полуоткрытую дверь заглянул в денник Мики. Несчастное животное умудрилось, несмотря на хомут, сорвать зубами повязку с одной ноги, и на сухожилии виднелась большая саднящая рана.

Глаза у Мики налились кровью, уши были плотно прижаты к голове, шея воинственно вытянулась вперед. Мышцы плеч и крупа тряслись словно в лихорадке. Черт возьми, он ведь опасен!

— Он спятил, — в ужасе прошептал Джерри.

— Бедняга.

— Неужели ты пойдешь к нему? — изумился Джерри. — Он же убьет тебя.

— Иди позови Касса, — велел я. — Нет, к Мики я не войду, по крайней мере, пусть сначала явится Касс и Хамбер тоже. — Иди и скажи Кассу, что Мики взбесился. Тогда он сразу придет.

Джерри исчез и вскоре вернулся с Кассом, который не мог решить: то ли Джерри все выдумал со страху, то ли дело действительно обстоит серьезно. Но как только Касс увидел Мики, он понял: тут не до шуток — и сразу побежал за Хамбером, велел Джерри ни в коем случае не открывать дверь.

Хамбер смотрел на Мики долго и внимательно. Потом перевел взгляд на Джерри — того снова затрясло от одной только мысли, что ему придется остаться с обезумевшей лошадейю один на один. Тогда Хамбер посмотрел на меня — я стоял у двери соседнего денника.

Он оглядел меня с ног до головы, еще раз смерил взглядом Джерри и наконец обернулся к Кассу.

— Пусть Рок и Уэббер поменяются лошадьми. И тот и другой — храбрые как зайцы, но Рок все-таки крупнее, сильнее и старше.

К тому же, мелькнуло вдруг у меня в голове, у Джерри отец и мать, которые, случись что, поднимут шум, а у Рока в графе «родственники» стоит одно коротенькое слово «нет».

— Один я туда не пойду, сэр, — запротестовал я. — Пусть Касс попрिдержит его вилами, тогда я все вычищу. — И то, подумал я про себя, нам обоим повезет, если Мики не проверит наши ребра на прочность.

К моему удивлению, Касс скороговоркой начал убеждать Хамбера, что если я боюсь заходить к Мики один, он пришлет мне на помощь кого-нибудь из конюхов. Хамбер, однако, не слушая ни его, ни меня, снова мрачно уставился на Мики.

Наконец он повернулся ко мне и сказал:

— Возьми ведро и иди к моей конторе.

— Пустое ведро, сэр?

— Да, — раздраженно бросил он, — пустое ведро.

Чуть припадая на ногу, он зашагал к вытянутому кирпичному домику. Я взял ведро из стойла моей охотничьей, пошел за Хамбером и остановился возле двери.

Хамбер вышел. В одной руке он держал банку для химикатов со стеклянной пробкой, в другой — чайную ложку. Банка была на три четверти заполнена белым порошком. Он жестом приказал мне поставить ведро и высыпал туда порошок — половину чайной ложки.

— Налей воды на треть, — велел он, — и поставь ведро Мики в кормушку, чтобы он не смог его перевернуть. Выпьет — сразу успокоится.

Он унес банку с ложкой обратно в контору, а я взял щепотку белого порошка со дна ведра и опустил в кармашек своего пояса, где лежал лист бумаги со списком лошадей Хамбера. Потом лизнул большой и указательный пальцы: порошок слегка горчил. Банка была с этикеткой, и я успел прочитать название: «Растворимый люминал». Интересно, зачем он держит его у себя в таком количестве?

Я налил в ведро воды, помешал рукой и вернулся к деннику Мики. Касс куда-то исчез. Джерри в другом конце конюшни занимался своей третьей лошастью. Я огляделся по сторонам — должен же кто-то мне помочь! — но все благоразумно скрылись с глаз. Ну уж, дураков нет, к Мики я один не пойду: такой героизм может дорого стоить...

Вскоре показался Хамбер.

— Давай вперед, — сказал мне он.

— Надо быть совсем чокнутым, чтобы идти туда одному, сэр, — угрюмо ответил я.

Он кинул на меня испепеляющий взгляд, но тут же понял, что настаивать бесполезно. Тогда он вдруг переложил палку в левую руку, а правой взял прислоненные к стене вилы.

— Давай, — хрипло повторил он. — Хватит сачковать. — Эти грозные орудия никак не вязались с его туалетом: одет он был, как всегда, словно сошел с обложки рекламного журнала. Ладно, только бы оказался решительным на деле, а не на словах.

Я отодвинул засов, и мы вошли в денник Мики. Я был несправедлив к Хамберу, когда подумал, что он струхнет и оставит меня одного. Он держался с обычным хладнокровием, словно страх был ему вообще не ведом. Он уверенно прижал Мики сначала к одному углу, потом к другому, а я тем временем вычистил денник и постелил

новую солому, собрал из кормушки несъеденную пищу и поставил туда ведро с разбавленным в воде успокоительным. Но Мики все время держал Хамбера в напряжении: зубами и копытами он действовал куда активнее и опаснее, чем вчера вечером.

Когда я все закончил, Хамбер велел мне выйти первым, потом вышел сам. Его тщательно отутюженный костюм даже не помялся.

Я захлопнул и запер дверь, стараясь изобразить на лице испуг. Хамбер с отвращением взглянул на меня.

— Рок, — насмешливо произнес он, — надеюсь, ты справишься с Мики, если он будет полусонным от лекарств?

— Да, сэр, — пробормотал я.

— Тогда, чтобы ты не растерял последние остатки смелости, будем ему несколько дней давать снотворное. Понесешь ему воду — зови Касса или меня, будем подсыпать в ведро снотворное. Ясно?

— Да, сэр.

— Все. — Он резко взмахнул рукой — разговор окончен.

Я отнес мешок с грязной соломой к навозной куче, высыпал его и как следует разглядел повязку, которую Мики сорвал с ноги. Блистер — это красноватая паста. На больной ноге Мики я, как ни старался, следов красной насты не заметил. А повязка должна пахнуть — и не пахла. Как же так? Ведь рана на ноге большая и глубокая...

В тот же день после обеда я, посадив за спину Джерри, на мотоцикле отправился в Поссет. Когда он с облегченной радостью занялся изучением отдела игрушек, я подошел к окошечку почты.

Меня ждало письмо от Октобера.

«Почему вы не прислали отчет за прошлую неделю? Держать нас в курсе дела — это ваш долг».

С перекошенным от злости ртом я разорвал листок на мелкие кусочки. «Долг». Я все еще оставался у Хамбера в его рабовладельческом государстве отнюдь не из чувства долга. Во-первых, из-за ослиного упрямства мне хотелось закончить начатое, а во-вторых, я действительно был бы рад вырвать английский стипль-чез из цепких лап Эдамса — это я совсем не для красного словца. А долг... Будь дело только в долге, я бы давно выплатил Октоберу его деньги и сделал ему ручкой.

Наверное, он еще сердится на меня из-за Пэтти. Я написал ответ.

«Ваш смиренный и послушный слуга сожалеет, что на прошлой неделе он не смог выполнить свой долг и сообщить вам о состоянии дел.

Имеется еще много неясностей, но почти наверняка известно следующее: ни одной из одиннадцати лошадей допинг впредь даваться не будет, а очередным победителем должна стать лошадь по кличке Шестиствольный. В настоящее время она принадлежит мистеру Хенри Уоддингтону из Льюиса, графство Суссекс.

Буду весьма признателен, если получу ответы на следующие вопросы:

1. Является ли завернутый в бумажку порошок растворимым люминалом?

2. Что известно об экстерьере скаковых лошадей Чин-Чин, Кандерстег и Метеорит?»

После почты мы с Джерри до отвала наелись в кафе. Я провел у Хамбера уже месяц и десять дней и за это время изрядно сбавил в весе.

Как следует набив желудок, я поднялся, зашел в магазин и купил там подробную карту окрестностей и два компаса.

Проходили дни. Снотворное, подмешиваемое в воду, действовало удовлетворительно, я ухажи-

вал за Мики и чистил его денник без особых трудностей. Касс снял повязку со второй ноги Мики — следов красной пасты там тоже не было. Но раны постепенно заживали.

Во вторник Хамбер бесцеремонно шмякнул Чарли по плечу своей палкой, и секунду я даже думал, что Чарли даст ему сдачи. Но под холодным взглядом Хамбера он сдержался, а на следующее утро получил еще более жестокий удар по тому же месту. Вечером его койка освободилась. За полтора месяца, что я провел здесь, он был уже четвертым, и от первоначальной шестерки моих коллег остались только Берг и Джерри. Приближалось время, когда первым в очереди за порцией «деревянной каши» буду стоять я.

В четверг во время вечернего обхода вместе с Хамбером появился Эдамс. Они остановились возле денника Мики, но внутрь заходить не стали, а просто заглянули через полуоткрытую дверь.

— Не входи туда, Поль, — предупредил Хамбер. — Он может выкинуть какой-нибудь номер. Даже снотворное не помогает.

Эдамс посмотрел на меня. Я стоял рядом с Мики.

— А что здесь делает цыган? Ведь за этой лошадейю ходил придурок! — Голос был сердитый и встревоженный.

Хамбер объяснил ему, что велел нам поменяться, потому что лошадь укусила Джерри. Эдамс продолжал хмуриться, но, видимо, решил высказать свое мнение, когда они останутся наедине.

— Как зовут цыгана? — спросил он.

— Рок, — ответил Хамбер.

— Ну-ка, Рок, выйди сюда.

— Поль, не забудь, что у нас и так одного конюха не хватает, — озабоченно напомнил Хамбер.

Эти слова мало меня успокоили. Не спуская глаз с Мики, я подошел к двери, выбрался наружу и тут же остановился, наклонив голову и опустив к земле плечи.

— Рок, — начал Эдамс сладким голосом, — на что ты тратишь свою получку?

— Выплачиваю рассрочку за мотоцикл, сэр.

— Рассрочку? Понятно. И сколько раз тебе еще осталось платить?

— Ну... раз пятнадцать, сэр.

— А если перестанешь платить, у тебя отберут мотоцикл?

— Да, сэр, могут отобрать.

— Значит, мистер Хамбер напрасно беспокоится, что ты можешь уйти от него?

Медленно, неохотно, но, между прочим, вполне честно я ответил:

— Напрасно, сэр.

— Отлично, — резюмировал Эдамс. — Значит, с этим вопросом все ясно. А теперь скажи, откуда у тебя хватает смелости ухаживать за нервной, полубезумной лошастью?

— Ей же дают успокоительное, сэр.

— Мы оба хорошо знаем, Рок, что если лошади дают успокоительное, то это еще ни о чем не говорит. Она все равно может быть очень опасной.

Я молчал. Если когда мне и требовалась подсказка свыше, так именно сейчас. Ну, где же она?

— Похоже, Рок, — мягко заговорил Эдамс, — ты не такой уж размазня, каким хочешь казаться. Похоже, на самом деле ты крепкий орешек, а. Рок?

— Нет, сэр, — беспомощно пролепетал я.

— Сейчас мы это проверим.

Он протянул руку в сторону Хамбера, и тот дал ему свою палку. Эдамс чуть отвел руку назад и очень ощутимо хрястнул меня по бедру.

Надо остановить его, иначе я вылечу из конюшни раньше срока. Надо продолжать играть в слабака — по-другому нельзя. Я вскрикнул и, словно обмякший, съехал вдоль стены на землю.

— Не бейте меня, сэр, не бейте! — закричал я. — Я принимаю таблетки. Я до смерти испугался Мики и в субботу спросил аптекаря в Поссете, нет ли у него каких-нибудь таблеток, чтобы стать храбрее, он сказал — есть, и я их теперь принимаю каждый день.

— Какие таблетки?! — воскликнул пораженный Эдамс.

— Транквил... не помню точно. Он сказал, но я не запомнил.

— Транквилизаторы?

— Вот-вот, точно, транквилизаторы. Только не бейте меня, сэр, правда, не бейте. Просто я до смерти испугался Мики, вот и все. Не бейте меня, сэр, не надо.

— Вот это номер! — Эдамс засмеялся. — Вот это номер! Надо же до такого додуматься. — Он вернул палку Хамберу, и они пошли дальше, к следующему деннику.

Я медленно поднялся и стряхнул со штанов грязь. Пропади все пропадом! Сколько еще я буду сносить унижения? Но сейчас другого выхода не было. Эх, гордость моя, почему так тяжело на душе, когда тебя топчут?..

Итак, теперь ясно, что продержаться я могу только на игре в слабость. У Эдамса был свой пунктик: если он встречал сильного духом человека, то считал делом чести подмять его, доказать, что он, Эдамс, сильнее. Хамбер ему подчинялся. Касс вообще ходил перед ними на цыпочках, к тому же они были его союзниками. И если я стану хоть как-то проявлять характер, что это даст? Ничего, разве что нахватаю синяков. А потом он

спросит себя: что этот парень не проваливает? Может, ему нравится, когда я бью его палкой? В мою басню с рассрочкой он долго верить не будет. Котелок у него варит быстро. Начнет задумываться, кто я такой, и сразу вспомнит — я пришел из конюшни Октобера. А Октябрь — это стюард, стало быть, его первый враг. Тут он вспомнит Томми Стэплтона. Человеку, когда над ним нависает угроза, свойственно обостренное чувство опасности, и Эдамс сразу насторожится. Он может поехать в Поссет на почту и в одну минуту проверить, что никаких денег я никуда не посылал, а аптекарь скажет ему, что слышит обо мне впервые в жизни. Для Эдамса страшна сама мысль о том, что я могу оказаться последователем Стэплтона. И уж как минимум, если он меня в чем-то заподозрит, на расследовании можно будет ставить крест.

Эдамс пока ничего не подозревал, и то, что за Мики теперь ухаживал не Джерри, а я, встревожило его чисто интуитивно. Но основания для тревоги были.

За долгие часы, проведенные с Мики один на один, я сумел понять, что с ним произошло. Постепенно, с учетом того, что я знал о получивших «поддержку» лошадях и о лошадях вообще, все стало на свои места. К дню моего столкновения с Эдамсом я уже приблизительно знал, в чем суть их с Хамбером дьявольского метода.

Приблизительно, но не точно. У меня была теория, но не было доказательств. Для подробностей и доказательств требовалось время, и если единственный способ заполучить его — это сидеть на земле и умолять Эдамса не бить меня... что ж, придется смириться. Но удовольствия в этом ох как мало!

Глава 12

Октобер прислал ответ, снова неумолимо сухой.

«Шестиствольный, по словам его нынешнего хозяина, для участия в облегченных стипль-чезах не заявлен. Значит ли это, что допинг ему давать не будут?»

Вот ответы на ваши вопросы:

1. Порошок — это растворимый люминал.

2. Экстерьер Чин-Чина: гнедой мерин, белая полоса вдоль носа, белый носок на левой передней ноге. Кандерстег: мерин, вороной с переливами, три белых носка — на обеих передних ногах и на правой задней. Метеорит: пегий мерин, на правой задней ноге белая полоса.

Я не в восторге от легкомысленного тона вашего письма. Надеюсь, ваша безответственность не повлияет на ход расследования».

«Безответственность». «Долг». Да, слова выбирать он умеет.

Я еще раз перечитал описания лошадей. Метеорит — это не кто иной, как Мики. Чин-Чин — это Доббин, один из двух моих скакунов, принадлежавших Хамберу. В Кандерстеге я узнал невзрачную, неуклюжую лошаденку по кличке Пожар, подопечную Берта.

Я разорвал письмо Октобера и написал ответ.

«После неудачи с Выпускником и Суперменом Шестиствольный остался единственным козырем в колоде, поэтому он может оказаться жертвой допинга в любом заезде.

На тот случай, если я вдруг вылечу из седла мотоцикла или попаду под машину, хочу сообщить, что на этой неделе я наконец понял, в чем суть плана Эдамса и Хамбера, но как они его выполняют — пока не знаю».

Дальше я написал, что стимулирующим средством, которое применяют Эдамс и Хамбер, все же является адреналин, потом объяснил, как, по моему мнению, он вводится в кровь лошадей.

«Как видите, прежде, чем предъявлять им обвинения, нужно еще кое-что доказать. Я сделаю все, чтобы довести свою работу до конца, но гарантировать этого не могу, потому что время против меня».

Пожалуй, стоит запастись транквилизаторами вдруг кому-то взбредет в голову проверить, покупал я их или нет. Я зашел в аптеку. Аптекарь наотрез отказался продать хоть какие-нибудь транквилизаторы — только по предписанию лечащего или зубного врача. Какая нелепость! Теперь Эдамс с Хамбером могут разоблачить меня в любой день. Грустно.

Мне пришлось разочаровать Джерри — свой обед в кафе я проглотил довольно быстро и сказал, что ему придется топать из Поссета пешком, у меня срочное дело. Я не лгал. Мне нужно было срочно ознакомиться с окрестностями.

Я выехал из Поссета и, остановив мотоцикл в укромном месте, вытащил карту. Я изучал ее всю прошлую неделю. С помощью карандаша и компасов я нанес на нее две концентрические окружности с конюшней Хамбера в центре. Внешний круг имел радиус тринадцать километров, внутренний — девять. Если Джуд, когда привозил Мики, никуда не сворачивал по дороге, значит, нужное место находится где-то между этими двумя линиями.

Некоторые направления, пожалуй, сразу можно отбросить: неподалеку находились открытые угольные разработки, а километрах в тринадцати к юго-востоку от конюшни Хамбера уже начинались окраины шахтерского городка Клеверинга. Зато с северной и западной сторон жилья довольно

мало — поросшие вереском холмы попеременно с небольшими долинами (в одной из таких лежала и конюшня Хамбера), кое-где попадаются участки плодородной земли, а так — километры и километры обдуваемой всеми ветрами пустоши.

Деревня Телбридж, где жил Эдамс, находилась в трех километрах за внешним кругом, поэтому я решил, что Мики держали где-то в другом месте. Но все равно, разумнее всего, наверное, начать поиски по линии, идущей от конюшни Хамбера к деревне Эдамса.

Мне вовсе не улыбалось, чтобы Эдамс засек меня на территории своей вотчины, поэтому я пристегнул шлем, а на глаза надел очки-консервы, в которых меня не узнали бы родные сестры. С Эдамсом мне, по счастью, встретиться не пришлось, а вот дом его я видел. Это оказалось массивное квадратное здание кремового цвета примерно начала XIX века, воротные столбы были украшены какими-то фантастическими фигурами. Оно заметно выделялось на фоне маленькой группки других зданий: церквушки, магазина, двух баров и косяка домишек, составлявших Телбридж.

На местной заправочной станции я заговорил об Эдамсе с парнишкой, наполнявшим мне бак.

— Мистер Эдамс? Да, он купил этот дом три-четыре года назад. Когда сэр Люкас, прежний хозяин, умер. У того и семьи-то не было, чтобы дом содержать.

— А теперь хозяйство ведет миссис Эдамс?

— Да нету у него никакой миссис Эдамс, — рассмехался паренек и тыльной стороной ладони откинул назад белокурую челку. — А вот девочек он водит, это бывает. Иногда прямо целый цветник у себя собирает. Но все девушки приличные, не подумайте чего плохого. Всякую рвань вроде нас он и на порог не пускает. И ежели ему что захочется,

тут уж вынь да положь, и точка. А до других людей ему и дела нет. В прошлую пятницу он в два часа ночи разбудил всю деревню — пришло ему, видишь ли, в голову колокольный перезвон устроить. Разбил окно в церкви, залез наверх... Каково? Но все, конечно, помалкивают — он же на деревню уйму денег тратит! И кормит многих, и поит, и заработать дает. Как он сюда переехал, всем полегче жить стало.

— И часто он такое выкидывает — звонит в колокола?

— Ну, с колоколами-то он в первый раз, а всякое другое случается. Не знаю, верить или нет, но люди говорят, что он выкинет какую-нибудь шутку — разобьет что или сломает, а потом платит хозяину, да прилично, — все и мирятся. Говорят, покуражиться ему надо, тут уж ничего не попишешь.

Он вздохнул, отсчитал сдачу и высыпал мелочь мне в ладонь. Я поблагодарил его и поехал дальше. Оказывается, неврастенику и самодуру очень многое может сойти с рук, если он широк в плечах, неглуп и богат.

Место, где несколько дней держали Мики, я найду только по счастливой случайности. Его могли держать в любом сарае, амбаре или флигельке. И уж совсем не обязательно в конюшне, даже скорее всего не в конюшне. Собственно, уверен я был только в одном: это где-то на отшибе, подальше от любопытных глаз и ушей. Но в том-то и беда, что в этой части Дарема деревни были разбросаны далеко друг от друга, и мест на отшибе, вдали от любопытных глаз и ушей, здесь хватало.

Кандерстег занесен Хамбером в специальную, спрятанную подальше книгу, и я готов дать голову на отсечение, что в один прекрасный день его повезут туда же, куда возили Мики — Метеорита.

Может, я и тогда не найду это место, но нелишне иметь хоть какое-то представление об окрестностях.

Прошло воскресенье, потом понедельник. Лучше Мики не становилось. Раны на ногах, правда, заживали, но он все равно был очень опасен — лекарства не помогали. Кроме того, он начал сбавлять в весе. Иметь дело с лошадьёю в таком состоянии мне не доводилось, но опыт подсказывал — Мики не поправится, и, стало быть, Эдамс с Хамбером снова выстрелили вхолостую.

Я видел, что Хамбер и Касс тоже не в восторге от его вида, хотя Хамбер, казалось, был больше раздражен, чем взволнован. Как-то утром появился Эдамс, я в это время убирал в деннике у Доббина и через двор украдкой поглядывал на них. Они стояли и смотрели на Мики. Касс зашел к нему в денник, тут же вернулся и покачал головой, Эдамс был взбешен.

Он взял Хамбера за руку, и они пошли к конторе, о чем-то вроде бы споря. Эх, если бы я мог подслушать их разговор!

Во вторник утром мне вдруг пришло письмо, отправленное из Дарема, и я смотрел на него, не веря своим глазам: во-первых, почти никто не знает, что я здесь; во-вторых, кому вообще понадобилось писать мне? Я положил его в карман, чтобы раскрыть в одиночестве, и позже похвалил себя за это: письмо было от старшей дочери Октобера. Вот это да!

Письмо она отправила с территории своего университета. Вот что я прочитал:

«Уважаемый Дэниэл Рок!

У меня к вам большая просьба: пожалуйста, заедьте ко мне в любой день на этой неделе. Мне нужно с Вами поговорить.

Искренне Ваша

Элинора Таррен».

Наверное, Октябрь передал для меня какие-то сведения или хочет мне что-то показать, а возможно, будет лично, но не решился написать сюда напрямую. Интересно! Я попросил Касса отпустить меня на подня и получил отказ. Только в субботу, сказал он, да и то если не будет никаких нареканий.

Как бы не было поздно! Ведь до субботы еще далеко, к тому же она может на выходные собраться в Йоркшир. Во вторник после ужина я пошел в Поссет и написал ей, что приехать смогу только в субботу.

В субботу утром мне досталось шесть лошадей: на место Чарли пока никого не взяли, а Джерри уехал с Роскошным на скачки. Эдамс, как всегда, приехал последить за погрузкой своих охотничьих и поговорить с Хамбером. На меня тратить время и энергию не стал — слава Богу. Он провел в конюшне двадцать минут и десять из них — возле денника Мики, с перекошенным от злости лицом.

Временами на Касса что-то находило, и он вдруг добрел. Вот и в тот день он взялся помочь мне закончить работу до обеда — помнил, что я у него отпрашивался. Я удивился, но поблагодарил его за помощь, а он: сейчас, мол, всем приходится пахать сверх нормы (кроме него, кстати говоря), одного конюха не хватает, а скулю я меньше других. Да, это ошибка, изображать из себя бессловесную скотину — тоже не дело.

Я помылся, насколько позволяли условия: нужно было согреть воду в чайнике, потом поливать на себя в белую раковину. Побрился тщательнее обычного, глядя на себя в засиженный мухами осколок зеркала, а вокруг толкались парни, собиравшиеся в Поссет.

Туалеты, в которых было бы не стыдно появиться на территории женского колледжа, остались в шкафу у Октобера. Я вздохнул, натянул черный, со стоячим воротником свитер, цвета воронова крыла брюки-дудочки, черную кожаную куртку. Потом посмотрел на свои остроносые туфли. Нет, только не это. Я как следует поскреб во дворе под краном сапоги и надел их.

Что ж, какой есть, такой есть. Я пожал плечами, снял с мотоцикла полиэтилен и помчался в Дарем.

Глава 13

Колледж стоял около солидной дороги в три полосы, в одном ряду с другими внушительными зданиями, сразу чувствовалось — здесь грызут науку. Я подрулил к стоянке и поставил мотоцикл возле длинной шеренги велосипедов. За велосипедами — шесть или семь маленьких машин, и среди них — красный двухместный «жучок» Элинора.

Я подошел к большой дубовой двери с табличкой «Студентки» и открыл ее. Справа за столиком привратника сидел угрюмый мужчина средних лет и смотрел в какой-то список.

— Простите, — обратился к нему я, — подскажите, пожалуйста, где найти леди Элинора Таррен?

Он спросил мою фамилию и медленно стал водить пальцем по списку.

— «Дэниэл Рок — к мисс Таррен. Пожалуйста, проводите до комнаты». Все верно. Идемте.

Мы пошли по длинным коридорам со многими поворотами — без провожатого я, пожалуй, и вправду бы заблудился. Вдоль обеих стен двери, на каждой, в металлической окантовке, табличка с фамилией или каким-нибудь названием. Наконец, поднявшись на два лестничных марша и сделав

еще несколько поворотов, мы остановились около одной двери.

— Вот, пожалуйста, — произнес привратник ровным тоном. — Это комната мисс Таррен.

На табличке было написано: «Мисс Э.С. Таррен». Я постучал. Мисс Э.С. Таррен открыла дверь.

— Входите, — пригласила она без улыбки.

Я вошел, и она закрыла за мной дверь. Я молча оглядывал ее комнату. Я так привык к убогости своего жилища у Хамбера, что был слегка ошарашен — забыл, что бывают комнаты с занавесями, ковром на полу, мягкими креслами, диванами, подушками и цветами. Большой стол, заваленный книгами и бумагами, книжная полка, кровать с голубым покрывалом, комод, высокий стенной шкаф, два кресла. Приятная комната, уютная. Работать в такой — одно удовольствие. Будь у меня сейчас время задуматься, я, наверное, испытал бы зависть. Ведь именно все это я потерял из-за внезапной смерти моих родителей — лишиться возможности учиться.

— Садитесь, пожалуйста. — Она указала на одно из кресел.

— Спасибо.

Она села напротив, но смотрела почему-то не на меня, а в пол. Серьезное лицо, даже нахмуренное, — похоже, Октябрь просил ее сообщить мне что-то малоприятное.

— Я попросила вас приехать, — начала она, — потому что должна извиниться перед вами, а это, оказывается, не так легко.

— Извиниться? — озадаченно пробормотал я. — Но за что?

— За мою сестру.

— Не надо, — решительно возразил я. За последние месяцы я снес столько унижений, что оказаться в положении униженного не желал никому.

Она покачала головой.

— Это ужасно. — Она глотнула. — Это ужасно, но моя семья обошлась с вами непорядочно.

В тусклом свете солнечных лучей, пробивавшихся с улицы, ее серебристо-светлые волосы мерцали словно нимб. На ней было темно-зеленое платье без рукавов, а под ним — ярко-красный свитер. Выглядела она броско и нарядно, только не надо пялиться на нее — ей едва ли станет легче. Значит, никакого приказа об экзекуции от Октобера не было. У меня словно камень с души свалился. Я сказал:

— Пожалуйста, не тревожьтесь об этом.

— Не тревожиться? — воскликнула она. — Как же я могу не тревожиться?! Я знала, за что вас уволили, и сама несколько раз говорила отцу, что вас надо посадить в тюрьму. И вдруг оказывается, что вся эта история — сплошная выдумка! Как же я могу не тревожиться? Ведь все считают, что вы совершили мерзкое преступление, а на самом деле ничего не было!

В голосе ее слышалось неподдельное волнение. Она действительно переживала, что в ее семье совершился такой несправедливый поступок. Она чувствовала себя виноватой просто потому, что Пэтти была ее сестрой. Уже за одно это она мне нравилась. Впрочем, я ведь и раньше знал, что Элинора — чудесная девушка.

— Как вы обо всем узнали? — спросил я.

— Пэтти сама рассказала мне в прошлое воскресенье. Мы просто сидели и болтали, как обычно. Раньше она о вас ничего не говорила, всегда отнекивалась, а тут вдруг засмеялась и так это между прочим все мне рассказала — подумаешь, мол, дело прошлое. Конечно, я знаю, она... бывает близка с мужчинами, так уж она создана. Но

это... Я была в ужасе. Я поначалу ей даже не поверила.

— Что она вам рассказала?

Она помедлила, потом чуть дрожащим голосом продолжала:

— Что хотела заняться с вами любовью, а вы отказались... Что показала вам свое тело, а вы просто велели ей одеться. Тогда она разъярилась как тигрица и весь день думала, как бы вам отомстить, а в воскресенье утром выжала побольше слез, пошла к отцу и... сказала ему, что...

— Что ж, — с легким сердцем заметил я, — на сей раз она все изобразила более или менее точно. — Я засмеялся.

— Я сразу пошла к отцу и сказала, что Пэтти вас оклеветала. Раньше я никогда не посвящала отца в ее любовные интрижки, но тут совсем другое дело... В общем, в воскресенье после обеда я все ему рассказала. — Она заколебалась. Я ждал. Решившись, она продолжала: — Он как-то странно к этому отнесся — словно и не удивился. Во всяком случае, не ужаснулся, как я. Просто как-то вдруг сразу устал — так бывает, когда услышишь дурные вести. А когда я ему сказала, что единственный способ исправить положение — это предложить вам вашу работу обратно, он наотрез отказался. Я с ним спорила, пыталась убедить — он был непреклонен. Он даже не хочет сказать мистеру Инскипу, что вас уволили по ошибке, да и меня попросил никому слова Пэтти не пересказывать. Это так несправедливо! — пылко заключила она. — Но я решила, что если уж никто об этом знать не должен, знайте хоть вы. Вам, наверное, не легче от того, что я и отец узнали наконец правду, но я хочу, чтобы вы знали: мне очень, очень стыдно за свою сестру, за то, что она сделала.

Я улыбнулся ей. Ее серые глаза смотрели прямо на меня, и я увидел в них искреннее, глубокое сожаление. Она принимает коварство Пэтти так близко к сердцу еще и потому, что считает: жертвой оказался ни в чем не повинный, беззащитный конюх.

Разумеется, Октобер не мог объявить во всеуслышание, что я — невинный ягненок, даже если бы очень этого хотел (что, кстати, сомнительно): такая новость быстро долетела бы до Хамбера.

— То, что вы сейчас рассказали, для меня ценнее всякой работы. Мне так хотелось, чтобы ваш отец поверил, что я ничего вашей сестре не сделал! Ваш отец мне нравится, я уважаю его. А снова взять меня на работу он не может, тут он прав. Это все равно, что сказать вслух: моя дочь — лгунья, а то и еще кое-что. Поэтому лучше оставим все как есть.

Какое-то время она молча смотрела на меня. На лице ее отразилось облегчение, потом удивление и, наконец, недоумение.

— Вы хотите какую-нибудь компенсацию?

— Нет.

— Я вас не понимаю.

— Всего не объяснишь. — Я с неохотой поднялся.

— Пожалуй, буду двигаться. Спасибо, что пригласили приехать. Я знаю, что вы всю неделю промучились — готовились к разговору со мной, и, поверьте, я очень вам за все благодарен, так, что и словами не выразишь.

Она взглянула на часы, поколебалась.

— Время сейчас как будто не совсем подходящее, но, может, все же выпьете чашечку кофе? Все-таки приехали издалека.

— С большим удовольствием, — не стал отказываться я.

— Вот и хорошо... Тогда посидите, я приготовлю.

Она открыла стенной шкаф, в одном углу которого я увидел раковину с зеркалом, а в другом — маленькую газовую плиту и полки для посуды. Она налила чайник, зажгла горелку, поставила на низкий столик между двумя креслами чашки и блюдца. Все ее движения были рациональными и в то же время изящными. Девушка без лишних комплексов. В стенах колледжа, где голова ценится больше родословной, она своим титулом не пользуется — уверена в себе. Не постеснялась пригласить в комнату какого-то несчастного конюха да еще предложила ему остаться на чашечку кофе, хотя без этого можно было обойтись, разве что из вежливости. Молодец.

Я поднялся, шагнул было к книжным полкам и вдруг оказался лицом к лицу со своим отражением в зеркальной двери комода.

Я задумчиво смотрел на себя. Собственно говоря, последний раз я видел себя в полный рост несколько месяцев назад, в лондонском доме Октобера, и, пожалуй, сейчас впервые смотрел на конюха Дэна со стороны. Время сделало свое дело.

Волосы сильно отросли, бачки кустились уже ниже мочки уха. Мой австралийский загар давно вылинял, и кожа стала какой-то бледно-желтой. Лицо застывшее, напряженное, во взгляде — подозрительность. Раньше я за собой такого не замечал. Кроме того, я был одет в черное с ног до головы и едва ли внушал доверие. Скорее, так выглядят люди, опасные для общества.

Я увидел в зеркале ее отражение: она смотрела на меня.

— Кажется, вам не очень нравится, как вы выглядите, — сказала она.

Я обернулся.

— Вы правы, — с кривой улыбкой ответил я. — Кому такое может понравиться?

— Как сказать... — Она вдруг лукаво улыбнулась. — К примеру, выпусти вас гулять по нашим коридорам... Впрочем, если вы не догадываетесь, какое впечатление... Может, кто-то и дал бы от ворот поворот, но вообще-то, я начинаю понимать, почему Пэтти хотела... то есть... что она... — И в полном смущении Элинор умолкла.

— Чайник кипит, — вовремя нашелся я.

С облегчением она повернулась ко мне спиной и занялась кофе. Я подошел к окну и, прижавшись лбом к холодному стеклу, принялся смотреть на пустынный двор.

Итак, это снова случилось. Несмотря на немислимую одежду, несмотря на кажущуюся бесчестность. По какой случайности судьба наделила меня какой-то привлекательной формой черепа? Я задавал себе этот вопрос, наверное, в тысячный раз. Каждый раз, когда приходилось вспоминать о своей внешности, я чувствовал себя неловко. Бывало, она обходилась мне дорого. Я потерял по крайней мере двух богатых клиентов: им не понравилось, что их жены смотрели не столько на лошадей, сколько на меня.

Но у Элинор это, скорее всего, просто минутное затмение. Она слишком разумна и, конечно, не позволит себе завести интригу с бывшим конюхом своего отца. Что до меня... нет, руки прочь от сестер Таррен, от обеих. Только что вырвался из огня и сразу в полымя! Увольте. Жаль, конечно. Элинор мне нравилась.

— Кофе готов, — объявила она.

Я вернулся к столику. Она взяла себя в руки. Предательских озорных огоньков в глазах уже не было, она даже как-то посуровела, — наверное, жа-

леет о своих словах и вообще не хочет, чтобы я вдруг воспользовался ее минутной слабостью.

Она протянула мне чашечку, предложила печенье, и я не стал отказываться — ведь на обед у Хамбера я съел кусок хлеба с маргарином и жестким, безвкусным сыром, да и ужин будет не лучше. По субботам всегда так. Хамбер прекрасно знал, что мы набиваем желудки в Поссете...

Мы степенно поговорили о лошадях ее отца. Я спросил, как поживает Искрометный. Все отлично, сказала она, спасибо.

— Я вырезала о нем заметку из газеты. Хотите посмотреть? — спросила она.

— Да, интересно.

Я вместе с ней подошел к столу. Она открыла ящик, полный бумаг и всякой всячины.

— Должна быть где-то здесь. — И Элинор начала выкладывать бумаги на крышку стола.

— Не беспокоились бы вы, — вежливо сказал я.

— Нет-нет, я хочу ее найти. — Она выложила на стол горстку каких-то мелких предметов.

Среди них я увидел небольшую, чуть короче указательного пальца, хромированную трубку с цепочкой-петлей от одного конца до другого. Где-то я такую штуку видел. И не один раз. Но где? Кажется, что-то связанное с выпивкой.

— Что это такое? — спросил я.

— Где? А-а, это бесшумный свисток. — Она продолжала рыться в ящике. — Для собак, — пояснила она.

Я взял трубочку в руки. Бесшумный свисток для собак. Но почему я решил, что он имеет отношение к бутылкам, стаканам?.. И вдруг все поплыло у меня перед глазами... Мой мозг, словно хищный зверь, кинулся на свою жертву. Неужели Эдамс и Хамбер наконец-то в моих руках? В висках забилась кровь.

Все просто. Все предельно просто. Разъемная, из двух частей, трубочка, один конец ее — тонкий свисток, другой — крышка. Соединяет их маленькая цепочка. Я поднес крошечный мундштучок к губам и дунул. Раздался тонюсенький, едва уловимый звук.

— Человек его слышит плохо, — объяснила Элинор, — зато собака — отлично. А подрегулировать — он и для человеческого уха будет свистеть громко. — Она взяла у меня свисток и что-то в нем подкрутила. — Дуньте теперь.

Я дунул. Звук почти как у обычного свистка.

— Вы не одолжите мне его на некоторое время? — спросил я. — Если он вам не нужен. Я... хочу провести один эксперимент.

— Конечно, берите. Моя любимая овчарка состарилась, пришлось еще прошлой весной ее отдать. С тех пор я свистком не пользовалась. Но вы мне его вернете? К лету я заведу себе щенка, и свисток понадобится для дрессировки.

— Верну, не сомневайтесь.

— Ну и хорошо. А вот и заметка.

Я взял полоску газетной бумаги, по слова прыгали у меня перед глазами. Я видел только одно: бар для напитков в чудовищно огромной машине Хамбера, полочки с пешней для льда, щипцами и какими-то мелкими хромированными предметами. Я никогда не присматривался к ним, так, видел краем глаза. Но один из этих предметов был трубочкой с цепью-петелькой от одного конца до другого. Один из этих предметов — бесшумный свисток для собак.

Пересилив себя, я все же прочитал заметку об Искрометном и поблагодарил Элинор, что нашла ее.

Потом засунул свисток в пояс для денег и взглянул на часы. Дело шло к четверем. Уже немало опаздываю.

Да, Элинор оказала мне две великие услуги: восстановила мое доброе имя в глазах Октобера и дала свисток.

— Вы знаете, — робко сказала она, — это, конечно, не мое дело, но мне кажется, что вы могли бы добиться в жизни чего-то большего. По-моему, вы — человек с головой. И все же работаете в конюшне?

— Работаю в конюшне потому, что эта работа — единственная, какую я могу делать хорошо.

И это была чистая, хотя и чуть горькая, правда.

— И всю жизнь проработаете с лошадьми?

— Думаю, что да.

— И будете довольны?

— Наверное.

— Честно говоря, не думала, что наша встреча пройдет так хорошо, — вдруг призналась она. — Я ее ужасно боялась. А все было так мило и просто.

— И слава Богу, — весело заключил я.

Она улыбнулась. Я шагнул к двери и уже открыл ее, но она сказала:

— Лучше я вас провожу. Наверное, архитектор, строивший это здание, был помешан на лабиринтах. Посетители уйдут, а через несколько дней их, умирающих от жажды, находят где-нибудь в верхних пролетах — никак не могли найти дорогу к выходу.

Я засмеялся. Она шла рядом со мной по изогнутым коридорам, вниз по ступенькам — прямо до двери на улицу. Непринужденно болтала о своей жизни в колледже, держалась со мной как с равным. Правда, до чего милая девушка! На ступеньках она протянула мне руку.

— До свидания, — сказала она. — Жаль, что Пэгги попортила вам столько крови.

— А мне не жаль. Ведь иначе я бы сегодня здесь не оказался.

Она засмеялась.

— Вам это дорого обошлось.

— Стоит того.

Я сел на мотоцикл, застегнул шлем, а она стояла и смотрела на меня. Потом быстро махнула рукой и исчезла за дверью.

Глава 14

На обратном пути я остановился в Поссете — может, Октябрь уже как-то откликнулся на теорию, которую я предложил в прошлом письме? Но для меня ничего не было.

К началу вечерней работы я уже опоздал, но все равно решил черкнуть Октоберу несколько строк. Я постоянно помнил о Томми Стэплтоне: он умер и унес в могилу все, что знал. Я эту ошибку повторять не собираюсь. Да и умирать, правду говоря, не хотелось бы. Я быстро заскрипел пером:

«Мне кажется, роль спускового крючка играет бесшумный свисток, какими дрессируют собак. Такой свисток лежит у Хамбера в баре его автомобиля. Помните Выпускника? В Картмеле по утрам в день скачек устраиваются собачьи бега».

Я отправил письмо, купил большую плитку шоколада — будет чем подкрепиться — и комикс для Джерри. В конюшню я хотел прокрасться незамеченным, но Касс меня засек и с кислой миной пообещал, что в следующую субботу вообще никуда не пустит и скажет об опоздании Хамберу. Я горестно вздохнул и пошел к своим лошадям. Работы было непочатый край, и холодная, мрачная, тягостная атмосфера, всегда царившая в конюшне Хамбера, стала снова просачиваться в мои кости.

Но сейчас все было иначе. В поясе у меня, словно бомба, лежал свисток. Если его найдут, моя песенка спета. А может, я и ошибаюсь. Может, вся моя теория — липа? Ее еще надо доказать.

Томми Стэплтон, наверное, обо всем догадался и явился прямо к Хамберу со своими обвинениями. Откуда ему было знать, что эти люди способны на убийство? Зато теперь это знал я.

В воскресенье часов около пяти во двор конюшни на своем сером сверкающем «ягуаре» въехал Эдамс. Как всегда при его появлении, сердце у меня упало. Совершая с Хамбером обычный обход конюшни, он остановился возле денника Мики.

— Как твое мнение, Хедли? — спросил он у Хамбера.

Тот пожал плечами.

— Улучшения нет.

— Будем списывать?

— Да, наверное. — В голосе Хамбера слышалось огорчение.

— Черт знает что такое! — выругался Эдамс. Тут он посмотрел на меня: — Все пичкаешь себя транквилизаторами?

— Да, сэр.

Он загоготал. Ему это казалось забавным. Но тут же его лицо перекосила гримаса, и он круто повернулся к Хамберу.

— Он не оправится, я вижу. Придется его кончать.

Хамбер посмотрел куда-то в сторону и сказал:

— Ладно, завтра все сделаем.

Они пошли к следующему деннику. Я взглянул на Мики. Я делал для него все, что мог, но спасти его уже не удастся, да он и был обречен с самого начала. Две недели он жил с помутившимся рассудком, одурманенный лекарствами, и почти ничего не ел — на него было больно смотреть. У Хамбера

каменное сердце. Любой другой на его месте давным-давно избавил бы животное от страданий. И все же завтра Мики ждет смерть. А ведь он еще должен помочь мне провести эксперимент.

Готов ли я к нему? Я убирал на ночь щетки, шел через двор к кухне, а сам все выискивал отговорку, как бы этот эксперимент отложить.

Хорошая отговорка была тут как тут, и я вдруг ощутил во рту неприятный привкус: я понял, что впервые, если не считать детства, я по-настоящему напуган.

Провести эксперимент может и Октябрь, думал я. Например, над Шестиствольным. Да над любой из остальных лошадей. Совсем не обязательно это делать мне. Так будет только благоразумнее. Октябрь все сделает без малейшего риска. Если же Хамбер застукает на этом меня, я могу смело записывать себя в покойники. Стало быть, пусть эксперимент проводит Октябрь.

Вот тут я и понял, что боюсь, и это мне не понравилось. Весь вечер я думал об этом и наконец решил: все сделаю сам. Завтра утром. Конечно, благоразумнее переложить эту операцию на плечи Октября, но что я потом буду думать о себе? Ведь, в конце концов, для чего я вообще взялся за эту работу, уехал из дому? Чтобы выяснить, на что я способен. Разве нет?

На следующее утро я с ведром подошел к дверям конторы за последней порцией люминала для Мики. Банка была почти пуста. Касс опрокинул ее вверх дном и постучал по краю ведра — высыпать последние крупички белого порошка.

— Вот и все, что ему причитается, бедняге, — заметил он, закрывая пробкой пустую банку. — Жалко, больше нету, а то дали бы ему хоть сегодня двойную дозу — все меньше бы мучился. Ну, давай пошевеливайся, — грубо добавил

он. — Нечего тут траур разводить. Тебя, что ли, сегодня пристрелят?

Уж надеюсь, что не меня.

Я подошел к крану, плеснул в ведро немного воды, чуть взболтал ее, и люминал мгновенно растворился. Я выплеснул воду с лекарствами в сток, налил в ведро чистой воды и пошел напоить Мики.

Он умирал на глазах. Кости резко выпирали под кожей, голова висела ниже плеч. Я поставил перед ним ведро, и он даже не дернулся укусить меня, просто еще ниже опустил голову и безучастно сделал несколько глотков. Я запер его и пошел к другим своим лошадям.

...Проскакали по трассе один раз, потом другой. Наверное, мозг Мики без привычной утренней дозы уже освободился от дурмана.

Мы вернулись в конюшню, я вел Доббина и поверх двери денника глянул на Мики. Голова его слабо качалась из стороны в сторону, он был неспокоен. Несчастное животное. А ведь мне придется на какое-то время усилить твои страдания.

Хамбер стоял у дверей конторы и разговаривал с Кассом. Парни сновали взад-вперед, делали что-то для своих лошадей, гремели ведрами, громко обращались друг к другу — стоял обычный конюшенный шум. Лучше обстановки и не придумать.

Я повел Доббина через двор к его деннику. На полпути вытащил из пояса свисток и снял крышку. Огляделся — кажется, никто на меня не смотрит. Чуть склонил голову к плечу, поднес крошечный свисток к губам — и сильно дунул. Раздался тонюсенький звук, такой высокий, что за цоканьем копыт Доббина едва его различил.

Реакция была мгновенной и ужасающей.

Мики заржал — громко, дико, страшно.

Он яростно забил копытами — по полу и стенам, загромычала державшая его цепь.

Я быстро довел Доббина до места, пристегнул цепь, спрятал свисток в пояс и побежал к деннику Мики. Туда же бежали остальные. Чуть прихрамывая, быстро семеня Хамбер.

Я заглянул в денник через головы Сесла и Пенни — Мики ржал и молотил копытами по стене. Обезумевшее животное стояло на задних ногах, а передними старалось разрушить кирпичную кладку и вырваться наружу. Потом вдруг, собрав слабеющие силы, Мики опустил передние ноги и продолжал атаку задними.

— Берегитесь! — закричал Сесл и инстинктивно подался назад, чтобы два бешеных молота не задела его, хотя за прочной дверью он был в безопасности.

Цепь, державшая Мики, была короткой. Он натянул ее до отказа, и вдруг все услышали леденящий душу хруст. Рывок назад прервался — резко, пугающе.

Задние ноги Мики скользнули под живот, и он с шумом повалился на бок. Передние ноги неуклюже дернулись. Голова в крепком хомуте как-то странно приподнялась над землей на натянутой цепи. Впрочем, ничего странного не было — Мики сломал себе шею.

Все собрались вокруг денника Мики. Хамбер коротко взглянул на мертвую лошадь, потом повернулся и хмуро уставился на свою команду — шесть конюхов-отщепенцев. Глаза его сузились. Под этим колючим взглядом все словно лишились дара речи. Наступила тишина.

— Встаньте в линию, — вдруг приказал он.

Конюхи выполнили приказание.

— Выверните карманы, — велел Хамбер.

Озадаченные конюхи вывернули карманы. Касс пошел вдоль шеренги, проверяя каждого, а потом еще вытягивал карманы наружу — убедиться, что они пусты. Когда он подошел ко мне, я показал ему замусоленный носовой платок, перочинный ножик, несколько монет, потом вывернул карманы наружу. Он взял у меня платок, встряхнул его и вернул обратно. Его пальцы едва не коснулись лежавшего в поясе свистка.

В нескольких метрах от меня стоял Хамбер. Я чувствовал, как он буравит меня взглядом, и постарался изобразить на своем лице расслабленную беззаботность и смутное удивление. Меня не прошиб пот, руки не сжались в кулаки. Близость опасности каким-то чудесным образом успокоила меня, прояснила сознание. Не знаю, почему так получилось, но держался я отменно.

— Задний карман? — спросил Касс.

— Пустой, — беспечно откликнулся я, чуть поворачиваясь к нему спиной.

— Ладно. Теперь ты, Кеннет.

Я запихнул карманы внутрь и сунул свои сокровища на место. Руки совсем не дрожали. Поразительно.

Хамбер стоял и ждал. Наконец выяснилось, что карманы Кеннета тоже ни в чем не повинны. Тогда он посмотрел на Касса и кивнул в сторону денников. Касс быстро обшарил денники лошадей, которых мы только что объезжали. Выйдя из последнего, он отрицательно покачал головой. Хамбер молча указал на гараж — там стоял его «бентли». Касс исчез, быстро вернулся и снова неопределенно покачал головой. В полной тишине Хамбер, опираясь на тяжелую палку, захромал к своей конторе.

Слышать свисток он не мог — это ясно. И, конечно, не думал, что кто-то из нас дунул в него

специально — посмотреть, как поведет себя Мики. Будь у него хоть малейшее подозрение, он заставил бы нас раздеться и обыскал с ног до головы. Нет, он думал, что смерть Мики — это просто несчастный случай. А раз свистка не оказалось ни в денниках, ни в карманах конюхов, значит, он решит: шторм в мозгу Мики разразился без помощи этих обиженных богом вырожденков. По крайней мере, хотелось в это верить. И если Эдамс с такой версией согласится, я могу спать спокойно.

В этот день была моя очередь мыть машину. Вот он, свисток Хамбера, за кожаной полоской, рядом с пробочником и щипцами для льда. Я только посмотрел на него, трогать не стал.

* * *

На следующий день приехал Эдамс.

Тушу Мики уже успели отвезти к мяснику, который немного поворчал насчет худобы лошади.

Эдамс с Хамбером подошли к опустевшему деннику Мики и, опершись о приоткрытую дверь, стали о чем-то разговаривать. Джерри высунулся из соседнего денника, увидел их и тут же спрятался обратно. Я спокойно занимался своим делом: принес Доббину воды и сена, увез на тележке мешок с навозом.

— Рок! — позвал вдруг Хамбер. — Иди сюда. Живо!

Я подбежал к ним.

— Да, сэр?

— Ты не вычистил этот денник.

— Виноват, сэр. После обеда вычищу.

— Вычистишь, — размеренно произнес он, — только до обеда.

Он прекрасно знал: это значило вообще остаться без обеда. Я поднял на него глаза. Он смотрел на меня оценивающе, сузив глаза и поджав губы.

Я опустил голову.

— Хорошо, сэр, — проямлил я. Черт подери, они взялись за меня слишком рано. Я провел здесь неполных два месяца и был вправе рассчитывать еще недели на три. Если Хамбер решил, что мой черед уже настал, я просто не смогу закончить работу.

— Для начала, — вступил Эдамс, — возьми в деннике ведро и унеси его.

Я заглянул внутрь. Ведро Мики еще стояло рядом с кормушкой. Я открыл дверь, подошел к ведру, поднял его, обернулся и хотел было выйти, но замер на месте.

Следом за мной в денник вошел Эдамс. Он держал в руке тяжелую палку Хамбера. И улыбался.

Я выронил ведро и попятился в угол.

Он взмахнул рукой, и удар пришелся по ребрам. Ударил он концом с набалдашником, и, по совести говоря, довольно сильно. Тут же поднял руку снова, но я нырнул под нее и пулей вылетел за дверь. Он загоготал мне вслед.

Отбежав на приличное расстояние, я перешел на шаг и потер ушибленное место. Синяк будет приличный. Худо, если они начнут пересчитывать мне ребра. Но вроде бы они решили избавиться от меня обычным путем — и на том спасибо. Уж лучше так, чем кувыркаться с горы в горячей машине.

Долгий остаток дня я, полуголодный, провел в размышлениях. Как лучше поступить? Уйти сейчас же, закрыв глаза на то, что работу я не довел до конца? Или остаться еще на три-четыре дня? Но что, что я узнаю за эти несколько дней, когда топчусь на месте уже два месяца? Вот и думай.

Решение мне подсказал кто бы вы думали? Джерри.

После ужина (жареные бобы с хлебом, да и тех мало) мы с Джерри сидели за столом и листали его комикс. С уходом Чарли конюхи остались без радио, и по вечерам стояла тоска смертная. Ленни и Кеннет играли в кости прямо на полу. Сесла не было — как обычно, заливал где-то глаза. Рядом с Джерри сидел окруженный тишиной Берт — он смотрел, как катаются по бетонному полу кубики.

В раковине выстроилась горка грязной посуды. Из-под потолка бахромой свисала паутина. Голая электрическая лампочка тускло освещала выложенную кирпичом комнату. Кто-то пролил на столе чай, и угол комикса стал мокрым и бурым.

Я вздохнул. И чего я терзаюсь? Да я должен быть счастлив, что вот-вот расстанусь с этой убогой жизнью, тем более у меня фактически нет выбора!

Джерри поднял голову от комикса, заложив страницу пальцем.

— Дэн.

— Что?

— Мистер Эдамс бил тебя?

— Да.

— Я так и понял. — Он несколько раз кивнул, потом снова уткнулся в комикс.

Я вдруг вспомнил, как он выглянул из соседнего с Мики денника, когда Эдамс с Хамбером вызвали меня на экзекуцию.

— Джерри, — медленно сказал я, — ты слышал, о чем говорили мистер Эдамс и мистер Хамбер, пока ты был в деннике черной охотничьей мистера Эдамса?

— Слышал, — откликнулся он, не поднимая головы.

— И о чем они говорили?

— Когда ты убежал, мистер Эдамс засмеялся и сказал хозяину, что долго ты не выдержишь. Не

выдержишь, — повторил он, как припев, — не выдержишь.

— А о чем они говорили до этого, ты слышал? Когда только подошли туда, а ты еще выглянул и увидел их?

— Они были сердитые из-за Мики. Сказали, что возьмутся за следующего сейчас же.

— А еще что-нибудь они говорили?

Он наморщил узкий лоб. Морщины эти означали — он хочет сделать мне приятное и старается вспомнить изо всех сил.

— Мистер Эдамс сказал, что ты пробыл с Мики слишком долго, а хозяин говорит, да, это плохо... плохо и... да, рискованно, и лучше, чтобы тебя не было, а мистер Эдамс говорит: «Да, давай и побыстрее. Как только он уйдет, мы сразу возьмемся за следующего». — Он победно открыл глаза — вот он все и вспомнил!

— Повтори конец, — попросил я. — Самый конец.

Он послушно повторил:

— Мистер Эдамс сказал: «Давай и побыстрее. Как только он уйдет, мы сразу возьмемся за следующего».

— Джерри, — сказал я, — я уйду отсюда. Не могу же я оставаться, если мистер Эдамс будет меня бить! Раз такое дело, надо уходить.

Мы взобрались наверх по лестнице и нырнули в наши неудобные постели. Я лежал на спине, сцепив руки за головой, и думал: завтра утром Хамбер своей палкой будет проверять мои кости на прочность. Я грустно усмехнулся. Как перед походом к зубному врачу: пока ждешь, волнуешься, а в общем-то ничего страшного. Я вздохнул и повернулся на бок.

На следующий день, как и следовало ожидать, операция «Выселение» развернулась полным ходом.

После второй поездки, когда я расседлывал Доббина, в денник вошел Хамбер и как следует огрел меня палкой по спине.

Я выпустил из рук седло — оно упало прямо в свежую кучу навоза — и круто обернулся.

— Что я не так сделал, сэръ? — обиженно спросил я. Раз уж все решено, облегчать ему жизнь не буду. Но у него уже был готов ответ.

— Касс сказал мне, что в субботу ты опоздал к началу вечерней работы. И подбери сейчас же седло. Это еще что такое — бросать седло в самую грязь?

Он стоял, широко расставив ноги, глазами оценивая расстояние.

Что ж, ладно. Еще один удар, не больше.

Я повернулся к нему спиной, чтобы поднять седло. Я взял его в руку и уже начал разгибаться, но тут он ударил меня снова, примерно по тому же месту, но гораздо сильнее. Воздух со свистом вырвался сквозь зубы.

Я бросил седло в грязь и заорал:

— Я ухожу!! Баста! Сию же минуту!

— Вот и прекрасно, — процедил он с видимым удовольствием. — Можешь собирать манатки. Документы получишь в конторе.

Он повернулся на каблуках и, чуть прихрамывая зашагал прочь. Своего он добился.

Я распрямил спину, поморщился. А седло Доббина пусть в навозе и валяется. Это хороший штрих. Символ грустного конца.

Глава 15

Я снял с мотоцикла полиэтиленовую пленку и медленно вырулил из двора конюшни. Конюхов не было — шла третья проездка, к тому же не последняя. Только я задумался, как же пять ко-

нюхов будут управляться с тридцатью лошадьми, навстречу мне попался с видом пройдохи паренек с вещмешком за плечами, тащившийся к воротам конюшни. Еще один представитель армии отщепенцев. Эх, парень, знал бы, что тебя там ждет!

Я доехал до Клеверинга, мрачного шахтерского городка с узкими улочками, на которых стена к стене теснились дома рабочих. Убогое впечатлительное скрашивал лишь торговый центр из хрома и стекла. Оттуда я и позвонил в лондонский дом Октобера.

Трубку снял Теренс. Лорд Октобер, сообщил он, улетел в Западную Германию. Там его фирма открывает новую фабрику.

— Когда он вернется?

— Думаю, в субботу утром. Улетел в воскресенье, сказал, на неделю.

— Значит, на выходные он поедет в Слоу?

— Скорее всего. Он говорил, что обратно полетит прямо на Манчестер, и никаких специальных указаний не оставил.

— Не могли бы вы найти для меня адреса и телефоны полковника Бекетта и сэра Стюарта Мэкклсфилда?

— Не вешайте трубку. — Раздался шелест страниц, и Теренс назвал мне нужные адреса и телефоны.

Попрощавшись с ним, я сразу набрал номер телефона Бекетта. Бесстрастный резкий голос сообщил мне, что полковника Бекетта нет дома, но в девять часов он обедает в своем клубе, и там его можно застать. Сэр же Стюарт Мэкклсфилд, как оказалось, недавно перенес воспаление легких и сейчас в санатории — восстанавливает силы. Я звонил им в надежде получить подкрепление: ведь нужно следить за конюшней Хамбера, и когда оттуда выедет фургон с Кандерстегом, следовать за

ним. Но похоже, мне все придется делать самому: если я обращусь в полицию, мне просто не поверят, а уж помощи от них тем более не дождешься.

В ломбарде я купил коврик и мощный бинокль, а в магазине — пирог со свиной, несколько плиток шоколада, бутылку минеральной воды и набор почтовой бумаги. Потом проехал назад через Поссет и дальше по дороге, вдоль верхней части долины, где находилась конюшня Хамбера. Добравшись до облюбованного места, я съехал с дороги на несколько метров, убрал мотоцикл в чахлый кустарник. Поудобнее расположился, стараясь не возвышаться над линией горизонта, — из проезжающих машин меня не заметят. В бинокль отлично просматривался двор конюшни Хамбера.

А пока надо братья за отчет, более подробный и более официальный, чем обрывочные записки на скорую руку, которые я посылал из Поссета. Достав бумагу, я принялся писать. Писал долго, часа два с лишним, время от времени поднося к глазам бинокль. Но ничего необычного в конюшне Хамбера не происходило.

Итак, я начал писать...

«Графу Октоберу

Сэру Стюарту Мэклсфилду

Полковнику Родерику Беккету

Господа,

Нижеследующим сообщаю факты, выявленные мною в ходе расследования по вашему поручению, а также некоторые выводы, которые, на мой взгляд, могут быть сделаны на основании имеющихся фактов.

Около четырех лет назад Пол Джеймс Эдамс и Хедли Хамбер вступили в сговор, целью которого было гарантировать определенным лошадям победу на скачках. В то время Эдамс купил поместье

«Мэнор Хаус» и переехал жить в деревню Телбридж, графство Нортумберленд.

Не будучи специалистом в области медицины, могу, однако, предположить, что Эдамс психически ненормален, а именно: он импульсивен в желаниях и готов добиваться своего, ничуть не заботясь о том, какие последствия могут иметь его поступки для окружающих или для него самого. Умственные способности этого человека, как мне кажется, выше среднего уровня, и руководит всем, безусловно, он. Полагаю, что среди людей с ненормальной психикой немало деятельных аферистов. Возможно, стоит внимательно изучить его биографию.

Хамбер играет роль второй скрипки, но, в отличие от Эдамса, его нельзя назвать человеком неуправляемым. Он всегда холоден и сдержан. Я ни разу не видел его по-настоящему разъяренным (ярость он использует как оружие), и все его действия тщательно продуманы и рассчитаны. И если у Эдамса, возможно, нарушена психика, Хамбер производит впечатление просто злого, жестокого человека. Не исключено, что именно его относительное благоразумие остужает пыл Эдамса и не позволило раскрыть их деяния до сих пор.

Старший сопровождающий конюх Джуд Уилсон и старший конюх Касс участвуют в осуществлении плана, но лишь как рабочая сила, исполнители. В конюшне они заняты гораздо меньше, чем того требуют их обязанности, а зарабатывают хорошо. У обоих большие машины последних марок.

План Эдамса и Хамбера основан на том, что лошадям свойственно ассоциативное восприятие — звуки они связывают с явлениями. Собаки Павлова сбегаются на звонок колокольчика, потому что их

приучили — за звончком следует кормление; так же и лошади: заслышав стук тележки по двору, знают — сейчас им зададут корм.

Если же заменить кормление какой-нибудь пугающей процедурой, например, после стука тележки всегда хлестать лошадь кнутом и не кормить ее, она скоро начнет бояться самого этого стука.

Страх и является тем наркотиком, который применяют Эдамс и Хамбер. Состояние победивших лошадей, которым предположительно был дан допинг, — застывшие выпученные глаза, обильный пот, — подтверждает, что они были охвачены ужасом.

Страх вызывает активную работу адреналиновых желез, и они выделяют в кровь огромное количество адреналина. Как вам хорошо известно, избыток адреналина ведет к освобождению дополнительной энергии, позволяющей либо защищаться, либо бежать. В нашем случае — бежать. Бежать в панике, с огромной скоростью.

По результатам лабораторных анализов содержание адреналина у всех одиннадцати лошадей оказалось очень высоким, но к этому факту отнеслись без особого внимания, так как разные лошади обычно выделяют разное количество адреналина — одни больше, другие меньше. Я же считаю, что для нашего расследования крайне важно, что у всех одиннадцати лошадей содержание адреналина в крови было значительно выше среднего.

Чувство страха у этих лошадей возникает при звуке бесшумного свистка, обычно применяемого для дрессировки собак. Лошади этот звук слышат хорошо, а человеческое ухо его почти не улавливает. Бесшумный свисток, следовательно, является идеальным решением; любой более заметный звук (например, футбольной трещотки) был бы вскоре

обнаружен. Такой свисток Хамбер хранит в баре своего «бентли».

Я не знаю наверняка, как именно Эдамс и Хамбер запугивают лошадей, но у меня есть версия.

В течение двух недель я ухаживал за лошадью Мики (официальная кличка Метеорит), которую подвергли «устрашению». В случае с Мики попытка закончилась неудачей. После трехдневного отсутствия он вернулся в конюшню с большими ранами на передних ногах и предельно расшатанными нервами.

Старший конюх объяснил, что раны на ногах появились из-за применения блистера. Но следов блистера я не обнаружил и считаю, что раны эти были просто ожогами, нанесенными открытым пламенем. Больше всего на свете лошади боятся огня, и очень вероятно, что Эдамс с Хамбером при «обработке» используют именно огонь, предваряя его появление свистом в бесшумный свисток.

Я свистнул в такой свисток, чтобы проверить, как поведет себя Мики. Рефлекс выработался у него меньше трех недель назад, но реакция была бурной и явной. Если желаете, можете провести такой же эксперимент с Шестиствольным.

Эдамс и Хамбер подбирали неплохих с виду лошадей, которые, однако, никогда не выигрывали: на мощный финишный рывок у них не хватало пороха. Таких лошадей, разумеется, немало. Они покупали их по одной за умеренную цену, выработывали у них рефлекс — страх, вызываемый определенным звуком, — а потом спокойно перепродавали.

После продажи лошади с таким «встроенным ускорителем» Эдамс и Хамбер ждали, когда она будет участвовать в облегченном стипль-чезе на одном из ипподромов: в Седжфилде, Хейдоке, Ладлоу, Келсо и Стаффорде.

Полагаю, выбор пал на эти круги потому, что на них очень длинные финишные прямые, и охваченная паникой лошадь может лучше использовать возросшую энергию. Часто лошади брали последний барьер четвертыми или даже пятыми, и им требовалось время, чтобы перегнать лидеров. Если же к последнему барьеру лошадь была безнадежно позади, Эдамс с Хамбером просто не свистели в свисток, теряли поставленные деньги и ждали следующего раза.

Облегченные стипль-чезы выбирались, на мой взгляд, потому, что в них очень мала вероятность падения лошади, к тому же победители почти всегда переходят к новому хозяину.

С первого взгляда может показаться, что такой план был бы более надежным в гладких скачках. Но в гладких скачках меньше путаницы, потому что лошади переходят из рук в руки довольно редко.

Ни одной из лошадей этот «супердопинг» не давался дважды, по простой, по-видимому, причине: если лошадь после свистка не получает ожогов, рефлекс может ослабнуть. На ее реакцию уже нельзя положиться, ставить на нее рискованно.

Все одиннадцать лошадей выиграли при очень неравных ставках, от 10 против 1 до 50 против 1. Полагаю, ставки Эдамс и Хамбер делали очень разумно, у разных букмекеров, и их крупные выигрыши никому не бросались в глаза. Я не знаю сколько наживал на каждой скачке Эдамс, выигрыши же Хамбера составляют от тысячи семисот до четырех с половиной тысяч фунтов.

Все данные по прошедшим «обработке» лошадям (не только победившим) содержатся в голубой папке, которая лежит в третьем ящике среднего картотечного шкафчика в конторе Хамбера.

Как видите, в принципе план довольно прост. Они приучают лошадей, что за свистом в бесшумный свисток всегда следует огонь, а потом, когда во время скачки лошадь берет последний барьер, свистят в него.

Никаких наркотических средств, никакого механического воздействия, никакой помощи от владельцев, тренера или жокея. Очень мало шансов на разоблачение, потому что связь Эдамса и Хамбера с этими лошадьми очень туманная и далекая.

Стэплтон, однако, заподозрил их, и я абсолютно уверен, что они его убили, хотя никаких доказательств у меня нет.

Они не знают, что ведется расследование, и чувствуют себя в полной безопасности. В ближайшие дни они собираются провести операцию «Страх» над лошадью по кличке Кандерстег. У Хамбера я больше не работаю и сейчас пишу этот отчет, одновременно ведя наблюдение за его конюшней. Я собираюсь поехать за фургоном, в котором повезут Кандерстега, и выяснить, где и как проводится обработка огнем».

Я отложил бумагу и взял в руки бинокль. Конюхи, как всегда во время вечерней работы, сновали по двору взад-вперед. Слава Богу, меня уже нет среди них.

Хамбер с Эдамсом спешат, но едва ли они возьмутся за Кандерстега сию же минуту. Они ведь не могли знать, что я сбегу с поля боя еще до обеда или вообще сегодня. Нет, прежде, чем действовать, они подождут, пока остынет мой след. С другой стороны, чтобы позвонить Бекетту, надо проехать до Поссета три километра, а это уже рискованно. Вдруг я их пропущу? Пока буду связываться с Бекеттом в его клубе, Кандерстега вполне успеют погрузить в фургон и увезти из конюшни. Правда, Мики — Метеорита увезли и привезли днем; воз-

можно, Хамбер в темное время вообще лошадей не возит. Но мало что взбредет ему в голову! В нерешительности я погрыз свою ручку и в конце концов решил: звонить не буду. К отчету я добавил постскриптум:

«Пожалуйста, пришлите кого-то мне в помощь, потому что, если наблюдение затянется на несколько дней, я могу заснуть и пропустить фургон. Я нахожусь в трех километрах от Поссета, около дороги на Хексхем, у вершины долины, в которой лежит конюшня Хамбера».

Время, дата, подпись. Адрес на конверте: полковнику Бекетту.

Я сел на мотоцикл и помчался в Поссет, где бросил письмо в ящик на дверях почты. Шесть километров. По счастью, мне не попалось ни одной машины, и через шесть минут я уже вернулся назад. Кажется, в конюшне все спокойно. Я сvez мотоцикл с дороги, замаскировал его и принялся внимательно смотреть в бинокль.

Начинало темнеть, и почти во всех денниках горел свет, через открытые двери он лился во двор конюшни. На переднем плане смутно маячил огромный дом Хамбера, он скрывал от меня кирпичное здание конторы и всю ближнюю часть двора, но сбоку я видел закрытые двери гаража для фургона, а прямо перед собой — ряды дальних денников, в четвертом слева жил Кандерстег.

Вот он, гнедой с переливами, ходит внутри, а Берг подкладывает ему свежую солому на ночь. Там горит свет, и все хорошо видно. Я с облегчением вздохнул, сел. Предстоит долгая вахта.

В воздухе, как всегда на холмистой местности, чувствовалось движение. Это был не ветер, даже и не ветерок, скорее какое-то холодное течение, обтекающее все, что попадалось на пути. Чтобы

не дуло в спину, я построил себе «гнездышко» из мотоцикла, обложив его кустарником со стороны дороги и пустоши. Потом сел на чемодан, завернулся в коврик. Ну вот, так теплее. Даже уютно.

Я немножко подкрепился пирогом, чуть позже съел плитку шоколада.

Время шло. В конюшне Хамбера все затихло. Иногда сзади меня по дороге проезжали машины, но ни одна не остановилась. Я посмотрел на часы — девять. Полковник Бекетт сейчас ужинает в клубе, можно спокойно съездить и позвонить ему. Я пожал плечами. Все равно он получит мое письмо завтра утром.

Темнота сгущалась. Проходили часы. Вышла луна и осветила все вокруг. Я смотрел на первозданную красоту природы, и в голову приходили довольно неоригинальные мысли, например, как хороша Земля и как отвратительны обезьяноподобные существа, населяющие ее... Жадные, злые, властолюбивые — старые знакомые гомо сапиенс. А что такое сапиенс? Мудрый, разумный, здравомыслящий. Не смешно ли? Красавица планета, а жизнь дала неразумным, бессердечным созданиям. Ведь если производить таких, как Эдамс и Хамбер... съедят они тебя, Земля-матушка.

Наконец наступило утро. В четверть седьмого в комнате конюхов зажегся свет, и конюшня проснулась. Через полчаса шесть лошадей — первая группа — вереницей прогарцевали из ворот конюшни и поскакали по дороге, ведущей к Поссету. Правильно, сегодня четверг, на пустоши тренировки нет. Вся работа на дороге.

Едва они скрылись из виду, в конюшню на своем солидном «форде» въехал Джуд Уилсон и поставил его рядом с гаражом для фургона. С другого конца двора, к нему подошел Касс, и не-

сколько минут они о чем-то говорили. Потом в бинокль я увидел: Джуд Уилсон подходит к гаражу и начинает открывать двойные двери. Касс же напрямик направился к четвертому деннику от конца, деннику Кандерстега.

Они собирались в путь.

Да как быстро, словно по тревоге. Джуд Уилсон поставил фургон в центре двора и спустил на землю деревянный трап. Касс тут же завел по нему лошадь в машину, а через полминуты уже помогал Джуду Уилсону забросить трап обратно и закрепить его. На мгновение наступила пауза — они смотрели в сторону дома Хамбера, и он не заставил себя ждать, вышел и захромал в сторону фургона. Я видел его со спины.

Хамбер и Джуд Уилсон сели в кабину. Фургон тронулся и выехал за ворота. Вся погрузка от начала до конца не заняла и пяти минут.

Я тем временем прикрыл ковриком чемодан, расшвырял нарванный кустарник, освободил мотоцикл. Нацепил на шею бинокль, сунул его под куртку и застегнул молнию. Надел шлем, очки-консервы и перчатки.

В общем-то я был уверен, что Кандерстега повезут на север или на запад, и сейчас с облегчением увидел — не ошибся. Фургон круто повернул на запад и затрясся наверх, к дальнему от меня выезду из долины. По дороге, которая пересекалась с моей.

Я выкатил мотоцикл из кустов, завел его и не мешкая поехал к месту пересечения. Метрах в трехстах от него устроил наблюдательный пункт. Вскоре показался фургон. Водитель притормозил, повернул направо, к северу, и снова прибавил скорость.

Глава 16

Почти весь день я скрючившись пролежал в канаве — смотрел оттуда, как Эдамс, Хамбер и Джуд Уилсон терзают Кандерстега, вжигают в него страх.

Зрелище было не из приятных.

Средства для обработки оказались простыми, как и сам план. Все помещалось на специально оборудованном участке примерно в два акра.

Вокруг всего поля шла высокая тонкая изгородь, на уровне плеча она была схвачена крепкой, но без колючек проволокой. Метрах в пяти внутри еще одна ограда с мощными столбами и поперечинами, обшитая досками приятного серо-коричневого цвета.

С первого взгляда могло показаться, что это — обычный загон, какие есть на многих фермах: внутренний заборчик нужен для того, чтобы молодняк не поранился о проволоку. Но углы этой внутренней ограды были скруглены, и фактически между внешним и внутренним кругами находилась маленькая скаковая дорожка.

Посмотришь — все вполне безобидно. Поле для молодняка, площадка для тренировки скакунов, демонстрационный круг — выбирай любую лошадку. Чуть в стороне, сразу за воротами на углу поля, — сарай для оборудования. Ничего лишнего. Все обыкновенно.

По всему периметру изгороди шла дренажная канава, в ней, то ли лежа, то ли сидя на четвереньках, прятался я. Сарай — на противоположном углу поля, в сотне метров слева от меня. Если не шевелиться, меня едва ли заметят. Укрытие, конечно, ненадежное — я лежу так близко, что даже бинокль не нужен, — но выбора нет, больше спрятаться просто негде.

Справа от меня вдоль ограды круто лезут вверх голые холмы, позади — открытое пастбище акров эдак в тридцать, верхний же конец площадки, скрытый от дороги каким-то хвойным кустарничком, — прямо перед глазами Эдамса и Хамбера.

Попасть в канаву тоже было не просто — я подождал, пока все скроются из виду, быстро пробежал по открытой местности метров пятнадцать, отделявшие канаву от последнего горбатого пригорка. Надеюсь, при возвращении особого героизма уже не потребуется: надо будет просто дождаться темноты.

Фургон поставили возле сарая, и я сразу услышал цоканье копыт по трапу — выгружали Кандерстега. Джуд Уилсон провел его через ворота на поросшую травой дорожку. Шедший следом Эдамс закрыл ворота, откинул часть внутреннего забора и перегородил ею дорожку. Пройдя мимо Джуда и лошади, он отпустил еще одну защелку, и в нескольких метрах от первого возник второй барьер. В результате Джуд и Кандерстег оказались как бы в крохотном загончике, имевшем три выхода: через внешние ворота и барьеры-перекладки, мерно покачивавшиеся с двух сторон.

Джуд отпустил лошадь, и она принялась спокойно пастись. Эдамс и Джуд вышли за ограду и присоединились к Хамберу, который уже орудовал в сарае. Сарай, сколоченный из обшивочных досок, по виду напоминал денник для одной лошади. Оконце, треснутая дверь. Наверное, Мики провел три дня именно здесь.

Вскоре все трое вышли. Эдамс скрылся за сараем, и когда я снова увидел его, он уже поднимался по холму. Быстро добравшись до самого верха, он остановился и принялся оглядывать местность.

Хамбер и Уилсон прошли через ворота в загончик. Они несли прибор, с виду напоминавший

пылесос: цилиндрический баллон, из одного конца выходит шланг. Баллон они поставили в углу, и Уилсон взялся за шланг.

Эдамс, стоявший на вершине холма, махнул рукой.

По этому сигналу Хамбер поднес руку ко рту... Разглядеть свисток я не мог — слишком далеко, а лезть за биноклем рискованно. Я напряг слух, но никакого звука, разумеется, не услышал. И все же сомневаться не приходилось: Кандерстег вскинул голову и настороженно посмотрел на Хамбера.

Вдруг из шланга, который держал Уилсон, хлестнуло пламя. Струя огня прошла сзади Кандерстега и хотя не задела его, все равно испугала до полусмерти. Он присел на задние ноги, уши прижались к голове. В это время Хамбер сделал какое-то движение рукой, видимо, отпустил защелку, и барьер — часть внутренней ограды — со стуком отскочил на свое место. Путь на скаковую дорожку был свободен. Ждать специального приглашения Кандерстег не стал.

С огромной скоростью он понесся вокруг поля. Его заносило на поворотах, кидало на деревянную ограду, он ураганом промчался в трех метрах от моей головы. Уилсон открыл второй барьер и вместе с Хамбером вышел за ворота. Кандерстег сделал два полных круга на бешеной скорости, лишь после этого мышцы шеи — она была выгнута дугой — чуть расслабились, а дикое вихляние корпусом сменилось относительно нормальным галопом.

Хамбер и Уилсон стояли и наблюдали за ним, вскоре к ним подошел спустившийся с холма Эдамс.

Они не тревожили лошадь, и постепенно та, пробежав три с половиной круга, остановилась чуть справа от моего укрытия. Тогда Джуд Уилсон

не спеша перегородил дорожку одним из барьеров и с охотничьим кнутом и палкой в руках пошел к Кандерстегу. Кандерстег, еще не успокоившись, потный, затрусил по кругу — не хотел, чтобы его поймали.

Помахивая кнутом и палкой, Джуд Уилсон тяжело ступал следом. Кандерстег мягко протрусил мимо меня, копыта его с легким шуршанием рассекали невысокую траву. Но я его не видел. Зарыв лицо в чахлый кустарник возле изгороди, я думал об одном: только бы не пошевелиться. Несколько секунд растянулись в часы.

Шорох брючины о брючину... легкий топот сапог по дерну... щелчок длинного кнутовища... Сейчас он вскрикнет от неожиданности... Но нет, прошел мимо.

Я открыл глаза и прямо перед собой увидел вмятые в землю листья, облизнул пересохшие губы. Осторожно поднял голову и посмотрел на поле.

Кандерстег уже около первого барьера, а Уилсон перегораживает дорожку вторым — лошадь снова в ловушке. Эдамс, Хамбер и Уилсон оставили ее в покое примерно на полчаса. Они вернулись в сарай, и видеть их я, естественно, не мог — оставалось ждать, когда они появятся снова.

Стояло чудесное, ясное, тихое утро, но коротать время в канаве, к тому же влажной, было немного холодновато. Сейчас бы встряхнуться, разогреться... Нет, пусть я получу воспаление легких — все не так рискованно. Надо лежать. Хорошо еще, что на мне с ног до головы черное, да и волосы черные — ведь я корчусь среди бурых листьев, прогнивших и прелых. Канаву я выбрал именно из-за защитной окраски. Молодец, что не соблазнился на какую-нибудь мелкую лощинку на склоне: со своего наблюдательного пункта Эдамс

мигом засек бы темное пятно на бледно-зеленом холме.

Я не заметил, как Джуд Уилсон вышел из сарая, просто услышал — стукнули ворота. Действительно, он. Вошел в загончик и кладет руку на уздечку Кандерстега. Вот сволочь! Со стороны подумаешь, что он успокаивает его. Но разве может человек, который любит лошадей, пугать их из огнемета? А Джуд ведь собирается повторить процедуру, ясно как божий день. Отошел в угол, поднял шланг, крутит насадку.

Появился Эдамс. Снова взбирается на холм. А вот и Хамбер. Опирается на палку, идет к Джуду.

На сей раз Эдамс дал сигнал не сразу — по уединенной дороге через пустошь прошли три машины. Наконец Эдамс решил — можно. Рука его лениво поднялась и опустилась.

Хамбер тотчас же поднес свисток к губам и свистнул.

Кандерстег уже знал, что последует за этим звуком. В страхе он отпрянул, но тут позади его выстрелило пламя, и бедное животное словно приросло к земле.

Струя пламени была более мощной, более долгой, она прошла ближе к Кандерстегу, и охвативший затравленную лошадь ужас тоже был куда сильнее, чем в первый раз. Кандерстег торпедой рванулся по дорожке... один круг... еще один... Где же он остановится? Это было похоже на рулетку, когда на кону стоит много, а шарик все катится, катится, и ты ждешь, затаив дыхание. На этот раз мне повезло: Кандерстег остановился в верхней части поля, довольно далеко от меня.

Они снова заперли его в загончик и ушли в сарай, а я осторожно, потихонечку — ох уж эти прелые листья! — подвигал застывшими руками и ногами, растер мыщцу, которую свело, и тут же

выяснил, что отсидел ногу. Ну да черт с ним! Когда-нибудь это все-таки кончится.

А ведь они собираются все проделать по третьему заходу! Огнемет еще лежал возле изгороди.

Из сарая вышли Эдамс с Хамбером и, опершись на ворота, принялись наблюдать за Кандерстегом. Потом закурили, о чем-то стали разговаривать. Они явно не торопились. Покурили, выбросили окурки, постояли еще минут десять. Потом Эдамс сходил к своей машине и вернулся с бутылкой и стаканами. Появился Уилсон. Они стояли на солнышке, спокойно потягивали виски и мирно беседовали — как ни в чем не бывало!

Хотя чему удивляться? Для них это было обычным делом. Такое вероломство они совершали как минимум двадцать раз!

Я смотрел, как они пьют, и меня самого начала мучить жажда. Впрочем, что жажда! Все у меня затекло, занемело до боли, но пошевелиться я не мог.

Наконец антракт кончился. Эдамс, убрав бутылки и стаканы, пошел к вершине холма, Хамбер проверил барьер — хорошо ли отскакивает, — а Джуд подрегулировал насадку на шланге.

Эдамс махнул рукой. Хамбер свистнул.

Силуэт Кандерстега с ледящей душу четкостью обозначился на фоне яркой простыни огня. Уилсон сделал какое-то движение — роскошное, брызжущее пламя сжалось и тут же вновь вырвалось из шланга, оно метнулось под брюхом у лошади и между ног.

Я чуть не вскрикнул, словно жгли не лошадь, а меня самого.

Какую-то жуткую секунду мне казалось, что Кандерстега просто парализовало от ужаса — он не мог пошевелиться.

Затем словно сработала пружина — Кандерстег дико заржал и пулей полетел по дорожке, спасаясь от огня, от боли, от бесшумного свистка...

Он несся так быстро, что не вписался в поворот. Врезался в изгородь, рикошетом отскочил и упал. Глаза его вылезали из орбит, зубы обнажились, он лихорадочно вскочил на ноги и помчался... еще круг... и еще круг.

Наконец, дернувшись всем телом, он остановился — в каких-то двадцати метрах от меня. Он стоял как вкопанный, только конвульсивно вздрагивал, пот струился с шеи и капал на землю между ног.

Джуд Уилсон с кнутом и палкой пошел по кругу в мою сторону. Я медленно опустил голову в листья. Допустим, даже он меня увидит, между нами все-таки забор из густой проволоки... Значит, если придется бежать, у меня будет кое-какая фора. И все же... ведь мотоцикл спрятан в двух сотнях метров от моего укрытия, на бездорожье, оттуда до извилистого шоссе как минимум еще столько же. А возле фургона стоит серый «ягуар» Эдамса. Не так и много у меня шансов вырваться.

Холодно, а я весь вспотел. Черт возьми, да сейчас у меня в крови не меньше адреналина, чем у Кандерстега! Джуд Уилсон неторопливо приближается ко мне. Слышу, как стучит собственное сердце — словно молот.

Джуд закричал на Кандерстега близко-близко — меня словно током ударило. Щелкнул кнут.

— Н-но! Чего встал? Пошевеливайся!

Он стоял на расстоянии вытянутой руки от меня. Кандерстег не шевелился. Снова щелкнул кнут. Джуд закричал на лошадь, топнул для устрашения ногой. Слабые волны докатились по земле

до меня. Ведь он совсем рядом! Но смотрит на лошадь. Поверни он сейчас голову...

Мне повезло.

Кандерстег сорвался с места, ударился об изгородь, сделал еще несколько неверных шагов в сторону верхней части поля... Джуд Уилсон пошел за ним.

Я продолжал лежать как бревно, изможденный до крайности. Постепенно сердце утихомирилось. Я снова задышал ровно... потом разжал руку — она была полна прелых листьев.

Джуд неторопливо прогнал Кандерстега по кругу и снова запер в ловушку. Потом поднял с земли огнемёт и понес за ворота. Дело было сделано.

Мики продержали здесь целых три дня, но это оттого, что ему по случайности сильно обожгли ноги. Обряд же «посвящения» Кандерстега прошел, по-моему, как по маслу. Значит, скоро он вернется в конюшню.

Но скоро ли я смогу подняться и размять затекшие конечности? Недруги мои бесцельно слонялись на солнце, ходили от машины к сараю, от сарая к фургону, растрачивали впустую утреннее время и умудрялись постоянно быть в поле зрения, следовательно, я не мог расслабиться ни на секунду. Даже нос почесать. Вот проклятье!

Наконец они все же собрались, Эдамс с Хамбером сели в «ягуар» и поехали в сторону Телбриджа. Джуд Уилсон, однако, вытащил из кабины фургона бумажный пакет и, усевшись на ворота, принялся обедать. Кандерстег все не шевелился в загончике, а я — в канаве.

Джуд Уилсон выкурил сигарету, выбросил бычок, зевнул. Потом медленно, ох как медленно, слез с ворот, подобрал огнемёт и понес его в сарай.

Не успел он скрыться за дверью, как я скатился вниз, в мелкую яму, и вытянулся на боку

во весь рост. Плевать на сырость! Медленно, с наслаждением и болью я одну за другой размял затекшие руки и ноги.

Я пролежал в этой яме всю вторую половину дня. Ничего не слышал, ждал только одного: когда заработает двигатель фургона. Через какое-то время мне вдруг захотелось спать, а ведь было холодно, да и Джуд Уилсон находился поблизости. Смешно, но как-то надо с этим бороться... Действием, конечно. Я перекатился на живот и осторожно поднял голову.

Джуд Уилсон снова сидел на воротах забора. Видимо, краем глаза он заметил мое движение, потому что отвернулся от Кандерстега, стоявшего прямо перед ним, и посмотрел в мою сторону. Секунду казалось, что он смотрит прямо мне в глаза. Но нет, он увел взгляд куда-то дальше, а потом, ничего не заподозрив, снова стал смотреть на Кандерстега.

Я медленно, стараясь не закашляться, перевел дыхание.

Чуть позже четырех в «ягуаре» вернулись Эдамс и Хамбер, и я, словно кролик из норки, рискнул высунуться.

Они решили отвезить Кандерстега домой. Джуд Уилсон задом подогнал фургон к воротам, опустил трап, и Кандерстега, который застывал на месте после каждого шага, затащили и затолкали внутрь. Даже с другого конца поля я видел, что несчастное животное испугано до смерти. Я люблю лошадей. Что ж, я сделал для них доброе дело — Эдамс, Хамбер и Уилсон с миром скачек могут распрощаться.

Я легонько откинулся назад и через некоторое время услышал шум двух двигателей — «ягуар», а следом и фургон поехали в сторону Поссета.

Вскоре звук затих. Я поднялся, потянулся, стряхнул с одежды налипшие листья и пошел через поле взглянуть на сарай.

Он был закрыт на замок, довольно сложный с виду, но через окно я смог заглянуть внутрь. Огнемёт, какие-то баки, видимо для топлива, большая жестяная воронка, у стены — три сложенных шезлонга. Ничего лишнего.

Ну что ж, вот и все. Задание Октобера выполнено. Выполнено на все сто, спокойно, без лишнего риска. Как и полагается. Осталось только дополнить вчерашний отчет и представить все собранные факты в распоряжение стюардов.

Я сел на мотоцикл и поехал к месту, откуда вел наблюдение за конюшней Хамбера, но там никого не было. Либо Бекетт не получил мое письмо, либо никого не смог послать мне на помощь. А может, этот кто-то просто не дождался меня и уехал. Во всяком случае, коврик, чемодан и остатки пицци лежали нетронутыми.

Мне вдруг захотелось на прощание еще раз взглянуть на конюшню Хамбера. Я расстегнул молнию на куртке и достал бинокль.

И тут я увидел... В одну секунду от моего блаженства — дело сделано, я цел и невредим — не осталось и следа.

Во двор конюшни въезжала ярко-алая спортивная машина. Она остановилась рядом с серым «ягуаром» Эдамса, и из нее вышла девушка. Я был довольно далеко, но сразу узнал и машину, и копну светлых с серебришкой волос. Девушка хлопнула дверцей, чуть поколебалась, потом направилась к дверям конторы Хамбера и скрылась из виду.

Ах, черт! Ну кто мог ждать опасность с этой стороны? Невероятно! Правда, Элинор обо мне

ничего не знает. Для нее я — простой конюх. Но я одолжил у нее свисток. И еще — она дочка Октобера. Расскажет она об этом Эдамсу или нет? А если расскажет? Ведь он может решить, что она для него опасна! Нет, все-таки ей ничего не грозит. Эдамс поймет, что о фокусе со свистком она ничего не знает, знаю только я.

А если не поймет? Ожидать от него разумных действий не приходится. У него свои нормы поведения. Ведь он же ненормальный! Взял и убил журналиста, который показался ему слишком любопытным. Вдруг ему взбредет в голову, что Элино́р тоже нужно убрать?

Дам ей три минуты. Допустим, она спросит меня, ей скажут, что я здесь больше не работаю, она повернется и уйдет — и все в порядке.

Ну выходи же, выходи, садись в свою машину и уезжай! А смогу ли я вызволить Элино́р, если Эдамс решит с ней расправиться? Уж больно неравны шансы: я один против Эдамса, Хамбера, Уилсона и Касса. Мериться с ними силами не очень-то хотелось. Но вот три минуты прошли, а красная машина все стояла пустая.

Это я виноват, что она приехала сюда. Если с ее головы упадет хоть один волос... это будет на моей совести. Значит, выбора у меня нет.

Я сунул бинокль в чемодан и вместе с ковриком оставил его в кустах. Потом доверху застегнул молнию на куртке, надел шлем, завел мотоцикл и поехал вниз по спирали к конюшне Хамбера.

Оставив мотоцикл у ворот, я вошел во двор. В центре его рядышком расположились «ягуар» Эдамса и «ТР4» Элино́р. В конюшне стояла обычная предвечерняя суэта, все были заняты своим делом.

Я открыл дверь конторы и шагнул внутрь.

Глава 17

И зачем я так волновался? Напридумывал, разыграло воображение. Ничего с ней не случилось. В руке она держала полупустой стакан с какой-то розовой жидкостью и мирно беседовала с Эдамсом и Хамбером. Улыбалась.

На угрюмом лице Хамбера я прочитал волнение, Эдамс же довольно посмеивался. Эта картина четко отпечаталась у меня в мозгу. Но вот все трое обернулись и посмотрели на меня.

— Дэниэл! — воскликнула Элино́р. — А мистер Эдамс сказал мне, что вы здесь больше не работаете.

— Так оно и есть. Просто я кое-что забыл, вот и вернулся.

— Леди Элино́р Таррен, — с нарочитым спокойствием начал Эдамс, поднимаясь и обходя меня сзади, — приехала узнать, провел ли ты эксперимент, для которого одолжил у нее свисток. — Он закрыл дверь и оперся о нее.

Что ж, все правильно. Вернулся я не напрасно.

— Ну, я ведь этого не говорила, — запротестовала она. — Просто я приехала забрать свисток, если Дэниэлу он уже не нужен. Ехала мимо и решила заглянуть — не нужно будет посылать свисток по почте.

Я повернулся к Эдамсу.

— Леди Элино́р Таррен, — с тем же нарочитым спокойствием произнес я, — не знает, зачем мне понадобился свисток. Я ничего ей не сказал.

Глаза его сузились, потом широко раскрылись — он внимательно смотрел на меня. Челюсть чуть подалась вперед. Его поразил мой тон, мой взгляд. Привык, что я хожу перед ним на задних лапках. Он перевел взгляд на Элино́р.

— Она здесь ни при чем, — с нажимом сказал я. — Она ничего не знает.

— О чем это, интересно, вы говорите? — с улыбкой спросила Элинор. — И что это за таинственный эксперимент такой?

— Да ничего особенного, — ответил я. — Просто... здесь есть глухой конюх, и мы хотели выяснить слышит ли он высокие звуки, вот и все.

— Вот оно что... — протянула она. — И что же слышит?

Я покачал головой.

— Вроде бы нет.

— Жалко. — Она подняла стакан, кусочек льда звякнул о стекло. — Ну, если свисток вам больше не нужен, может, вы мне его отдадите?

— Да, пожалуйста. — Я сунул руку в свой пояс, вытащил свисток и протянул ей. Хамбер едва не раскрыл рот от удивления, Эдамс же был просто взбешен — как это Хамбер во время обыска не нашел такой элементарный тайник!

— Спасибо, — сказала она и положила свисток в карман. — Ну, а какие у вас дальше планы? Пойдете в другую конюшню? Вы знаете, — с улыбкой объявила она Хамберу, — я удивлена, что вы его отпустили. У отца еще не было такого отличного наездника среди конюхов.

В конюшне Хамбера я этой ошибки не повторял. Он начал было возражать:

— Да ничего уж в нем особенного... — но тут его мягко перебил Эдамс:

— Думаю, Хедли, мы с тобой недооценили Рока. Не сомневаюсь, леди Элинор, что после вашей рекомендации мистер Хамбер возьмет его обратно и уже никуда больше непустит.

— Вот и замечательно, — обрадовалась она. Эдамс исподлобья смотрел на меня — оценил ли я его маленькую шутку? Но мне было не до смеха.

— Сними шлем, — приказал он. — Ты в комнате и стоишь перед дамой. Сними.

— Что-то не хочется, — ровным голосом произнес я. Сейчас бы мне в самый раз рыцарские латы. Эдамс не привык, чтобы я возражал ему, и рот его захлопнулся словно капкан.

— Не понимаю, леди Элинор, что вы так хлопочете о Роке? — озадаченно вступил Хамбер. — Я думал, ваш отец уволил его за то, что он... приставал к вам.

— Нет, нет, — засмеялась она. — Не ко мне, а к моей сестре. Но на самом деле ничего не было. Все это — сплошная выдумка. — Она допила из своего стакана и с самыми лучшими намерениями бросила меня на растерзание волкам. — Отец просил меня никому не говорить, что все это — выдумка, но вы же хозяин Дэниэла и должны знать: он лучше, чем кажется со стороны.

На мгновение наступила тишина — зловещая, густая. Потом я с улыбкой заметил:

— Кажется, лучшей рекомендации я еще не получал... Вы очень добры.

— Ну, будет вам! — Она засмеялась. — Нет, правда, люди считают, что вы хуже, чем на самом деле, а вы даже не хотите постоять за себя.

— Это не всегда выгодно, — отшутился я и повел бровью в сторону Эдамса. Он тоже не мог оценить мои шутки в полной мере. Он взял пустой стакан Элинор.

— Еще джина? — предложил он.

— Нет, спасибо, мне пора ехать.

Он поставил ее стакан на стол рядом со своим и спросил:

— А как вы думаете, такой человек, как Рок, стал бы принимать транквилизаторы, чтобы набраться храбрости для работы с трудной лошадейю?

— Транквилизаторы? Транквилизаторы? Что вы! Он, наверное, и вкуса их не знает. Правда? — С удивленным выражением на лице она повернулась ко мне.

— Правда, — подтвердил я. Уж скорее бы она уезжала, пока ее удивление не переросло в подозрение. Заподозри она что-то — и она в опасности.

— Но ты же говорил... — начал Хамбер, который все еще не мог ничего понять.

— Это была шутка. Просто шутка, — объяснил я ему. — Мистер Эдамс над ней хорошо посмеялся, если помните.

— Это верно. Я смеялся, — мрачно согласился Эдамс. Кажется, хоть он понял: Элинор ничего не знает и пусть себе с Богом уезжает.

— А-а, понятно. — Лицо Элинор прояснилось. — Что ж, пора мне возвращаться в колледж. Завтра я еду в Слоу на выходные... Может быть, что-то передать отцу, Дэниэл?

Это был ничего не значащий вопрос — дань условностям, но, услышав его, Эдамс оцепенел. Я отрицательно покачал головой.

— Ну что ж... очень мило провела у вас время, мистер Хамбер. Большое спасибо за джин. Надеюсь, отняла у вас не слишком много времени.

Она попрощалась за руку с Хамбером, Эдамсом и, наконец, со мной.

— Как хорошо, что вы вернулись. Я уж думала, мы не увидимся. Думала, ищи-свищи теперь мой свисточек. — Она очаровательно улыбнулась.

— Да, — засмеялся я, — нам с вами повезло.

— Ну, тогда до свидания. Еще раз спасибо, мистер Хамбер, — сказала на прощание она, и Эдамс открыл ей дверь. Через плечо Хамбера я

увидел в окно, как она идет по двору к своей машине. Открыла дверцу, включила двигатель, приветливо махнула рукой Эдамсу и уехала.

Эдамс шагнул в комнату, захлопнул за собой дверь, запер ее и положил ключ в карман. Хамбер был явно озадачен — никак не мог понять, что происходит.

Глядя на меня, он произнес:

— Ты знаешь, Рок какой-то другой, будто подменили.

— Рок, черт бы его забрал, Бог знает что за птица.

Да, положеньице. Есть, правда, один плюс — не нужно больше лезбизить перед ними, поджав хвост. Я могу разговаривать с ними на равных, а это уже не так мало.

— Ты хочешь сказать, что про свисток знает не Элинор Гаррен, а Рок?

— Разумеется, — нетерпеливо бросил Эдамс. — Неужели ты, Хедли, до сих пор ничего не понял, черт возьми! Похоже, его подослал по нашу душу Октябрь, хотя, убей, не знаю, как он мог докопаться...

— Но Рок всего лишь конюх.

— «Всего лишь»! — разъярился Эдамс. — Ты считаешь, этого мало? У конюхов длинные языки, не знаешь разве? И глазами Бог не обидел. Да ты посмотри на него. Разве похож он на безмозглого червяка, каким прикидывался?

— Что бы он ни сказал, поверят все равно тебе, — заметил Хамбер.

— Он никому ничего не скажет.

— То есть как?

— Я убью его, — сказал Эдамс.

— Что ж, пожалуй, так будет спокойнее, — согласился Хамбер, словно речь шла об уничтожении лошади.

— Вас это не спасет, — прервав их я. — Я послал отчет стюардам.

— Один раз мы такое уже слышали, — не поверил Хамбер, — но это был просто блеф.

— Я не блефую.

— Послал или не послал, — взвился Эдамс, — все равно ему одна дорога — на тот свет! Дело не только в свистке... — Он умолк, сверкнул на меня глазами и добавил: — Ты провел меня. Меня. Как?

Я не ответил. Сейчас не самое подходящее время для приятной беседы.

— У этого щенка, — задумчиво произнес Хамбер, — есть мотоцикл...

Дверь во двор заперта, а дорогу к окну мне преграждал Хамбер, стоявший возле стола. Допустим, я заору — кто прибежит? Только Касс. Уж конечно не орава забитых конюхов. Они и не знают, что я здесь, а хоть бы и знали, помогать не станут. И Эдамс, и Хамбер выше меня ростом, шире в плечах, особенно Эдамс. У Хамбера в руках — палка, да и Эдамс вряд ли пойдет на меня с пустыми руками.

С другой стороны, я моложе и сейчас в отличной форме — не зря я пахал на них как вол. На голове у меня шлем. Могу бросать что попадет под руку... Может, мои шансы не так и плохи?

Около стены у двери стоял деревянный полированный стул с кожаным сиденьем. Эдамс поднял его и пошел на меня. Хамбер остался на месте, только переложил палку из одной руки в другую, изготовившись к бою.

Глаза у Эдамса стали совсем мутными, на губах заиграла зловещая улыбка. Он громко сказал:

— Заодно можем и развлечься. Сгоревший в катастрофе труп никто разглядывать не будет.

Он взмахнул креслом. Я ловко увернулся, но при этом приблизился к Хамберу, и тот не пре-

минул крепко хватить меня палкой по плечу, она просвистела в сантиметре от уха. Я споткнулся, упал, покатился по полу. Вскочил на ноги в самое время — Эдамс со всего маху грохнул стулом об пол. Одна из ножек оглушительно хрустнула, Эдамс наклонился и поднял ее. Крепкая прямая ножка с квадратным основанием, а верхний конец — в месте излома — острый, страшный.

Эдамс расплылся в улыбке и отшвырнул в угол остатки стула.

— Вот так, — процедил он. — Теперь мы порезвимся.

Понятно, какое-то время они оставались относительно целыми и невредимыми, я же нахватал изрядное количество синяков, а на лбу сильно кровоточила ссадина — Эдамс пустил-таки мне кровь своей остроконечной ножкой от стула. Счастье, что на голове у меня шлем, да и увертываюсь я, как оказалось, не хуже пикадора. Я в ответ пинал их ногами.

Хамбер, человек не особо подвижный, знал свое дело четко: охранял окно, а как только я оказывался в зоне его действий, пускал в ход палку. Я с самого начала пытался выхватить у них либо палку, либо ножку, пробиться к сломанному стулу или найти какой-нибудь предмет для бросания, но все впустую: руки мои отчаянно саднили, и Эдамс сразу раскусил мои намерения насчет сломанного стула и не подпускал меня к нему. А кидать... Все, что можно кинуть, стоит на столе у Хамбера, за его спиной.

Слава Богу, что в горах ночью холодно, — из-за этого на мне под курткой оказались два свитера, и они здорово смягчали удары. Все же доставалось мне сильно, особенно от Эдамса, я буквально содрогался, когда он попадал в цель. Я уже с от-

чаянья был готов кинуться в окно, через стекло, но приблизиться к нему не мог.

Что оставалось делать? Я прекратил увертываться и бросился прямо на Хамбера. Эдамс успел два раза больно огреть меня, но я не обратил внимания. Я схватил моего бывшего шефа за лацканы, упер ногу в стол, чтобы как следует оттолкнуться, и, сильно дернув Хамбера, швырнул его вдоль узкой комнаты. Он с силой грохнулся в картотечные шкафчики.

На столе лежал зеленый стеклянный кругляш — пресс-папье. Величиной с бильярдный шар. Он сам собой оказался в моей руке, в мгновение ока я взмахнул ею, приподнялся на носки — и метнул снаряд в Хамбера, который в трех метрах от меня, цепляясь за шкафчики, пытался подняться на ноги.

Кругляш попал ему точно между глаз. Вот это бросок! Он тут же потерял сознание и рухнул на пол, даже не вскрикнув.

Не успел он упасть, как я бросился в его сторону. Стеклянный кругляш — вот мое оружие! Лучше всяких палок и сломанных стульев! Но Эдамс сориентировался мгновенно. Рука его поднялась.

Тут я дал маху — решил, что одним ударом больше, одним меньше, уже все равно, и хотя видел, что ножка стула вот-вот опустится, продолжал тянуться за кругляшом. Но на этот раз — наверное, потому, что голова моя была наклонена, — шлем меня не спас. Удар пришелся ниже обода шлема, около уха.

Я качнулся словно пьяный, упал возле стены и оказался в незавидной позе: плечи упираются в стену, одна нога подогнута под себя. Попробовал подняться, но куда там! Сил во мне не осталось ни капли.

Эдамс склонился надо мной, расстегнул ремешок у меня под подбородком и стянул с головы

шлем. В глазах у меня стоял туман, но я понял: что-то здесь не так. Поднял глаза. Эдамс стоит и улыбается, крутит в руках отломанную ножку стула. Радуетса, сволочь.

В последнюю секунду в мозгу моем вспыхнуло: что-то нужно делать, немедленно, не то этот удар будет последним. Увертываться уже некогда. Я вскинул правую руку, и тут же на нее обрушился сокрушительный удар.

Какая дикая боль! Рука сразу онемела и бесильно повисла вдоль туловища.

А он все улыбается. Предвкушает, как сейчас прикончит меня. Поднимает руку.

Нет, не дамса! У меня ведь еще ноги целы! Что же я, идиот, лежу как дерево и жду смерти?! Две здоровые ноги! Левая подогнута под себя, я высвободил ее и просунул перед его ногами — он не обращает внимания. Поднимаю обе ноги — между ними его лодыжки, — подтягиваю правую к левой. Теперь ноги в замок — и рывок всем телом, резко, изо всех оставшихся сил.

Эдамс никак от меня такого не ожидал. Он дико замахал руками, потерял равновесие и грохнулся на спину. Кидать я больше не мог — правая рука онемела. Пошатываясь, я встал, подобрал левой рукой зеленый кругляш и шмякнул стоявшего на коленях Эдамса по голове. Никакого эффекта. С каким-то хрюканьем он продолжал подниматься.

В отчаянии я размахнулся и снова ударил его, в нижнюю часть затылка. На этот раз он упал — и остался лежать.

Я привалился рядом с ним. Комната плыла, меня тошнило, во всем теле просыпалась зловеющая боль, а из рассеченного лба медленно капала на пол кровь.

Оба мои врага лежали в неестественных позах и не шевелились. Эдамс дышал с каким-то

присвистом, даже с храпом. Грудь Хамбера еле двигалась.

Я провел рукой по лицу — она вся покрылась кровью. Наверное, у меня все лицо кровью залито! Как же я поеду в таком виде? Я поплелся к умывальнику.

Включив воду, я обмыл лицо. Порез на лбу оказался относительно маленьким и неопасным, но упрямо кровоточил. Я словно в полусне огляделся по сторонам — где тут полотенце?

На столике возле медицинского шкафчика стояла стеклянная банка без пробки, рядом — чайная ложка. Я поначалу не обратил на них внимания — глаза искали полотенце, — но потом... Странно.

Пошатываясь, я подошел поближе. Что-то я про эту банку знаю, только что?.. Плохо работает голова.

Вспомнил. Люминал в порошке. Я скармливал его Мики целые две недели.

Стоп, стоп. Ведь на Мики ушла вся банка. Я вытряхивал из нее последние крупички. А эта полная. Новая банка, полная по самое горлышко, на столе еще лежат крошки сургуча от печати. Что же это значит? Кто-то недавно открыл новую банку растворимого люминала и зачерпнул пару ложек.

Ну, конечно же, для Кандерстега. Я нашел полотенце и вытер лицо. Потом вернулся в комнату и наклонился над Эдамсом — вытащить из кармана ключ от двери. Он уже перестал храпеть.

Я перевернул его.

Не очень-то радостно сообщать об этом. Он был мертв.

В смятении я дрожащими руками обшарил его карманы и нашел ключ. Потом поднялся и мед-

ленно подошел к столу — нужно звонить в полицию.

Телефон валялся на полу, трубка отдельно от аппарата. Я наклонился и неуклюже подобрал его левой рукой, тут же закружилась голова. Что же мне так плохо! С усилием я выпрямился и водрузил телефон на место.

Кое-где в конюшне уже зажглись огни, в том числе и в деннике Кандерстега. Дверь денника была широко открыта, и лошадь, привязанная за голову, неистово лягалась и взбрыкивала. Не похоже, что ей дали снотворное.

Я уже начал было набирать номер телефона полиции, но тут, похолодев, остановился. В мозгу сверкнула догадка.

Кандерстега никто не усыплял. К чему им убаюкивать его память? Наоборот, им нужно, чтобы он все отлично помнил. Мики стали давать люминал, только когда поняли — проку от него не будет.

Нет, не может быть! Ведь одна, а то и две чайные ложки растворимого люминала на стакан джина — это же смертельная доза!

Перед глазами всплыла картина, которую я застал, войдя в контору: у всех стаканы в руках, Хамбер взволнован, Эдамс радостно возбужден. Такое же возбуждение было на его лице, когда он предвкушал расправу со мной. Убивать — это доставляло ему радость. Наверное, из слов Элинор он заключил, что она догадалась о роли свистка, и, недолго думая, решил от нее избавиться.

Не удивительно, что он не попытался ее удержать. Она вернется в колледж и умрет у себя в комнате, за много километров отсюда. Ах-ах, бедняжка, по рассеянности приняла большую дозу! Никому и в голову не придет связывать ее смерть с Эдамсом или Хамбером.

Ясно, почему он так хотел убить меня: я разнюхал про его аферу, провел его, но это не все — я видел, как Элинор пила его джин.

Можно себе представить, как развивались события до моего прихода, — особой фантазии не требуется. Эдамс ей вкрадчиво говорит:

— Значит, вы приехали узнать, нужен ли еще Року ваш свисток?

— Да.

— А вашему отцу известно, что вы здесь? Вы ему говорили про свисток?

— Что вы! Нет! Я заехала сюда случайно. Конечно, он ничего не знает.

— Может быть, добавить вам в джин льда? Я принесу. Что вы, совсем не трудно. Вот, пожалуйста, моя дорогая, отличный коктейль джин с люминалом. Не успеете оглянуться, как вознесетесь на небеса.

Убивать Стэплтона — это было полнейшее безрассудство, и ничего, Эдамс вышел сухим из воды. Допустим, мой обгоревший труп находят под обломками мотоцикла где-нибудь в соседнем графстве на дне оврага, а Элинор умирает в своем колледже — возможно, и эти два убийства сошли бы ему с рук. Но Элинор не должна умереть.

Я снял телефонную трубку. Гудка не было. Я несколько раз нажал на клавишу — линия молчала. Телефон не работал. Но если нельзя сообщить по телефону, значит, кто-то должен поехать к Элинор в колледж и спасти ее.

Первая мысль была «сам я это сделать не могу». Но если не я, то кто же? Если я прав, доктор ей нужен срочно, немедленно, а начни я тут поднимать кутерьму, искать другой телефон, упрямивать кого-то взять на себя роль спасителя — на это уйдет время, а ей может помочь только быстрого. Я смогу домчаться до колледжа за двадцать

минут. А начну звонить из Поссета — помощь вряд ли придет быстрее.

Я собрался с силами, повернул ключ в скважине, вышел и захлопнул за собой дверь.

Прошел через двор к стоявшему у ворот мотоциклу — меня снова никто не заметил. Но с первого раза он не завелся — просто раздался треск стартера, — и на шум из-за денников вышел Касс.

— Кто здесь?! — выкрикнул он. — Это ты, Дэн?! Чего это ты вернулся? — И он зашагал в мою сторону.

Я бешено топнул по стартеру. Двигатель заурчал, закашлял и взревел. Я стиснул сцепление и включил скорость.

— Стой! — заорал Касс. Он побежал ко мне, но я уже вывел мотоцикл за ворота и повернул в сторону Поссета. Из-под колес полетел гравий.

Рычаг газа вделан в правую рукоятку руля мотоцикла. Чтобы увеличить скорость, его нужно прокрутить на себя, а сбросить газ — от себя. В нормальных условиях этот рычаг крутится очень легко, но сейчас... Стоило мне покрепче сжать его, рука откликнулась такой яростной болью, что я чуть было не вывалился из седла.

До Дарема — шестнадцать километров на северо-восток. Но остановись я сейчас, Элинор может умереть. Выбора у меня нет. Но до чего тряская дорога!

Если Элинор поехала прямо в колледж, значит, вскоре ей захотелось спать. Кажется, люминал действует в течение часа. Но люминал, растворенный в алкоголе, — это совсем другое дело. Реакция будет быстрее — от двадцати минут до получаса. А может, дольше? За двадцать минут она могла спокойно доехать от конюшни до колледжа. Ну а потом? Поднялась в свою комнату. Почувствовала сонливость. Легла. И заснула.

Я уже в Дареме. Поворот, еще один. Остановка перед светофором. Рука разрывается от боли. Остался километр. Проехать его с черепашьей скоростью, чтобы не сжимать проклятый рычаг? Но за эти минуты яд может совершить непоправимое. Стиснув зубы, я понесся к колледжу.

Глава 18

Начало темнеть. Я влетел в ворота колледжа, заглушил двигатель и по ступенькам кинулся к двери. Привратника за столиком не было, вообще кругом — ни души. Я побежал по коридорам. Тут я поворачивал, вот знакомые ступеньки, теперь два пролета вверх... Черт, кажется, я заблудился. В какую сторону дальше? Где комната Элинор?

Навстречу мне шла пожилая сухопарая женщина в пенсне, она несла кипу бумаг и толстую книгу. Наверное, преподавательница.

— Извините, пожалуйста, — обратился я к ней, — как найти комнату мисс Таррен?

Она подошла поближе и внимательно посмотрела на меня. Мой вид явно не произвел на нее впечатления. Эх, где моя респектабельная внешность!

— У вас кровь на лице, — заметила она.

— Это просто порез... пожалуйста, ей надо помочь... — Я взял женщину за руку. — Проводите меня до ее комнаты, и если она жива и здорова, я тут же исчезну. Но боюсь, ей позарез нужен доктор. Можете вы мне поверить?

— Хорошо, — неохотно согласилась она. — Идемте, посмотрим. Вот сюда, за угол... теперь сюда.

Мы подошли к двери Элинор. Я громко постучал. Тишина. Тогда я нагнулся к замочной скважине. Изнутри торчал ключ, и ничего не было видно.

— Откройте дверь, — решительно повернулся я к женщине, которая с сомнением смотрела на меня.

Она прикоснулась к дверной ручке и повернула ее. Но дверь не подалась. Она была заперта.

— Послушайте, — взволнованно заговорил я, — дверь заперта изнутри, значит, Элинор Таррен там. Она не отвечает на стук, потому что не может. Ей срочно нужен доктор, поверьте мне, ради Бога. Есть здесь доктор?

Она сурово посмотрела на меня через пенсне и кивнула. Похоже, все-таки поверила.

— Скажите ему, что она отравилась люминалом с джином. Примерно сорок минут назад. Только умоляю вас, побыстрее. Другой ключ от этой двери есть?

— Ключ-то есть, но нельзя вытолкнуть тот, что в двери. У нас такие случаи уже бывали. Придется ломать замок. Я пойду позвоню.

Она степенно пошла по коридору. Сумасшедшего вида молодой человек с кровью на лбу, сообщение о том, что одна из ее студенток одной ногой уже на том свете, — ничто не могло нарушить ее душевного равновесия. Непробиваемая университетская матрона.

Архитекторы времен королевы Виктории, строившие этот колледж, хорошо позаботились о том, чтобы докучливые кавалеры не могли ворваться в девичьи апартаменты без спроса. Двери были сделаны на века. Но сухопарая профессорша дала понять, что, взломав дверь, я смертного греха не совершу. Так чего ждать? И я выломал замок ударом каблука.

Она лежала в неудобной позе поверх голубого покрывала, забывшись в глубоком сне, а серебристые волосы плавно ниспадали на подушку. Нежное, прекрасное создание.

Раз она не слышала, как я ломился в дверь, значит, вряд ли она проснется от прикосновения. Я встряхнул ее руку. Не шевелится. Пульс нормальный, дыхание ровное, цвет лица — приятный, как обычно. И не подумаешь, что с ней что-то случилось. Но ведь случилось же!

Сколько можно искать доктора? Ведь профессорша ушла звонить уже целых десять минут назад!

В ту же секунду — сработала телепатия! — дверь распахнулась, и на пороге появился подтянутый, солидного вида пожилой мужчина в сером костюме.

Один. В левой руке — чемоданчик, в правой — противопожарный топорик. Он окинул взглядом комнату, посмотрел на расщепленный дверной косяк, захлопнул за собой дверь и положил топорик на стол Элинора.

— Ладно, хоть какое-то время сэкономил, — бросил он. Потом без особого энтузиазма оглядел меня с ног до головы и жестом приказал отойти в сторонку. Он начал осматривать ее, а я стоял и ждал.

— Люминал с джином, — пробормотал он. — Вы в этом уверены?

— Абсолютно.

— Она приняла это по своей воле? — Он начал открывать чемоданчик.

— Нет. Ни в коем случае.

— Эти коридоры обычно кишмя кишат девицами, — сказал он вдруг безо всякой связи, — но, наверное, у них сейчас какое-нибудь собрание. — Он внимательно посмотрел на меня. — Вы в состоянии помочь?

— Да.

— Уверены? — усомнился он.

— Скажите, что нужно сделать.

— Хорошо. Найдите большой кувшин и ведро либо большой газ. Я займусь ею, а потом вы мне расскажете, как все произошло.

Он вынул из чемоданчика шприц, наполнил его и сделал Элино́р укол в вену с внутренней стороны локтя. Я подошел к стенному шкафу и там нашел кувшин и газ.

— Вы были здесь раньше, — заметил он, в глазах его мелькнуло подозрение.

— Один раз, — признался я. И ради Элино́р добавил: — Я работаю у ее отца. Между нами ничего нет.

— Вот оно что. Ну ладно. — Он вытащил иглу, разобрал шприц и быстро вымыл руки.

— Сколько она приняла таблеток?

— Это были не таблетки. Порошок. Минимум одну чайную ложку. А то и больше.

Он встревожился, но сказал:

— Не может быть, чтобы так много. Она бы почувствовала горечь.

— Так ведь вместе с джином... Он и сам не сладкий.

— Вы правы. Сделаем ей промывание желудка. В основном эта дрянь, конечно, уже впиталась... Все равно, надежда еще есть.

Он велел мне налить в кувшин теплой воды, а сам осторожно протолкнул трубку из толстого пластика в горло Элино́р. Потом очень удивил меня тем, что к торчащему изо рта концу приложил ухо и стал слушать. Оказывается, если больной без сознания и сам глотать не может, нужно убедиться, что трубка вошла в желудок, а не в легкие.

— Если в трубке слышно дыхание, значит, она попала не туда, — пояснил он.

Он достал маленькую воронку, сунул ее в трубку и осторожно начал лить воду из кувшина.

Когда немислимое, как мне показалось, количество воды исчезло в трубке, он остановился, передал мне кувшин и велел поставить таз ему под ноги. Потом убрал воронку и вдруг резко опустил конец трубки прямо в таз. Вода полилась через трубку обратно, а вместе с ней — содержимое желудка Элинора.

— Так-так, — спокойно заметил он. — Она перед этим что-то ела. Пирожное, кажется. Это хорошо.

— Она поправится? — Голос мой дрожал от волнения.

Он мельком взглянул на меня и извлек трубку из горла Элинора.

— Вы говорите, она выпила это меньше чем за час до моего прихода?

— Минут за пятьдесят.

— А перед этим ела... да, она должна поправиться. Организм крепкий. Я ввел ей мегимид — это сильное противоядие. Примерно через час она проснется. Переночует в больнице, а назавтра вся хворь вообще из нее выйдет. Будет как новая.

Я потер рукой лицо.

— Тут многое зависит от времени, — спокойно добавил он. — Пролежи она здесь несколько часов... Чайная ложка... Это тридцать грамм, если не больше. — Он покачал головой. — Ее не удалось бы спасти. А где вы порезали лоб? — вдруг спросил он.

— В драке.

— Надо наложить швы. Это могу сделать я, если хотите.

— Спасибо.

— Только сначала отправим мисс Таррен в больницу. Доктор Притчард сказала, что вызовет скорую. Так что они вот-вот будут.

— Доктор Притчард?

— Преподавательница, которая позвонила мне. Я работаю в двух шагах отсюда. Она позвонила и сказала, что какой-то окровавленный молодой человек с пеной у рта твердит, будто мисс Таррен отравилась и лучше мне посмотреть, в чем дело. — Он едва заметно улыбнулся. — Вы не рассказали мне, как это произошло.

— Ох... это такая длинная история, — устало отозвался я.

— Вам придется обо всем рассказать полиции, — напомнил он.

Я кивнул. Да, мне есть о чем рассказать полиции. Столько, что я совсем не горю желанием встретиться с ними.

Вдруг тишина в коридоре взорвалась: гомон девичьих голосов, топот молодых ножек, хлопанье дверей — студентки вернулись со своего собрания.

Возле двери Элинора раздались более тяжелые шаги, и кто-то постучал в дверь. В комнату вошли двое санитаров «скорой помощи», со знанием дела быстро положили Элинора на носилки, подоткнули со всех сторон одеялом и вынесли из комнаты. По коридору прокатилась волна девичьих голосов: вздохи, ахи, вопросы, сомнения.

Доктор закрыл дверь за санитарями и, не откладывая дела в долгий ящик, вытащил из чемоданчика иголку с ниткой и принялся штопать мне лоб. Я сидел на кровати Элинора, а он суетился вокруг меня с йодом и нитками.

— Из-за чего вы подрались? — спросил он, завязывая узлы.

— На меня напали.

— Вот как? — Он переменял позу, чтобы делать стежки под другим углом, и оперся рукой о мое плечо. Я инстинктивно подался назад — на

плече был синяк, — и он вопросительно посмотрел на меня.

— Я смотрю, вас здорово отделали?

— Тем не менее, — медленно ответил я, — последнее слово осталось за мной.

Он закончил со швами и напоследок щелкнул ножницами.

— Ну вот и все. Останется малюсенький шрам — и только.

— Спасибо. — Что-то голос у меня слабый.

Он ощупал шишку у меня за ухом и сказал, что до свадьбы заживет. Потом спросил, какие еще трофеи я вынес из драки, но тут в коридоре снова раздались тяжелые шаги, и дверь с треском распахнулась.

На пороге стояли двое широкоплечих полицейских с суровыми лицами.

Доктора они знали. Видимо, он часто помогал полиции в Дареме. Они вежливо поздоровались, и доктор начал говорить, что мисс Таррен уже увезли в больницу, но они перебили его.

— Мы пришли за ним, сэр, — объявил тот, что повыше, указывая на меня. — Это конюх Дэниэл Рок.

— Да, он сообщил о болезни мисс Таррен...

— Мисс Таррен здесь ни при чем, сэр. Он нужен нам по другому делу.

— Человек еле держится на ногах, — сказал доктор. — Может, не стоит так усердствовать? Поговорите с ним позже.

— К сожалению, сэр, это невозможно.

Осторожной, собранной походкой они приблизились ко мне. Казалось, они боятся — сейчас я прыгну и стукну их друг о дружку головами.

Как по команде они склонились надо мной, и крепкие руки вцепились в мои запястья. Рыжеволосый полицейский вытащил из кармана наручники

и с помощью коллеги быстро защелкнул их у меня на кистях.

— Лучше не рыпайся, приятель, — посоветовал он. Я дернулся от страшной боли, а он, видимо, принял это за попытку сбежать.

— Пустите руку... никуда я не убегу.

Они отошли на шаг, но все смотрели на меня — сверху вниз. У них словно гора упала с плеч — наверное, и вправду боялись, что я на них брошусь. Я два раза глубоко вздохнул, хоть как-то унять боль в руке.

— Будет вести себя как шелковый, — заметил темноволосый. — Видишь, еле держится.

— Он попал в драку, — сообщил им доктор.

— Он так сказал, сэр? — Темноволосый засмеялся. Я взглянул на наручники, обхватившие мои кисти.

Не очень-то в них удобно... и унизительно.

— Что он сделал? — спросил доктор. Ответил рыжеволосый.

— Он... поможет нам провести расследование по делу о нападении на тренера, его бывшего босса, сейчас он лежит без сознания... и еще на одного человека, которому проломали череп.

— То есть убили?

— Так нам передали, сэр. Мы сами в конюшне не были, но говорят, там устроили настоящую бойню. Нас за ним послали из Клеверинга, туда его и отвезем — конюшня на территории нашего участка.

— Быстро вы на него вышли, — удивился доктор.

— Да, — самодовольно согласился рыжеволосый.

— Кое-кто из наших поработал на славу. Полчаса назад в Даремскую полицию отсюда позвонила какая-то женщина и описала его, а когда из Клеверинга по всем участкам передали сообщение об

убийстве в конюшне, кто-то сравнил эти два описания. Нас сразу послали сюда — и оп-ля... у дверей стоит его мотоцикл, номер и марка — все сходится.

Я поднял голову. Доктор взглянул на меня. Он был расстроен и разочарован. Пожав плечами, он сказал усталым голосом:

— Вот и угадай, кто порядочный человек, а кто бандит. Мне показалось, что он... ну, не то, что обычный уголовник. А тут, оказывается... — Он отвернулся и поднял свой чемоданчик.

Этого я уже не мог вынести. Слишком долго я позволял людям презирать себя, даже не пытаюсь защититься. И вот опять... Это была капля, переполнившая чашу.

— Я дрался, потому что на меня напали! — выкрикнул я.

Доктор полуобернулся. Почему-то для меня было важно, чтобы он мне поверил. Не знаю почему.

Темноволосый полицейский, приподняв брови, объяснил доктору:

— Тренер конюшни был его хозяином, сэр, а убитый, насколько я понял, — богатый джентльмен, владелец лошадей, которых там тренировали. Об убийстве сообщил старший конюх. Он увидел, как Рок выскочил за ворота на мотоцикле, и ему это показалось странным — Рока только вчера уволили. Он пошел сказать об этом тренеру и застал его в конторе лежащим без сознания, а рядом — труп джентльмена.

С доктора было достаточно. Он, не оборачиваясь, вышел из комнаты. Кричать, доказывать, что ты не верблюд? Стоит ли?

— Идем, приятель, — сказал темноволосый. Они снова напряглись, глаза настороже, на лицах — враждебность.

Я медленно поднялся. Почему медленно? Да потому, что я был уже на пределе. Еще чуть-чуть,

и я вообще не смогу подняться, а взывать к сочувствию, которого не будет... Нет уж, встану сам.

Конвоиры мои заметно ожесточились. Что удивительного, в такой ситуации, да еще в этой черной одежде, я, должно быть, казался им, как однажды выразился Теренс, ненадежным и немного опасным.

— Не волнуйтесь, — я вздохнул. — Вы правильно сказали, я буду вести себя как шелковый.

Но их, наверное, предупредили: идете арестовывать спятившего уголовника, который раскроил кому-то череп, поэтому они решили не рисковать. Рыжеволосый крепко схватил меня за правую руку выше локтя и подтолкнул к двери, а в коридоре темноволосый с той же яростью вцепился в меня слева.

По обе стороны коридора маленькими щебечущими группками стояли девушки. Я застыл на месте. Полицейские подтолкнули меня. А девушки стояли и смотрели.

Мне вдруг с кристальной ясностью открылся смысл старой поговорки «хочется сквозь землю провалиться». Последние остатки собственного достоинства восстали во мне против такой экзекуции: идти под конвоем полицейских сквозь строй молодых и красивых студенток. Будь вместо них мужчины, мне было бы легче.

Это, наверное, одно из тех впечатлений, которые не забываются — слишком сильно оно всколыхнуло душу. А впрочем, если человека часто таскают в наручниках на глазах у почтенной публики, может, он к этому привыкает?

Хорошо хоть я ни разу не споткнулся, даже на лестнице, — вид у меня и без того был жалкий. Полицейская машина, в которую меня безжалостно впихнули, показалась ниспосланным с небес прибежищем.

Я сидел между ними. Машину вел темноволосый.

Всю дорогу я думал о своем положении — ведь я попал в серьезную заваруху, и выбраться из нее будет не так-то просто. Я действительно убил Эдамса. Тут не отвертишься, не увильнешь. И допрашивать меня будут не как достойного и уважаемого гражданина, а как злодея убийцу, который готов наплести что угодно, лишь бы уйти от ответа. В полиции меня встретят, как говорится, по одежке, и хорошей встречи ждать нечего. Ведь, в конце концов, я продержался у Хамбера целых два месяца только потому, что выглядел самой захудалой рванью. И если на мою внешность купился Эдамс, чего ждать от полиции? И не подумают усомниться в моей подлинности. Вот и пример: два моих соседа. Смотрят враждебно, настороженно.

Всю дорогу рыжеволосый не спускал с меня глаз.

— Не очень-то он говорливый, — заметил он после долгой тишины.

— Есть над чем подумать, — не без юмора согласился темноволосый.

Эдамс с Хамбером измолотили меня здорово — ныли все кости. Я чуть поерзал на сиденье. Звякнули наручники.

Впереди показались огни Клеверинга. Темноволосый покосился на меня с потаенной радостью. Преступник пойман. Задание выполнено. Рыжеволосый нарушил тишину во второй раз, в его голосе я тоже уловил удовлетворение.

— Молодым ему оттуда не выйти, — сказал он. Нет, только не это. И все же... Кому-кому, а мне, адвокатскому сыну, хорошо известно: сколько меня продержат под стражей, зависит от одного — сумею ли я убедить их, что совершил убийство в целях самозащиты.

Следующие часы обернулись каким-то кошмаром. Полиция Клеверинга представляла собой братию зубастых, прожженных циников, которым без отдыха приходится бороться с бурной волной преступности, гуляющей по этому шахтерскому городку с высокой безработицей. Возможно, по отдельности все они были любящими мужьями и ласковыми отцами, но хорошее настроение и человечность приберегали исключительно для досуга.

Все они были страшно заняты, куда-то спешили. В здании царила суматоха. Меня, все еще закованного в наручники, «футболили» под конвоем из комнаты в комнату и в каждой накидывались с одними и теми же вопросами.

Наконец, где-то ближе к ночи, в ярко освещенной голой комнатенке мне дали стул, и я связно рассказал им, что я в действительности делал у Хамбера и как получилось, что я убил Эдамса. Я подробно описал им весь сегодняшний день. Они не поверили, что было вполне естественно. Они сразу предъявили мне обвинение в убийстве. Я протестовал, но бесполезно.

Меня забрасывали вопросами. Я отвечал. Вопросы они задавали по цепочке, друг за другом, поэтому оставались свежими и энергичными, я же уставал все больше и больше. Тело болело адски, наваливалась тяжесть — хорошо, что мне не надо было лгать, потому что даже для правдивых ответов голова работала плохо, а эти шакалы только и ждали, когда я ошибусь.

— Ну, теперь расскажи, как все было на самом деле.

— Я уже рассказывал.

— Про Ната Пинкертонa мы и без тебя читали.

— Запросите из Австралии копию контракта, который я заключил, когда брался за эту рабо-

ту. — В четвертый раз я повторил им адрес моего стряпчего, в четвертый раз они не стали его записывать.

— Кто твой наниматель, говоришь?

— Граф Октябрь.

— И он, конечно, это подтвердит?

— Он в Европе до субботы.

— Какая жалость. — Они грязно улыбались. Они знали от Касса, что раньше я работал в конюшне Октобера. Касс также сказал им, что я — порядочный сачок, нечист на руку, трусоват и туповат.

— Ты, значит, переспал с лордовой дочкой, так, что ли?

Мерзавец Касс, чтоб у него язык отсох!

— Он тебя, значит, под зад, а ты ему теперь сдачи — хочешь втянуть в эту историю?

— Хамберу ты уже дал сдачи за то, что он тебя выставил.

— Нет. Я ушел от него, потому что закончил свою работу.

— За что ты его тогда? За то, что он тебя бил?

— Нет.

— Старший конюх сказал, что ты получал за дело.

— Эдамс и Хамбер — аферисты, они наживались на скачках. Я разоблачил их, и они хотели убить меня. — Кажется, я говорил это в десятый раз, но все равно — никакого впечатления.

— Тебе не нравилось, что тебя били. Вернулся поквитаться... Знаем такие дела, ты не первый.

— Неправда.

— День ты думал, а потом вернулся и напал на них. Там была настоящая бойня. Весь пол кровью заляпан.

— Это моя кровь.

— Можем проверить.
— Проверьте. Это моя кровь.
— Из этого малюсенького пореза? Не морочь голову, малый.

— Мне наложили швы.
— Ах да, вернемся к леди Элинор Таррен. Дочка лорда Октобера. Значит, ты переспал с ней?

— Нет.
— Она забеременела...
— Нет. Узнайте у доктора.
— ... и приняла снотворное.
— Нет. Ее отравил Эдамс. — Я уже два раза рассказывал им про банку с люминалом, и они, наверное, нашли ее в конторе Хамбера, но помалкивали.

— Ты соблазнил ее, и лорд Октобер тебя уволил. А она не вынесла позора. И приняла снотворное.

— Она не могла чувствовать себя опозоренной. Это не она, а ее сестра, Патриция, обвинила меня, что я ее соблазнил. Эдамс подсыпал люминал в бокал с джином и дал его Элинор. У Хамбера в конторе стоят джин и люминал. Возьмите пробу из желудка Элинор на анализ.

Они меня не слушали.

— Она поняла, что после всего ты ее еще и бросил. Мистер Хамбер успокоил ее и предложил выпить, а потом она вернулась в колледж и приняла снотворное.

— Нет.

К рассказу об огнемете они отнеслись, мягко говоря, скептически.

— Он лежит в сарае.

— Да, да, сарай. А где, говоришь, он находится? — Я еще раз им подробно объяснил.

— Поле, скорее всего, принадлежит Эдамсу. Это нетрудно узнать.

— Оно, наверное, тебе приснилось.

— Поезжайте и посмотрите — в сарае найдете огнемёт.

— Им, наверное, поджигают вереск. У многих фермеров есть такая игрушка.

Они позволили мне сделать два звонка — я попробовал добраться до полковника Бекетта. В Лондоне его слуга сказал, что он уехал в Беркшир, на скачки, остановиться должен у друзей. Я позвонил в Беркшир — местная линия не работала. Телефонистка сказала, что лопнула какая-то труба, и вода затопила кабель.

Примерно около полуночи один из них заметил, что даже если (причем он сам в это не верил) моя версия насчет работы у Октобера и разоблачения Эдамса и Хамбера не выдумка, а правда, то все равно мне никто не давал права убивать их.

— Хамбер жив, — возразил я.

— Пока да.

Сердце мое подскочило. Неужели и Хамбер тоже? Боже мой! Нет, нет, Хамбер должен выжить.

— Ты огрел Эдамса палкой по голове?

— Нет, я уже говорил вам — зеленым стеклянным кругляшом. Я держал его в левой руке. Убивать его я не думал, хотел только оглушить. Я правша... Не мог точно определить, сильно ударил левой или нет.

— Зачем же бил левой?

Я снова рассказал им о правой руке.

— Ты ничего не мог делать правой рукой, а потом сел на мотоцикл и проехал шестнадцать километров до Дарема? За дурачков нас принимаешь?

— На кругляше должны быть отпечатки пальцев моих обеих рук. Правой рукой я кинул его

в Хамбера, а левые отпечатки — поверх правых, левой я ударил Эдамса. Проверьте.

— В отпечатках пальцев разбирается, — поухмылялись они.

— Кстати, отпечатки пальцев моей левой руки должны быть на телефонной трубке. Я хотел позвонить вам прямо из конторы. На крапе умывальника тоже отпечатки левой руки... и на ключе, и на дверной ручке, внутри и снаружи.

— Но на мотоцикле ты ехал?

— Потом рука ожила.

— А сейчас?

— Сейчас я ее тоже чувствую.

Один из них подошел ко мне, взял за кисть правой руки и поднял ее вверх. Наручники дернулись, левая рука тоже поднялась. На правой обнажились синяки, болезненные кровоподтеки. Полицейский отпустил меня. На мгновение наступила тишина.

— Больненько ему пришлось, — с неохотой признал один из них.

Весь вечер они пили чай — чашку за чашкой, — но мне не предложили. Тогда я попросил сам — дали. Чай оказался такой бурдой, что стало обидно — я поднимал чашку с большим трудом.

Они принялись за меня снова.

— Пусть Эдамс и ударил тебя по руке, но он защищался. Он увидел, как ты бросил кругляш в своего хозяина, и понял, что сейчас ты нападешь и на него. Он просто тебя опередил.

— Он к этому времени уже рассек мне лоб... едва не переломал мне ребра и дал палкой по голове.

— Старший конюх говорит, что все это угощение ты получил еще вчера. Поэтому и пришел отомстить мистеру Хамберу.

— Вчера Хамбер меня ударил только два раза. Не так я на него и сердился. А все остальное — сегодня, и бил в основном Эдамс. — Тут я что-то вспомнил. — Он снял у меня с головы шлем, когда я выключился. На нем должны быть отпечатки его пальцев.

— Снова отпечатки.

— Они все показывают, как было.

Я взглянул в их непроницаемые лица, в глазах — жесткость, нежелание верить. Суровые, многое повидавшие парни — эти не дадут себя провести. Я читал их мысли как по-писаному: если они поверят мне, а потом окажется, что все это — сплошная брехня, они никогда себе такой промашки не простят. Все их органы чувств были настроены на недоверие. Такая уж моя судьба.

Я снова и снова отвечал на их вопросы. Они пропустили меня по кругу еще два раза, причем рвения у них не убавилось. Они расставляли ловушки, иногда кричали на меня, ходили вокруг, трогать больше не трогали, но выстреливали вопросами изо всех углов комнаты. Я чувствовал, что уже не гожусь для такой игры. Во-первых, давали знать о себе раны, во-вторых, я не спал всю предыдущую ночь. К двум часам я вообще едва мог шевелить языком от утомления, в течение получаса я три раза забывался в каком-то сумрачном полусне, и наконец они оставили меня в покое.

Двум полицейским, сержанту и констеблю, было поручено отвести меня на ночлег в такое место, по сравнению с которым общежитие Хамбера казалось раем земным.

Камера представляла собой трехметровый куб из глазированного кирпича. Стены до плеча окрашены в коричневый цвет, выше — в белый. Где-то под потолком — маленькое зарешеченное оконце, узкая

бетонная плита вместо кровати, в углу — ведро с крышкой, на стене — отпечатанный листок с правилами. Больше ничего. Холод такой, что за ночь, наверное, промерзнут все внутренности. И маленькие помещения никогда не вызывали у меня особой симпатии.

Полицейские грубо приказали мне сесть на бетонную плиту. Они сняли с меня ботинки, вытащили ремень из джинсов, нашли на мне пояс, растягнули его и забрали. Потом сняли наручники. И ушли, захлопнув и заперев за собой дверь.

Итак, я упал на самое дно — ниже некуда.

Глава 19

Коридоры Уайтхолла¹ были наполнены прохладой и покоем. Вышколенный молодой человек почтительно открыл передо мной дверь из красного дерева, и мы вошли в пустой кабинет.

— Полковник Бекетт будет с минуты на минуту, сэр. Он просил меня извиниться, если вы придете до его возвращения, и предложить вам чего-нибудь выпить. Сигареты, если пожелаете, в этой коробке, сэр.

— Спасибо, — с улыбкой поблагодарил я. — Мне бы чашечку кофе, если не трудно.

— Разумеется. Я сейчас распоряжусь. Прошу меня извинить, сэр. — Он вышел и тихонько приоткрыл за собой дверь.

Итак, меня снова называют «сэром». И кто? Безукоризненные правительственные чиновники, чуть моложе меня самого. Посмеиваясь, я сел в кожаное кресло напротив стола Бекетта, лениво закинул ногу на ногу — на мне были элегантные брюки — и стал ждать его прихода.

¹ Уайтхолл — улица в центре Лондона, название которой стало нарицательным обозначением британского правительства.

Торопиться было некуда. Сейчас вторник, утро, впереди целый день, а у меня только и дел, что заказать билет на самолет в Австралию.

Из коридора в кабинет Бекетта не проникает ни звука. Комната квадратная, с высоким потолком, вся — стены, дверь и потолок — выкрашена в мягкий серый с зеленоватым отливом цвет. Наверное, обстановка кабинетов в таких заведениях зависит от чина хозяина, но человеку постороннему понять трудно: как оценивать большой, но слегка вытершийся ковер, совсем не канцелярские абжур, кожаные, украшенные медными кнопками кресла? Разбираться в этих тонкостях дано только своим.

Кто же он все-таки такой — полковник Бекетт? Я все время считал, что он в отставке, и вот вам пожалуйста — у него солидные апартаменты в здании Министерства обороны.

Октябрь однажды сказал мне, что в войну Бекетт был каким-то начальником по снабжению. Меня он снабдил Искрометным, а также подсобным материалом, без которого я мог бы искать Эдамса и Хамбера по сей день. Ясно, что он влиятельный человек в армии, иначе он не смог бы в спешке отрядить одиннадцать курсантов для сбора данных о каких-то неприметных лошадях. Чем же и кого он снабжает сейчас, в спокойные для Англии дни?

Вдруг вспомнились слова Октября: «Нам пришла в голову мысль подослать конюха...». Не «мне пришла», а «нам». Пожалуй, предложил этот план именно Бекетт. Поэтому Октябрь и вздохнул с облегчением, когда при нашей первой встрече Бекетт одобрил мою кандидатуру.

Я неспешно взвешивал эти не совсем связанные мысли, безмятежно ожидая человека, который обес-

печил успех всего дела. Я ждал его, чтобы попроситься.

Раздался стук в дверь, и хорошенькая девушка принесла на подносе кофейник, кувшинчик со сливками, бледно-зеленую чашку с блюдцем. С улыбкой она спросила, не нужно ли мне что-то еще, и, получив отрицательный ответ, грациозно удалилась.

В моем сознании неторопливо проплывали события последних дней...

Четыре ночи и три дня в камере я старался сжиться с мыслью, что убил Эдамса. Я частенько задумывался над тем, что меня могут убить, но, странно это или нет, мысль, что убить могу я, никогда не приходила мне в голову. К этому, как и ко многому другому, я совершенно не был готов. Ты убил человека, пусть даже он пять раз этого заслуживал, — не так просто обрести после этого душевный покой.

Магистрат дал санкцию на то, чтобы меня держали в камере семь суток, и в первое же утро ко мне пришел доктор и велел раздеться до пояса. Сам я не мог, и ему пришлось мне подсобить. Ничего не выражающим взглядом он осмотрел следы побоев — а посмотреть было на что, — задал несколько вопросов, взял мою правую руку, почерневшую от кисти почти до плеча. Два свитера и кожаная куртка не помогли: удар ножкой стула был таким сильным, что рассек кожу. Доктор помог мне одеться и, не говоря ни слова, ушел. Я не стал спрашивать его мнение, а он не счел нужным со мной делиться.

Почти все эти четыре ночи и три дня я просто ждал, часы молчаливой вереницей тянулись друг за другом. Думал об Эдамсе: живом и мертвом. О Хамбере: выживет ли? О том, что многое надо было сделать по-другому. Что, пожалуй, без суда

присяжных дело не обойдется... а то и без тюремного заключения. Ждал, когда заживут раны и перестанут ныть синяки, ворочался на бетонном ложе, стараясь улечься поудобней, — бесполезно. Считал кирпичи от пола до потолка и умножал на длину стен (за вычетом двери и окна). Думал о своем заводе, о сестрах и брате, о том, что ждет меня дальше.

В понедельник утром раздался знакомый уже скрежет — это поворачивали ключ в замке моей камеры, но когда дверь открылась, я увидел не опостылевшего полицейского, а Октобера.

Я с трудом поднялся, опершись о стену. Я не видел его три месяца. Целую минуту он смотрел на меня, стараясь справиться с собой, не ожидал, что вид у меня будет такой изможденный и истерзанный.

— Дэниэл, — сказал наконец он. Голос звучал низко и глухо.

Пожалуй, его сочувствие мне сейчас ни к чему. Сделав над собой усилие, я изобразил легкую усмешку.

— Привет, Эдвард.

Лицо его просияло, он засмеялся.

— Крепкий же вы орешек, черт подери, — воскликнул он.

Что ж... не буду его разубеждать.

— Не могли бы вы, как человек влиятельный, организовать мне ванну? — спросил я.

— Что угодно, как только выйдете отсюда.

— Выйду? Насовсем?

— Насовсем, — кивнул он. — С вас сняты все обвинения.

Я смотрел на него с нескрываемым облегчением. На лице его появилась едкая усмешка.

— Они решили, что возбуждать против вас дело — просто выбрасывать деньги на ветер. Ясно,

что вас оправдают по всем пунктам. Убийство в целях самозащиты законом не преследуется.

— Я уж не надеялся, что они мне поверят.

— В полиции проделали большую работу. Теперь все, что вы им рассказали в четверг, — это официальная версия.

— А Хамбер... он жив?

— Насколько мне известно, вчера он пришел в сознание. Но отвечать на вопросы пока не может. Разве полицейские не сказали вам, что он вне опасности?

Я покачал головой.

— Они тут народ неразговорчивый. А как Элинор?

— Обошлось. Легкая слабость, только и всего.

— Нежданно-негаданно попала в такую историю. Это я виноват.

— Что вы, дорогой вы мой, — запротестовал он, — виновата она сама. И потом, Дэниэл... насчет Пэтги... я вам наговорил тогда...

— Да бросьте вы об этом, — отмахнулся я. — Кто старое помянет... Вы сказали, с меня сняты все обвинения. Значит, я могу выйти отсюда сию же минуту?

— Именно так.

— Тогда какого черта мы здесь торчим? Пошли отсюда, если вы не против.

Он огляделся и непроизвольно поежился. Наши взгляды встретились, и извиняющимся тоном он произнес:

— Разве я мог предвидеть такое?

— Не только вы, я тоже, — признался я с легкой ухмылкой.

* * *

...Я подлил в чашку кофе, взглянул на часы. Я ждал полковника Бекетта вот уже двадцать

минут. Но не скучал, просто терпеливо сидел и ждал. Чуть подвинувшись в кресле, я стал вспоминать о походе к парикмахеру Октобера, который сделал мне короткую стрижку и сбрил бачки. Результат превзошел даже его собственные ожидания (между прочим, он попросил меня заплатить вперед).

— Ну вот, сейчас мы больше похожи на джентльмена, правда? А может быть... помоем голову шампунем?

Потом Октобер привез меня к себе, и тут — Боже, какая роскошь! — я сбрасываю с себя свой омерзительный маскарадный костюм и сажусь в глубокую горячую ванну. А дальше с каким-то странным чувством я облачился в собственную одежду. И вот я снова смотрюсь в то же длинное зеркало. И вижу человека, который четыре месяца назад приехал из Австралии, на нем отличный темно-серый костюм, белая рубашка, темно-синий шелковый галстук. Такова оболочка. Но внутренне этот человек изменился. Пожалуй, таким, как раньше, он уже не будет.

Я прошел в пурпурную гостиную, где Октобер торжественно предложил мне бокал сухого хереса.

Он посадил меня в кресло спиной к двери. Я сидел и потягивал херес, а он развлекал меня легкой болтовней о своих лошадях. При этом он ходил около камина и был словно чем-то обеспокоен. Интересно, что там у него на уме?

Вскоре все выяснилось. За моей спиной открылась дверь, и на его лице засияла улыбка.

— Я хочу вас обеих кое с кем познакомиться, — сказал он.

Я поднялся и обернулся.

В дверях стояли Пэтти и Элинор.

Они меня не узнали. Пэтти вежливо поздоровалась, явно ожидая, что сейчас ее отец представит нас друг другу.

Левой рукой я взял ее за руку и подвел к креслу.

— Садитесь, — предложил я. — А то, чего доброго, упадете в обморок.

Пэтти не видела меня три месяца, Элинор же нанесла Хамберу визит, обернувшийся трагедией, всего четыре дня назад. Она с сомнением сказала:

— Вы очень изменились... но вы — Дэниэл. — Я кивнул, и она залилась краской.

Красавица Пэтти уставилась на меня, розовые губы ее приоткрылись.

— Вы... это вы? Крошка Дэнни?

— Угадали.

— О Господи! — Она вспыхнула до корней волос, как и ее сестра. Да, Пэтти действительно было отчего устыдиться.

— Так им и надо, — заметил Октобер. — Сколько всем доставили неприятностей.

— Ну зачем же так! — воскликнул я. — Вы слишком жестоки к ним. Неужели вы им обо мне так и не рассказали?

— Нет, — неуверенно согласился он, начиная понимать: у его дочерей гораздо больше оснований для смущения, чем он предполагал, и задуманная им встреча-сюрприз протекает без особого успеха.

— Тогда расскажите сейчас, а я пока пойду поговорю с Терренсом... И вот еще что... Пэтти, Элинор... — Я назвал их по именам, и на их лицах мелькнуло удивление. Я улыбнулся. — У меня никуда не годная память.

Когда я вернулся, обе они были какие-то притихшие, а во взгляде Октобера угадывалась неловкость. Да, отцы часто причиняют любимым дочерям боль, сами того не желая.

— Выше нос, — подбодрил их я. — Я в Англии и так вдоволь поскучал.

— Как вы могли быть таким противным? — воскликнула Пэтти, показывая, что присутствия духа она вовсе не потеряла.

— Извините меня.

— Вы могли бы нам сказать, — глухо произнесла Элинон.

— Чушь, — возразил Октобер. — Разве Пэтти может хранить тайну?

— Да, ты прав, — медленно проговорила Элинон. Потом неуверенно взглянула на меня. — Я не поблагодарила вас за... за то, что вы спасли мне жизнь. Доктор все мне рассказал... как все было. — Она снова вспыхнула.

— Спящая красавица. — Я улыбнулся. — Вы были похожи на мою сестру.

— У вас есть сестра?

— Даже две. Одной — шестнадцать, другой — семнадцать.

— Вот как... — протянула она с облегчением.

Тут я встретил осуждающий взгляд Октобера.

— Вы слишком добры к ним, Дэниэл. Одна уронила вас в моих глазах, благодаря другой вы чуть не сложили голову, а вам словно и дела нет до этого.

Я улыбнулся.

— А мне и правда нет дела. Честное слово. Давайте забудем об этом раз и навсегда.

И хотя начало не сулило ничего хорошего, вечер прошел очень приятно. К концу его девушки перестали смущаться и даже могли смотреть мне прямо в глаза, не заливаясь при этом краской.

Когда они пошли спать, Октобер засунул два пальца во внутренний карман пиджака, вытащил оттуда листок и, не говоря ни слова, протянул его мне. Я развернул его. Это был чек на десять

тысяч фунтов. Как много нулей! Я молча смотрел на них. Потом медленно я разорвал состояние пополам и бросил кусочки в пепельницу.

— Большое спасибо, — сказал я. — Но принять это я не могу.

— Вы выполнили работу. Почему же отказываетесь от оплаты?

— Потому, что... — Я остановился. А действительно, почему? Трудно выразить это словами. Отчасти, наверное, потому, что эта работа дала мне гораздо больше, чем я рассчитывал от нее получить. Потому, что пришлось убить человека. Не могу сказать точно. Точно знаю только одно: эти деньги я взять не могу.

— Должна же быть какая-то причина, — с легким недоумением произнес Октобер.

— Видите ли, я ведь брался за эту работу совсем не ради денег и принять от вас такую сумму не могу. Больше того, когда я вернусь в Австралию, вышлю вам все, что осталось от первых десяти тысяч.

— Нет, — запротестовал он. — Эти деньги вы заработали. Они ваши. Они нужны вашей семье.

— На свою семью я заработаю продажей лошадей.

Он загасил сигару о дно пепельницы.

— Одного не могу понять: как вы смогли так долго проработать конюхом, если зависимость от кого-либо претит вам до абсурда? Вы говорите, деньги тут ни при чем. Что же вами двигало?

Я чуть повернулся в кресле. Синяки все еще давали о себе знать. На ум пришел каламбур, и я с едва заметной улыбкой ответил:

— Наверное, желание взять последний барьер.

* * *

Дверь открылась, и в кабинет неторопливой походкой вошел Бекетт. Я поднялся, памятуя о

его вялом рукопожатии при нашей первой встрече. Мягко пожав мою руку, он отпустил ее.

— Давно мы с вами не виделись, мистер Рок.

— Больше трех месяцев, — согласился я.

— Вы сделали все, что от вас требовалось. —

Я покачал головой и улыбнулся.

— Боюсь, напоследок я едва не сошел с дистанции.

Он окинул меня долгим, изучающим взглядом.

— Садитесь, — сказал он. — Извините, что заставил вас ждать. Вижу, вас здесь не обижали.

— Нет, все в порядке, спасибо.

Я сел, а он обошел вокруг стола и осторожно опустился в свое кресло.

— Я получил ваш отчет только в воскресенье утром, когда вернулся в Лондон из Беркшира, — начал он. — Ваше письмо шло два дня, его доставили в пятницу. Я немедленно связался с Эдвардом в Слоу и выяснил, что ему недавно звонили из полицейского участка в Клеверинге. Тогда я сам позвонил прямо в Клеверинг. Добрую половику воскресенья я занимался переговорами с высшими чинами разного калибра, чтобы поскорее вас вызволить, и наконец в понедельник утром в кабинете Главного прокурора было решено снять с вас все обвинения.

— Большое вам спасибо, — искренне поблагодарил я.

Он помолчал, внимательно глядя на меня.

— Для вашего освобождения вы сделали больше, чем Эдвард или я. Мы только подтвердили ваши слова — через пару дней вас отпустили бы так или иначе. Оказалось, полиция Клеверинга уже провела тщательное расследование в конюшенной конторе и выяснила, что все ваши показания подтверждаются фактами. Они также допросили доктора, вызванного к Элинол, и саму Элинол,

нашли сарай с огнеметом и запросили у вашего стряпчего в Австралии краткую информацию о контракте, заключенном между вами и Эдвардом. К тому времени, когда я связался с ними, они фактически уже поверили в ваши показания и пришли к выводу, что вы действительно убили Эдамса, спасая собственную жизнь.

Их доктор, который осматривал вас, сказал им сразу: травмы на вашей правой руке таковы, что, придиись этот удар по голове, он раскроил бы вам череп. Удар, по его мнению, пришелся вдоль внутренней стороны руки, а не поперек ее, поэтому сильно пострадали мышцы и кровеносные сосуды, а перелома костей не было. И еще он сказал им, что четверть часа спустя вы вполне могли бы вести мотоцикл, если очень этого хотели.

— По правде говоря, — заметил я, — мне казалось, что они не слушают ни одного моего слова.

Он хмыкнул.

— Я беседовал с одним из представителей уголовной полиции, который допрашивал вас в четверг вечером. Поначалу, сказал он, у них не было и капли сомнений, что вы — убийца, да и выглядели вы соответственно. По его словам, вы наплели им с три короба, и они засыпали вас вопросами, чтобы уличить во лжи. Они считали, это окажется проще простого. Но, наверное, было бы легче прорыть ногтями дыру в скале — так он мне сказал. Кончилось тем, что, к собственному удивлению, почти все они вам поверили.

— Жаль, что мне они об этом не сказали, — вздохнул я.

Бекетт взглянул на часы.

— Вы куда-нибудь торопитесь?

— Нет. — Я покачал головой.

— Отлично. Я о многом хочу с вами поговорить. Может быть, вместе пообедаем?

— С удовольствием.

— Вот и чудесно. Теперь о вашем отчете. — Из внутреннего нагрудного кармана он вытащил несколько мелко исписанных страниц и протянул их мне. — Снимите, пожалуйста, абзац, где вы просите о подкреплении и добавьте описание операции с огнеметом. Ладно? Вот стол, кресло. Садитесь и работайте. Когда кончите, мы все отдадим на машинку.

Когда я закончил с отчетом, Бекетт рассказал мне, какому наказанию подвергнутся Хамбер, Касс и Джуд Уилсон, а также Супи Тарлтон и его друг Льюис Гринфилд. Потом он взглянул на часы и решил, что нам пора обедать. Он отвел меня в свой клуб, и мы съели бифштекс, почки и грибной пирог, который я выбрал потому, что мог свободно управиться с ним одной вилкой. Бекетт это заметил.

— Рука еще болит?

— Уже не так, как раньше.

Он кивнул и больше к этой теме не возвращался. Зато рассказал мне о визите, который нанес вчера престарелому дядюшке Эдамса, доживавшему свой век в роскошной холостяцкой квартире на Пикадилли.

— Вот что рассказал мне этот дядюшка. Поль Эдамс был из тех детей, каких от исправительной колонии спасает только богатство родителей. Из школы в Итоне его отчислили за подделку каких-то бумаг, а из его следующей школы — за то, что был неисправимым картежником. Он попадал в одну переделку за другой, но родителям каждый раз удавалось откупиться. Как-то врач-психиатр сказал им, что их сын никогда не изменится, разве что в пожилом возрасте. А он был

единственным ребенком. Представляю, какая это для них была трагедия. Отец умер, когда Эдамсу было двадцать пять, а мать все билась за сына, старалась оградить его от какой-нибудь непоправимой катастрофы. Примерно пять лет назад ей пришлось заплатить целое состояние, чтобы замять очередной скандал. Насколько я понял, Эдамс безо всякой причины сломал какому-то юноше руку. После этого мать пригрозила, что, если он посмеет выкинуть еще какую-нибудь штуку, она упрячет его в сумасшедший дом. А несколько дней спустя она выпала из окна своей спальни и разбилась. Дядя, ее брат, говорит, что всегда считал: из окна ее выбросил Эдамс.

— Очень на него похоже, — согласился я.

— Вы были правы, когда писали, что он психически ненормален.

— Особенно сомневаться не приходилось.

— По тому, как он обращался лично с вами?

— Да.

Бекетт с любопытством взглянул на меня и спросил:

— А все-таки интересно, что за жизнь у вас была в конюшне Хамбера?

— Что за жизнь? — Я усмехнулся. — С жизнью на курорте я ее сравнивать не стал бы.

Он подождал — думал, что я продолжу, но я молчал. Тогда он спросил:

— Это все, что вы можете сказать?

— Думаю, что да. Сыр очень вкусный.

Мы выпили кофе, а потом из бутылки, на которой стояло имя Бекетта, налили в стаканы бренди и тоже выпили. А потом не спеша зашагали обратно к его кабинету.

Как и раньше, он с удовольствием опустился в кресло и удобно откинулся в нем, а я снова разместился напротив, по другую сторону стола.

— В ближайшее время вы собираетесь назад, в Австралию? — спросил он.

— Да.

— Вы, видимо, сгораете от желания как можно быстрее надеть на шею свой хомут.

Я взглянул на него. Он не отвел глаза, смотрел на меня не улыбаясь, даже строго. Он ждал ответа.

— Не сказал бы.

— Почему?

Я пожал плечами. Усмехнулся.

— Хомут мало кому нравится.

Пусть знает, какая в принципе разница?

— Вы возвращаетесь к процветанию, хорошей пище, солнечному свету, семье, прекрасному дому, любимой работе... Правильно я говорю?

Я кивнул. Действительно, разве может нормальный человек не желать вернуться ко всему этому?

— Мистер Рок. — Он чуть выпрямился в своем кресле. — Я задаю эти вопросы не без причины. Пожалуйста, отвечайте мне честно и искренне. Ваша жизнь в Австралии вас чем-то не удовлетворяет?

Наступило молчание. Я думал, он ждал. Прежде чем ответить, я решил: какая бы у него причина ни была, если отвечу ясно и просто, хуже не станет.

— Я должен довольствоваться тем, что делаю, но на душе часто скребут кошки.

— Кем бы вы стали, если бы не умерли ваши родители и вам не пришлось бы воспитывать троих детей?

— Адвокатом, наверное, а может, и... — Я колебался.

— Может, кем?

— Вам это покажется странным... особенно после последних дней... полицейским.

— Вот оно что, — мягко произнес он. — Это важно.

Он снова откинулся на спинку кресла и улыбнулся.

— Женитьба могла бы вам помочь утвердиться в жизни, — предположил он.

— Еще больше себя связывать, — возразил я. — Обеспечивать еще одну семью. Значит, заковать себя в цепи навечно.

— Вот как вы на это смотрите. А что скажете об Элинор?

— Чудесная девушка.

— Но не в качестве супруги?

Я покачал головой.

— А ведь вы многое поставили на карту, чтобы спасти ей жизнь, — заметил он.

— Я не мог поступить иначе — в беду она попала из-за меня.

— Конечно, вы не могли знать, что произведете на нее неизгладимое впечатление, и ей захочется съездить и посмотреть на вас еще раз. Когда вы вернулись к Хамберу, чтобы вызволить ее, ваше расследование было уже закончено, все прошло гладко и спокойно, вам удалось остаться нераскрытым. Верно я говорю?

— Пожалуй, да. Верно.

— Принесло ли вам это радость?

— Радость? — с удивлением переспросил я.

— Я говорю не о последней драке и не о тягостных часах работы в конюшне, которую вам приходилось честно выполнять. — Он коротко улыбнулся. — Но... захватила ли вас... скажем, романтика поиска?

— Вы спрашиваете, охотник ли я по натуре?

— Именно.

— Да.

Снова наступила тишина. Короткое словечко одиноко повисло в воздухе, смелое и разоблачающее.

— Было ли вам страшно? — Голос звучал ровно.

— Было.

— Вы знали, что Эдамс и Хамбер убьют вас, если узнают, кто вы такой. Ощущение постоянной опасности как-то отразилось на вас? — Он словно выпрашивал у меня историю болезни, и я отвечал с той же бесстрастностью.

— Я старался быть осторожным.

— Понятно. — Снова маленькая пауза. Потом новый вопрос: — Что было для вас самым трудным?

Я заморгал, усмехнулся и солгал:

— Носить эти мерзкие остроносые туфли.

Он кивнул, будто я сказал ему самую что ни на есть правду. А может, это и была правда? От остроносых туфель страдали не пальцы ног — страдала моя гордость.

Бекетт спросил как бы вскользь:

— А еще раз проделать что-нибудь подобное вы бы согласились?

— Наверное. Пожалуй, да. Только при других обстоятельствах.

— В каком смысле?

— Видите ли... во-первых, у меня совсем нет опыта. К примеру, мне просто повезло, что Хамбер днем никогда своей конторы не запирает, иначе я бы вообще туда не попал. Открывать двери без ключей я не умею. Не помешал бы и фотоаппарат... Я бы отщелкал на пленку всю голубую папку в конторе Хамбера, да мало ли что еще, но в фотографии я почти полный профан. Будь я знаком с боксом и самбо, Эдамс, наверное, остался бы в живых, да и себя я не позволил бы так отделать.

Кроме всего прочего, у меня не было возможности быстро связаться с вами или Эдвардом.

— Да, вы правы. И все же, несмотря на все неудобства, вы свою работу выполнили.

— Мне просто повезло. Два раза рассчитывать на везение не приходится.

— Пожалуй, что так. — Он улыбнулся. — Как вы собираетесь распорядиться двадцатью тысячами фунтов?

— Я... собираюсь вернуть большую часть Эдварду.

— То есть как это?

— Я не могу взять такую сумму. Мне хотелось только одного — вырваться, пусть ненадолго. Такое большое вознаграждение предложил не я, а Эдвард. Наверное, он считал, что на меньшее я не соглашусь, но он ошибался... Я бы взялся делать эту работу бесплатно, будь такое возможно. Поэтому я возьму лишь те деньги, которые заработал бы, не уезжая из Австралии. Он знает, вчера я сказал ему об этом.

Наступило долгое молчание. Наконец Бекетт выпрямился и снял телефонную трубку. Набрал номер.

— Говорит Бекетт, — сказал он. — Насчет Дэниэла Рока... Да, он сидит у меня. — Из бокового кармана он вынул какую-то карточку. — По пунктам, которые мы с вами обсуждали утром... Я с ним поговорил.

Какое-то время он слушал, потом снова откинулся в кресле, не переставая смотреть прямо мне в глаза.

— Готовы? — Он говорил в трубку. — С первого по четвертый — все положительно. Номер пять удовлетворительно. Номер шесть — это его слабое место... не смог до конца сыграть свою роль с Элиной Таррен. Она сказала, что он умен и хоро-

шо воспитан... Наверное, дело в том, что Элинор не только хороша собой, но и умна, поскольку с младшей сестрой он продержался... Да, очень красивый, может быть, вам это когда-то пригодится. Да, это суровый урок... полное отсутствие профессионализма...

Такая бесцеремонная «вивисекция» была мне не очень по душе, но встать и уйти я не хотел, значит, оставалось только сидеть и слушать. Глаза его все так же бесстрастно смотрели на меня.

— Номер семь... нормальная реакция. Восемь, пожалуй, сверх меры, но для вас это даже лучше. — Он мельком глянул на карточку, которую держал в руке. — Девятый... что ж, он родился и провел детство в Англии, но считает себя австралийцем, и пресмыкаться, пожалуй, ему тяжело... Не знаю, об этом он отказался рассказывать... Комплекс великомученика? Не сказал бы, нет. Разумеется, идеальных данных вы не найдете ни у кого... Номер десять. ППШ. Категорическое нет по двум П — слишком горд. Что касается Ш, он из тех, кто скорее будет звать на помощь. Да, он сидит передо мной. Нет, и бровью не ведет... Да, думаю, что да... хорошо... Потом позвоню.

И он положил трубку. Я ждал.

— Итак? — сказал он наконец.

— Если вы хотите спросить, что я об этом думаю, могу ответить одно — «нет».

— Потому что не хотите или из-за сестер и брата?

— Филипу всего тринадцать лет.

— Понятно. — Он махнул рукой, словно с какой-то обреченностью. — Все равно, лучше я вам расскажу. Вы должны знать, от чего отказываетесь. Я сейчас беседовал с коллегой, у него я провел и утро — он возглавляет один из отделов нашей контрразведки. Он ведает не только политическим, но и

научным, и промышленным шпионажем, да и многим другим. Работники его отдела занимаются именно тем, что с таким успехом проделали вы, — сливаются с фоном, становятся незаметной частью его. Просто поразительно, как мало внимания даже обученные агенты обращают на обслуживающий персонал и рабочих... Его людям удалось добиться прекрасных результатов. С их помощью часто проверяют подозреваемых иммигрантов и политических беженцев, которые могут оказаться совсем не теми, за кого себя выдают, причем наблюдение ведется не издали, а в тесном каждодневном общении. Недавно, например, несколько сотрудников отдела были приняты рабочими на одно из строителств, идущих под грифом «совершенно секретно». Там была довольно тревожная утечка информации...

— Филипу, — повторил я, — только тринадцать лет.

— Мы не собираемся сразу окунать вас в такую жизнь. Как вы сами верно заметили, у вас нет достаточной подготовки. Прежде чем поручить вам ответственное задание, вас нужно натаскивать в различных областях не меньше года.

— Не могу, — сказал я.

— Между заданиями все люди моего коллеги получают отпуск. Если на выполнение задания уходит четыре месяца, как в вашем случае, отпуск составляет полтора. Они работают максимум девять месяцев в году. Вы часто сможете проводить летние каникулы дома.

Я открыл рот, чтобы возразить, и снова закрыл его.

— Подумайте о моем предложении, — мягко заключил он. — Мне нужно еще кое с кем встретиться. Через час я вернусь.

Опершись о ручки кресла, он поднялся и не спеша вышел из кабинета.

А я стал думать о годах, ушедших на создание конного завода, и как многого я на нем достиг! Я ведь еще относительно молод, а репутация у меня дай Бог каждому. К пятидесяти годам, если все сложится удачно, мой завод в масштабах Австралии будет котироваться очень высоко, а сам я встречу пожилые годы уважаемым, влиятельным и обеспеченным человеком.

А что мне предлагает Бекетт? Одинокая жизнь, работы одна тяжелее другой, безотрадное жилье, постоянный риск, и вполне возможно, что венец всему — простреленная голова.

Если рассуждать логически, выбора у меня нет. Белинде, Хелен и Филипу пока что нужен надежный дом, нужно все, что вместо отца могу им дать я.

Но если забыть о логике... Ведь оставил же я семью без попечения, причем уговаривали меня недолго. Бекетт прав: строить из себя великомученика мне всегда претило. А процветающий бизнес уже однажды довел меня до полного иступления.

Я вспомнил времена, когда мне очень хотелось все бросить, но я не бросал... Вспомнил, как держал в руке бесшумный свисток Элинор и вдруг почти физически ощутил, как в мозгу вспыхнула разгадка. Вспомнил, какое удовлетворение испытал, когда стоял в выжженном загоне, где травили Кандерстега — Эдамс и Хамбер были окончательно раскрыты, повержены. Никакая продажа лошади не приносила мне такого чувства спокойствия, завершенности важного дела.

Прошел час. Полковник Бекетт вернулся.

— Ну что? — спросил он. — Да или нет?

— Да.

Он громко рассмеялся.

— Все так просто? Без вопросов и оговорок?

— Никаких оговорок. Но мне нужно вернуться домой, сделать необходимые распоряжения.

— Разумеется. — Он поднял телефонную трубку. — Мой коллега будет рад встретиться с вами до вашего отъезда. — Пальцы его опустились на диск. — Сейчас я с ним договорюсь.

— Один вопрос.

— Да.

— Что такое ППШ из пункта номер десять?

Он улыбнулся как бы про себя, и я понял: он ждал, что я задам этот вопрос. Значит, хотел, чтобы я узнал ответ. Ловко, ничего не скажешь! Ноздри мои зашевелились — я словно почувал запах какого-то нового, неведомого мира. Мира, в котором я буду своим.

— Могут ли подкуп, принуждение или шантаж, — небрежно ответил он, — склонить вас к работе на другую сторону.

Он набрал номер, и жизнь моя потекла по новому руслу...

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1	3
Глава 2	19
Глава 3.....	36
Глава 4.....	50
Глава 5	65
Глава 6.....	80
Глава 7	95
Глава 8.....	108
Глава 9	117
Глава 10.....	132
Глава 11	146
Глава 12.....	162
Глава 13.....	168
Глава 14.....	178
Глава 15.....	188
Глава 16.....	199
Глава 17.....	210
Глава 18.....	223
Глава 19.....	240

Литературно-художественное издание

Спортивный детектив

Дик Фрэнсис

ПОСЛЕДНИЙ БАРЬЕР

Редактор *И. Рахимова*

Художник-дизайнер *Б. Zufarov*

Технический редактор *Т. Харитонова*

Младший редактор *Д. Холматова*

Компьютерная верстка *К. Голдобина*

Издательская лицензия АІ № 158, 14.08.2009.

Подписано в печать 13 июля 2015 года.

Формат 80×100¹/₃₂. Бумага «Газетная пухлая».

Гарнитура «Virtec Peterburg».

Печать офсетная. Условно-печатных листов 12,21.

Учетно-издательских листов 11,96.

Тираж 2000. Заказ № 15-158.

Издательско-полиграфический творческий дом «Узбекистан»

Узбекского агентства по печати и информации.

100129, Ташкент, ул. Навои, 30.

Телефон: (371) 244-87-55, 244-87-20

Факс: (371) 244-37-81, 244-38-10

e-mail: uzbekistan@iptd-uzbekistan.uz

www.iptd-uzbekistan.uz

Фрэнсис, Дик

Ф93

Последний барьер / Д. Фрэнсис. — Ташкент:
«Узбекистан», 2015. — 264 с.

ISBN 978-9943-28-293-3

Роман Дика Фрэнсиса «Последний барьер» является одним из лучших его произведений, написанных в детективном жанре. В нем ярко проявляется индивидуальный стиль писателя: репортерский подход к описанию событий, филигранная проработка сюжета и характеров, превосходное знание темы. Здесь криминальная подоплека не более, чем опора для идей гуманизма, романтики, противостояния добра и зла, благородства и низости.

Коннозаводчик из Австралии Дэниэл Рок по просьбе графа Октобера расследует в Англии странные случаи на скачках: некоторым лошадям явно дают допинг, который, однако, не может выявить ни одна экспертиза. Под видом младшего конюха Рок проникает в конюшню, хозяйин которой подозревается в причастности к криминальным действиям. Рок понимает, что ввязался в гораздо более опасное дело, нежели полагал вначале.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

УДК: 821.111-3

ББК 84(4 Ингл)

«УЗБЕКИСТАН»

ISBN 978-9943-

9 789943 286733